

Новый роман от автора знаменитой трилогии
«ОБРУЧЕННЫЕ»!

LADY
FANTASY

АТЛАНТИЯ

ЭЛИ КОНДИ

Динамичные фэнтезийные приключения
в детально прорисованном постапокалиптическом мире...
Книга обречена на успех у молодежи.

Booklist

Annotation

Удел обитающих Внизу – долгая жизнь, здоровье, сила и счастье. Но для того, чтобы существовал прекрасный подводный город Атлантия, кто-то должен трудиться Наверху – в мире, где отравлен воздух, где царят болезни, немощь и нужда. Сколько себя помнит Рио, она мечтала жить Наверху, верила, что однажды поднимется туда, и не считала свой выбор жертвоприношением. Но вместо нее Атлантию покидает Бэй, ее сестра-близнец, а сама она вынуждена остаться. Простившись с единственным близким человеком и утратив надежду на счастливое будущее, Рио в отчаянии решает применить свое тайное оружие – силу морской ведьмы, колдовской голос сирены, которому подчиняются окружающие. Новый роман от автора знаменитой трилогии «Обрученные»! Впервые на русском языке!

- [Элли Конди](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Эпилог

Элли Конди

Атлантия

Ally Condie

ATLANTIA

Copyright © Ally Condie, 2014

All rights reserved

This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

© И. Русакова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Трумэну, творцу
и созидателю*

Глава 1

Под куполом храма развеваются знамена. Они двух цветов – бирюзовые и коричневые. Мы с Бэй, моей сестрой-близняшкой, проходим под знаменами. Сановники заняли свои места в галерее и оттуда наблюдают за толпой, собравшейся внизу, в нефе. Стены и потолок украшают статуи богов. Такое впечатление, что боги тоже наблюдают за нами. Самое большое и самое красивое окно – розовое – подсвечено, чтобы создать эффект проникающего снаружи солнечного света. Кажется, что стекло дарит нам благословение. Желтый, зеленый, синий, розовый, фиолетовый – такие лепестки у цветов там, Наверху, и такого цвета кораллы у нас, Внизу.

Верховный Жрец стоит у алтаря. Алтарь сделан из драгоценного дерева и украшен причудливыми резными узорами: завитки и прямые линии – это волны, которые постепенно превращаются в деревья. На алтаре две чаши: в одной – соленая вода океана, в другой – темная земля, которую спустили нам те, кто живет Наверху.

Мы с Бэй стоим в очереди вместе со своими ровесниками. Мне повезло больше остальных: ни у кого из ребят нет брата или сестры, которые могли бы в этот момент быть рядом. Близнецы – редкость в Атлантии.

– Слышишь, как дышит город? – шепотом спрашивает Бэй.

Я знаю: она хочет, чтобы я сказала «да», но все равно упрямо качаю головой. То, что мы слышим, – это вовсе не дыхание. Это непрекращающийся звук потоков воздуха, который закачивают в наш город и выкачивают из него: Атлантию вентилируют, чтобы мы могли тут жить.

Бэй тоже прекрасно знает об этом, но она всегда была немножко сдвинута на почве любви к Атлантии. Моя сестра не единственная, кто влюблен в наш город настолько, что относится к нему как к живому. Вообще-то, Атлантия действительно похожа на гигантское морское существо, которое распласталось в глубинах океана: большие сферические центры с рынками и жилыми комплексами соединены между собой щупальцами улиц и проездов. Все тут, конечно, герметично. Мы живем под водой, но при этом остаемся людьми: нам нужны стены, отделяющие нас от воды, и требуется воздух.

Верховный Жрец поднимает руку, и все в храме замолкает.

Бэй плотно сжимает губы. Обычно она спокойная и беспечная, но сегодня явно очень переживает. Боится, что я возьму свое слово обратно? Ну, на этот счет сестра может

не беспокоиться. Я выполню свое обещание.

Мы стоим бок о бок и держимся за руки. У нас обеих каштановые волосы, и сегодня мы красиво заплели их в причудливые косички, перевязав синими лентами. Мы с сестренкой обе высокие, голубоглазые и держимся одинаково, однако при этом мы с ней разнояйцовые близнецы, так что нас легко различить.

Пусть мы с Бэй и не зеркальное отражение друг друга, но очень близки. Так было всегда, а после смерти мамы мы сблизились еще больше.

– Сегодня нам придется нелегко, – говорит Бэй.

Я киваю.

«Да уж, мне точно будет нелегко, – думаю я, – потому что я не совершу того, о чем мечтала всю свою жизнь».

Однако, понимая, что Бэй имеет в виду совсем другое, вслух говорю:

– Раньше это всегда делала наша мама.

Бэй кивает.

Мама умерла полгода назад, а до этого она была Верховной Жрицей в храме, и именно она всегда проводила торжественную церемонию в годовщину Великого Раздела. Мы с Бэй неизменно присутствовали на этих церемониях: слушали, как мама произносит вступительную речь и благословляет юношей и девушек водой или землей, в зависимости от того, какой мир они выбрали – Внизу или Наверху.

– Как думаешь, Майра здесь? – спрашивает Бэй.

– Нет. – Бэй говорит о нашей единственной родственнице, о нашей тете. Я намеренно отвечаю лаконично и стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно. – Здесь ей не место.

Храм – место нашей мамы, а они с Майрой, сколько я себя помню, никогда особо не общались. Хотя в тот день, когда мама умерла...

«Не думай об этом».

Верховный Жрец начинает церемонию, а я закрываю глаза и представляю, будто ее проводит мама. Необычайно прямая, в сине-коричневой мантии, она стоит за небольшим алтарем. На шее у нее висит на серебряной цепи орден Верховной Жрицы, рисунок на котором повторяет резьбу на алтаре. Мама широко раскидывает руки и становится похожа на одного из скатов, что иногда проплывают в морских садах.

– Что даровано нам, живущим Внизу? – спрашивает новый Верховный Жрец.

– Долгая жизнь, здоровье, сила и счастье.

Я повторяю эти слова вместе со всеми, но, если говорить

правду, первое благо не было даровано нашей семье. Мои родители умерли молодыми. Папа скончался, когда мы с Бэй были еще совсем маленькими, от болезни, которую называли «легочная вода», а мама – совсем недавно. Они, конечно, все равно прожили дольше тех, кто принадлежит к миру Наверху, но их жизнь была намного короче, чем у большинства обитателей Атлантии.

С другой стороны, наша семья всегда выделялась на фоне прочих семейств Атлантии. Причем если поначалу люди завидовали нам черной завистью, то теперь нас с Бэй от души жалеют. Раньше, когда мы с сестренкой шли по коридорам школы при храме, все смотрели на нас с почтением: еще бы, мы были дочерьми Океании, Верховной Жрицы. А кто мы сейчас? Несчастные сиротки, дети рано умерших родителей.

– В чем проклятие живущих Наверху? – спрашивает Верховный Жрец.

– Короткая жизнь, болезни, немощ и нужда.

Бэй успокаивающе пожимает мне руку. Она знает, что я сдержу обещание и, поступив так, сделаю свой выбор – прямо противоположный тому, который хотела сделать всю жизнь.

А Верховный Жрец продолжает между тем церемонию:

– Справедливо ли это?

– Справедливо. Так предопределили боги во время Великого Раздела. Кто-то должен оставаться Наверху, чтобы человечество могло выжить Внизу.

– Так возблагодарим же богов за это.

– Мы благодарим богов за море, в котором живем, за воздух, которым дышим, и за нашу жизнь Внизу, – послушно откликаются присутствующие.

– И да будут они милостивы к нам.

– А также к тем, кто живет Наверху.

– Так предопределили боги, – заключает Верховный Жрец, – когда мир был разрушен и произошел Великий Раздел. Воздух стал грязным, и люди больше не могли выжить Наверху. Чтобы спасти человечество, они построили Атлантию. Многие решили остаться Наверху – ради того, чтобы их близкие могли жить Внизу.

У нас, живущих Внизу, под водой, длинная прекрасная жизнь. Мы много и упорно работаем, но это не сравнить с тяжелым трудом тех, кто живет на суше. У нас есть время для досуга. Мы не дышим отравленным воздухом, из-за которого рак пожирает легкие. Люди Наверху работают всю свою жизнь, чтобы поддержать нас здесь, Внизу. Их легкие разлагаются, страшная боль терзает их тела. Но они будут вознаграждены в следующей

жизни.

Боги и наши предки решили спасти этот мир. И мы всегда с благодарностью принимаем их решение. Всегда, кроме одного-единственного дня в жизни. Сегодня вы сами сделаете свой выбор. Мы верим, что боги не зря послали нас сюда, но в то же время у каждого из вас есть возможность подняться Наверх и принести в жертву свою жизнь, если таково будет ваше желание.

Верховный Жрец закончил речь. Я открываю глаза.

Новый Верховный Жрец – высокий мужчина по имени Невио. Я все никак не могу привыкнуть к тому, что у него на шее висит орден Верховного Жреца. Мне все кажется, что этот знак отличия до сих пор принадлежит моей маме.

Почему находятся люди, которые хотят подняться Наверх, если там их ждут тяжкий труд и ранняя смерть? Когда мы были маленькими, дети Внизу часто задавали друг другу этот вопрос. Я никогда на него не отвечала, но дома у меня имелся длинный список: я собственноручно составила его, указав все причины, по которым мне бы хотелось подняться Наверх.

«Наверху можно увидеть звезды. Можно почувствовать на лице солнечные лучи. Можно потрогать деревья, корни которых уходят глубоко в землю. Наверху можно идти милую за милей, и все равно не пересечешь границу своего мира».

– Подойди ко мне, – говорит Невио девушке, которая стоит в очереди первой.

– Я выбираю жребий Внизу, – произносит она.

В толпе одобрительно перешептываются. Какими бы впечатляющими ни были речи о благородстве и самопожертвовании, жителям Атлантии больше по душе, когда молодые предпочитают остаться Внизу. Верховный Жрец Невио кивает и погружает пальцы в чашу с морской водой. Он брызгает ею на лицо девушки: капли воды слишком маленькие, чтобы быть похожими на слезы. Мне интересно: они щиплются или нет?

Всех, кто выбирает жизнь Наверху, моментально окружают стражи порядка и уводят в безопасную зону. У них нет возможности попрощаться с друзьями и родными. Когда церемония заканчивается, стражники погружают их в транспорт и отправляют на поверхность. Мне всегда нравилось, что решение окончательное: никаких отсрочек или возможности передумать; уходишь – и все. Я понимала, как огорчится мама, когда я сделаю свой выбор, но ведь я не собиралась бросать ее в одиночестве, у нее бы осталась Бэй. А я бы наконец вырвалась Наверх.

Но когда мама умерла, все изменилось.

Следующим выходит вперед юноша. Я его немного знаю.

Это Фэн Кардифф, симпатичный улыбчивый блондин. Несмотря на все свое обаяние, Фэн парень дерзкий: даже когда он произносит сакральные слова, в его голосе звучат непочтительные иронические нотки, а в глазах пляшут веселые искорки.

– Я выбираю жертвенную жизнь Наверху.

Мне кажется, что я слышу, как вскрикнула одна из женщин. Она явно такого не ожидала, и сейчас ей очень больно. Наверное, это мать Фэна. Неужели он не поделился с ней своими планами? Фэн не смотрит на сидящих на скамьях зрителей, вместо этого он поворачивается к нам, стоящим в очереди, как будто высматривает кого-то или что-то.

За секунду до того как Фэна уведут стражи порядка, я успеваю заглянуть ему в глаза. Эти глаза скоро увидят мир Наверху. Мне так завидно, что даже дышать становится трудно. Но я обещала Бэй, что не сделаю этого и останусь с ней Внизу. У меня потеют ладони.

«Ты дала слово сестре».

Бэй единственная, кому я призналась в том, что хочу отправиться Наверх и мечтаю об этом каждую ночь. Я рассказала ей, что, когда вижу на алтаре в храме большую стеклянную чашу с землей, то отчетливо представляю, как притрагиваюсь к земле там, Наверху, как вдыхаю ее запах и как чувствую ее под ногами и повсюду вокруг. За несколько лет до смерти мамы сестренка пообещала, что, когда придет время, она позволит мне уйти. Сама же Бэй никогда не могла представить свою жизнь без Атлантии, она очень любила наш город и нашу маму, но дала слово, что сохранит мой секрет, чтобы никто не мог остановить меня. Если я объявлю о своем решении перед собравшимися в храме, мама уже не сможет вмешаться. Даже Верховная Жрица и члены Совета верхнего мира не в силах отменить решение человека, который сделал окончательный выбор между жизнью Внизу и жизнью Наверху.

Я искренне любила маму и сестру, но, сколько себя помню, всегда знала, что мое место там, Наверху.

Но теперь я не смогу уйти.

В день смерти мамы Бэй так рыдала, что у нее даже волосы стали мокрыми от слез; я тогда еще невольно подумала, что она может превратиться в русалку с водорослями в волосах и насквозь соленой кожей.

– Обещай, – сказала она, когда наконец смогла говорить, – что не оставишь меня одну.

Я понимала, что сестренка права. Я и сама не смогла бы оставить ее после смерти мамы.

– Обещаю, – прошептала я в ответ.

Для нас единственная возможность не разлучаться – это остаться Внизу. Мы обе можем выбрать жизнь Внизу, но не можем обе отправиться Наверх. Дело в том, что существует закон, согласно которому в Атлантии всегда должен оставаться хотя бы один представитель рода.

Еще несколько человек, и подойдет моя очередь.

Разумеется, Невио, Верховный Жрец, прекрасно меня знает, но, когда я встаю перед ним, выражение его лица не меняется. Мама повела бы себя точно так же: в мантии Верховной Жрицы она всегда становилась другой, такой отстраненной и величественной. Интересно, смогла бы она остаться бесстрастной, если бы я заявила о своем решении жить Наверху?

Этого я никогда не узнаю.

В синей чаше соленая морская вода, а в коричневой – земля. Я закрываю глаза и усилием воли заставляю себя говорить «правильным» голосом, то есть фальшивым – ровным и невыразительным. Мама всегда настаивала на том, чтобы я говорила именно так. Это позволяло скрыть мой настоящий голос, который был одновременно и даром, и проклятием.

– Я выбираю жребий Внизу, – говорю я.

Верховный Жрец брызгает мне в лицо соленой водой, благословляет, и на этом все.

Я оборачиваюсь и вижу, как Бэй подходит к алтарю. Она всего на несколько минут младше меня, поэтому я и пошла первой. Я смотрю на сестру, и у меня возникает странное чувство: будто это я наблюдаю за собой со стороны в момент выбора. Переработанный воздух циркулирует в храме у нас над головами, словно Атлантия и вправду дышит.

Голос у Бэй тихий, но я хорошо ее слышу.

– Я выбираю жертвенную жизнь Наверху, – говорит она.

Не может быть! Моя сестренка просто-напросто перепутала, сказала не те слова. Она нервничает, вот и совершила ошибку.

Я делаю шаг вперед, чтобы помочь ей. Должен же быть какой-то способ...

– Подождите, – говорю я. – Бэй, как же так?

Я смотрю на Верховного Жреца Невио в безумной надежде, что он может остановить это. Но тот изумленно воззрился на Бэй. Это длится всего секунду, но она тянется очень долго. Затем стражи порядка окружают мою сестру, как окружают каждого, кто выбирает жизнь Наверху.

– Подождите.

Но никто не слышит меня или же попросту не обращает на меня внимания. Именно для этого я и говорю всегда таким

голосом.

– Бэй, – повторяю я, на этот раз добавив нотку своего настоящего голоса, и она, как будто против собственной воли, оборачивается.

Грусть в глазах сестры поражает меня, но решимость в ее взгляде потрясает еще больше.

Она сделала это сознательно.

Я понимаю это за считанные секунды, а тем временем сестру мою уводят навсегда.

Я быстро и бесшумно пробираюсь через толпу, стараясь держать себя в руках, потому что любые сцены мгновенно пресекаются. Все жрецы знают меня, и они знают, что мы с Бэй неразлучны. Некоторые из них уже двигаются в мою сторону, чтобы встать у меня на пути, у всех на лицах выражение сочувствия.

Почему Бэй решила так поступить?

Джастус, один из самых добрых жрецов, подходит ближе и протягивает ко мне руку.

– Нет! – говорю я своим настоящим голосом.

Боль и злость вырываются наружу, и Джастус опускает руку. Я поднимаю глаза и вижу его лицо: он потрясен до глубины души, звук моего голоса подействовал на него как оплеуха.

Я сейчас сделала то, чего обещала маме не делать никогда: заговорила на людях своим настоящим голосом. И теперь уже ничего не изменишь. Так тяжело видеть выражение ужаса на лице Джастуса. Он знал меня с самого рождения, но ни о чем даже не подозревал. У меня не хватает смелости оглянуться на толпу, чтобы посмотреть, кто еще это услышал.

Я твердо стою на земле Атлантии, но у меня такое чувство, будто бы почва уходит у меня из-под ног, а сама я исчезаю, растворяюсь в воздухе.

Моя сестра ушла навеки.

Она выбрала жизнь Наверху.

Не может быть, Бэй никогда бы так не поступила.

И тем не менее она это сделала.

На прощание сестренка сказала мне, что наш город дышит.

Теперь я слышу свое собственное дыхание: вдох – выдох, вдох – выдох. Я здесь живу. Здесь же я и умру.

Я никогда не смогу отсюда уйти.

Глава 2

На Нижнем рынке торговцы, чтобы привлечь внимание покупателей, толкают людей своими тележками.

– Чистый воздух! – выкрикивает один. – Все возможные запахи и ароматы! Корица, кайенский перец, шафран!

– А вот новая одежда! – кричит другой.

Ближе к поверхности, в районе храма, есть магазины, но здесь выбор больше: целые горы всякой всячины, включая и ценные вещи, оставшиеся после кораблекрушений. Товар тут не раскладывают аккуратно за стеклами витрин, его загружают в тележки и сваливают в палатки. Торговые палатки довольно потрепанные, но зато удобные: их собирают из металлических трубок и пластиковых панелей.

Мы с Бэй обычно везде ходили вместе, и после смерти мамы мы, если не считать посещений храма, чаще всего отправлялись прогуляться на Нижний рынок. Поскольку в храме я не нашла ни одной подсказки, то решила пойти сюда. Вдруг обнаружу хоть что-нибудь, что укажет мне на причину ухода Бэй. Например, какую-нибудь записку или любой другой знак – да что угодно.

В тот памятный день, после того как стражи порядка отпустили меня, я вернулась в нашу с ней комнату и перевернула там все буквально вверх дном.

«Не может быть, – думала я, – чтобы сестра ничего мне не объяснила. Наверняка я обнаружу записку, где Бэй подробно все изложила своим аккуратным почерком».

Я вывернула карманы всей ее одежды. Сняла с ее кровати покрывало, одеяла и простыни, сбросила на пол матрац. На всякий случай также перетряхнула все свое имущество. Даже заставила себя открыть коробку с маминими вещами, которую мы держали в шкафу, но там все лежало точно так же, как мы с Бэй уложили. Никакой записки я не нашла.

Я вообще ничего не обнаружила.

Уйти вот так неожиданно, без всяких объяснений было жестоко, а Бэй никогда не отличалась жестокостью. Она могла иной раз разозлиться, если сильно уставала. Но в целом сестренка была значительно мягче меня, смешливее и, уж абсолютно точно, гораздо лучше подходила для того, чтобы пойти по стопам нашей мамы. Меня не задевало, когда люди говорили об этом, потому что я знала: это правда. И вот внезапно Бэй ушла, а я тщетно ломаю голову, пытаюсь понять причину ее поступка.

Помню, как отчаянно я продиралась сквозь толпу в храме, пока стражи порядка не оттащили меня и не поместили в специальное место, где удерживали родных и близких, которые были способны устроить сцену. После того как нас отпустили, я отправилась посмотреть на транспорт, но, конечно же, он уже ушел Наверх. Я стояла там и пыталась придумать способ сбежать вслед за Бэй, но, разумеется, это было нереально. Большинство лодок у нас используется исключительно для транспортировки продовольствия и промышленных товаров, так что давление в них не рассчитано на человека: оказавшись внутри, люди попросту там не выживут.

Даже в самых дерзких своих мечтах я прекрасно понимала, что Совет не позволит мне присоединиться к сестре. А сама я вряд ли смогу придумать осуществимый способ побега.

В одной из палаток я замечаю отрез парчи с очень красивой вышивкой. Мне даже хочется остановиться и прикоснуться к нему, но я иду дальше по центральному проходу. Толпы людей у палаток остаются у меня за спиной, я выхожу на территорию за рынком – туда, где проводятся заплывы.

На Нижнем рынке народу столько, что не протолкнуться, но все равно холодно. Часы работы рынка ограничены. Закрытие совпадает с наступлением сумерек: это сделано для того, чтобы сэкономить энергию, которая уходит на вентиляцию воздуха и обогрев этой части города. Мы ведь находимся на большой глубине. Я поеживаюсь, хотя стены Атлантии никогда не давали течь и не знали сколько-нибудь серьезных повреждений.

Давным-давно, когда люди еще только готовились к Великому Разделу, они искали источник вдохновения, дабы построить Атлантию. По преданию, Верховный Жрец увидел тогда сон, в котором боги сказали ему, что наш город должен быть создан по образцу больших городов старых времен. Во сне Верховный Жрец разглядел Атлантию во всех подробностях: прекрасный город с храмами и церквями на площадях; разноцветные жилые здания с магазинами на первых этажах; проспекты и улицы, связывающие между собой все районы.

Но конечно же, все это должно было находиться под водой.

Итак, Атлантия была задумана как группа огромных герметичных сфер. Сферы эти расположены на разных уровнях: одни выше, другие ниже; их соединяют каналы и пешеходные переходы. Инженеры пришли к решению, что лучше не сооружать одну громадную сферу, а спроектировать несколько меньшего размера и соединить их между собой. Центральная сфера – самая красивая в Атлантии. В ней размещены храм, здания Совета, Верхний рынок и несколько жилых районов. Соседние сферы

поменьше, и там все не такое масштабное: небольшие рынки, церквушки и жилые кварталы. В сферах, которые расположены глубже всех остальных, находятся технические районы Атлантии, отсеки, куда приходят на ремонт и стоянку дроны-минеры, и Нижний рынок.

Все это проектировалось не один год. В храме, на специальном стенде под стеклом, выставлены подлинники некоторых чертежей. На них заметны пятна и брызги ржавого цвета. Рассказывают, что инженеры, которые проектировали Атлантию, были смертельно больны и, бывало, кашляли кровью на свои чертежи. Но они не могли прекратить работу и жертвовали собой, иначе бы человечество погибло. Как-то я рассказала маме об этих слухах, ну, о том, что эти пятна – кровь. Мама не стала ничего опровергать.

– Знала бы ты, Рио, сколько прекрасных людей пожертвовало собой ради нас, – сказала она тогда, и глаза у нее были грустные-прегрустные.

Мир Наверху стал непригоден для жизни, и это означало, что тут у нас, Внизу, возникла острая нехватка природного сырья. В нашем городе все в основном произведено промышленным способом. Хотя есть и кое-что, сделанное из добрых старых (и очень ценных) материалов: например, деревянный алтарь в храме или каменная брусчатка мостовой на лучших улицах. Но Атлантия все равно прекрасна. Среди прочего атлантийцы больше всего гордятся своими деревьями. У наших деревьев стволы из стали, и у каждого свои, особенные металлические листья. Они так же красивы, как те, что некогда росли Наверху.

По крайней мере, так говорят.

Инженеры решили и нашу городскую транспортную систему создать по образцу тех, что были в старых городах: в Атлантии существует очень романтическая сеть каналов и лодки, которые называются гондолами. Наши гондолы, естественно, модернизированы, они оснащены двигателями и передвигаются по дорогам внутри сухих русел бетонных каналов. Гондолы требуют постоянного ухода и технического обслуживания, но атлантийцы все равно их любят. Каждую ночь после наступления комендантского часа рабочие ремонтируют гондолы, и все же днем нередко можно увидеть вытасченную на берег лодку и копошащихся возле нее механиков. Со стороны очень похоже на русалок, которые кружат вокруг затонувшего корабля: я видела такие иллюстрации в книгах, где рассказывается о временах, предшествовавших Великому Разделу.

Моей маме очень нравилась архитектура Атлантии, она любила деревья и гондолы почти так же, как и храм.

– Расцвет красоты перед лицом смерти, – сказала она как-то нам с Бэй, когда мы разглядывали диаграммы. – Инженеры оставили свой след в каждой части Атлантии. Они сотворили этот город, сделали его прекрасным и в то же время удобным для жизни.

– Они дважды бессмертны, – заметила Бэй. – Теперь живут и на небесах, и в Атлантии.

Мама одобрительно посмотрела на сестренку. Их любовь к нашему городу была чуть ли не осязаема; помнится, я тогда даже почувствовала себя лишней. Я тоже любила наш город, но не до такой степени, как они обе.

Что же касается нижних районов Атлантии, то они менее красивые и более утилитарные, чем прочие. Здесь хорошо видны заклепки на стенах и небо гораздо ниже. В сферах выше уровнем, там, где находится храм, все устроено так, что можно услышать эхо под искусственным небом.

Я прохожу мимо палаток, в которых торгуют масками. Это не те маски, которые мы носим за спиной на случай, если в стенах Атлантии вдруг появится брешь. Они продаются для развлечения, чтобы можно было изобразить из себя кого-нибудь. Я притворяюсь, будто мне интересно: трогаю морды фантастических существ, которые когда-то жили Наверху. Львы, тигры, лошади – я знаю их по картинкам из книг. Есть тут маски и поинтереснее: разные морские ведьмы с зелеными и бирюзовыми лицами.

Дети любят рассказывать друг другу истории о морских ведьмах. Мы болтали о них и в школе, и когда играли после уроков во дворе. Однажды мама велела пойти вместе с ней на вечернюю службу в храм, а мне не хотелось, и я попыталась отвертеться.

– Если я выйду из дома после наступления темноты, меня могут поймать морские ведьмы, – сказала я тогда маме. – Или сирены.

– Морские ведьмы – это суеверие, – заявила мама.

Она не отрицала существование сирен, потому что все знали, что они действительно существуют. Сирены – это такие люди (обычно женщины, но попадаются среди них и мужчины – их называют сирениусы), которые способны использовать свой голос для того, чтобы окружающие делали то, что они хотят. Они – первое чудо, произошедшее после Великого Раздела. Сирены были рождены от первого поколения людей, которые начали жить Внизу, и с тех пор они служат Атлантии.

Между прочим, я тоже сирена.

Но это тайна. Мама решила никому ее не открывать, потому

что сирены должны посвящать свою жизнь Атлантии, и маленьких сирен отдают на воспитание Совету. Мама не хотела меня отдавать.

– Морские ведьмы на самом деле существуют, – сказала я маме. – У них даже есть имена.

«Может быть, – подумала я тогда, – некоторые просто-напросто помалкивают о том, что они морские ведьмы. Ведь держим же мы с мамой в секрете, что я – сирена».

Помню, мне тогда от этой мысли даже стало не по себе.

– И какие же у этих ведьм имена? – поинтересовалась мама.

Она задала этот вопрос с такой веселой, насмешливой интонацией. Мне всегда нравилось, когда мама так говорила: это значило, что она с удовольствием поддержит мою игру.

– Например, Майра, – ответила я, припомнив историю, которую слышала еще до школы. – Одну из них зовут Майра.

– Что ты сказала? – переспросила мама в крайнем изумлении.

– Майра, – повторила я. – Она морская ведьма и сирена. Она умеет колдовать не только голосом. Майра может получить от тебя все, что захочет, а потом она превратит тебя в морскую пену, и родные даже не успеют донести твоё тело до шлюзов.

Одна девочка в школе рассказывала, что Майра якобы пьет морскую пену. Вот я и решила поделиться с мамой такими жуткими подробностями. Услышав эти слова, она закрыла рот ладонями, и глаза у нее стали круглыми. Я поняла, что мама вовсе не притворяется, а действительно пришла в ужас от того, что услышала. А моя мама была не из тех, кого так просто напугать.

– Рио, пожалуйста, больше никогда никому не рассказывай эту историю, – сказала она.

Голос у мамы дрожал, и я почувствовала себя виноватой. На самом деле я вовсе не собиралась ее пугать.

– Ладно, больше не буду, – кивнула я. – Обещаю.

И решила заодно кое-что выяснить. Некоторые люди утверждают, что у сирен нет души, я и спросила маму, как обстоит дело с Майрой.

– Это все неправда, – сказала мама. – У каждого живого существа есть душа. И у Майры тоже.

Мама, конечно же, понимала, о чем я на самом деле ее спрашиваю.

– У тебя есть душа, Рио, – успокоила она меня. – Никогда в этом не сомневайся.

Только спустя год после этого разговора мама открыла нам с Бэй правду: Майра была ее сестрой. Нашей родной тетей.

– Но мы с самого детства с ней не общаемся, – сказала она

очень-очень печальным голосом.

Мы с Бэй переглянулись. Это было жутко слышать. Как сестры могут расти вдали друг от друга?

– Не бойтесь, – поспешила утешить нас мама, увидев, как мыотреагировали на это ее заявление. – С вами такого не случится. Майру забрали, когда узнали, что она сирена. Нас разлучили и растили отдельно друг от друга. Понимаете, к чему я вам это говорю? Именно поэтому мы и должны держать правду о Рио в тайне. Мы ведь не хотим, чтобы ее от нас забрали? Мы же не хотим ее потерять, да?

Мы с Бэй кивнули в ответ. Мы все отлично поняли.

Эта тайна была очень тяжелой ношей для мамы, особенно после того, как она стала Верховной Жрицей, главой Атлантии: ведь ей приходилось отчитываться перед членами Совета верхнего мира и всячески с ними сотрудничать. У нее не должно было быть от них секретов.

Но у мамы были секреты. Один точно, а может, и больше.

Ведь в ночь, когда она умерла, ее нашли на пороге дома Майры. Она пошла к своей сестре, но я не знаю почему.

Я выхожу к краю Нижнего рынка, туда, где устроены дорожки для заплывов. Их переделали из цементных каналов, по которым раньше ходили гондолы. Несколько лет назад группа энтузиастов перенесла сюда дорожки и приспособила их для заплывов. Наверное, было непросто перетащить такие тяжелые штуки.

Альдо, организатор заплывов, замечает меня и кивает.

– Слышал, твоя сестра ушла Наверх, – говорит он вместо приветствия. – Сочувствую.

Альдо всего на несколько лет старше нас с Бэй. У него синие глаза, темные вьющиеся волосы и правильные черты лица. Как ни странно, все это не делает его привлекательным.

– Спасибо. – Это слово я еще способна произнести без всяких эмоций, когда люди выражают мне соболезнования.

Но Альдо быстро забывает о вежливых манерах. Он человек деловой.

– Придется мне на этот уик-энд пересмотреть график заплывов, раз уж она не будет участвовать.

– Бэй ничего для меня не оставила? – спрашиваю я.

– А что она должна была оставить?

– Записку. Или еще что-нибудь. Я не знаю.

– Нет, ничего, – говорит Альдо. – Свои вещи Бэй всегда забирала с собой. Ты же в курсе.

Да, я в курсе. Плавательные дорожки занимают почти все свободное место, остальное приспособлено под трибуны

для зрителей. Но возле стены, где Альдо вывешивает списки участников заплывов, есть небольшой участок, где пловцы могут арендовать шкафчики, чтобы оставлять там свои вещи.

– А в шкафчиках ничего не может быть? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Альдо, – я там вчера вечером все проверял. Пусто.

Он говорит это совершенно безучастно, и я верю, что это правда. У меня опускаются руки.

Вот, значит, как. Бэй и здесь ничего для меня не оставила. Альдо поворачивается ко мне спиной и уходит.

Вода с хлюпающими звуками ударяется о стены канала. Трибуны из тонких стальных конструкций напоминают скамьи в храме. Жрецы знали, что Бэй после смерти мамы начала участвовать в заплывах, но закрывали на это глаза. Нам нужны были деньги. В храме, конечно, заботятся об учениках, предоставляют им стол и ночлег, но за работу там нам не платят, потому что считается, что служение должно быть бескорыстным. У большинства учащихся есть родители, которые заботятся о них и дают деньги на книжки, новую одежду и карманные расходы. Между прочим, Верховный Жрец тоже не получает деньги за свою работу, его обеспечивают только едой и одеждой. Мама, когда нам с Бэй нужно было купить обновки, продавала свои личные вещи, но ко времени ее смерти уже практически ничего не осталось.

В общем, Бэй решила зарабатывать деньги. Просто удивительно, какой четкий план она разработала. После того как я пообещала, что не оставляю ее, сестренка еще горевала, но нашла в себе силы стать прежней: я имею в виду, что она вновь сделалась собранной и все тщательно продумывала.

– На Нижнем рынке устраивают заплывы, – сказала мне Бэй. – И зрители делают ставки на победителя.

Я знала об этом, хотя мы с сестрой редко туда ходили. Жрецы это не одобряли.

– Я тоже хочу попробовать.

– Но те, кто соревнуются, тренировались не один год, – попробовала возразить я.

– Я быстро научусь, – заявила Бэй. – У нас с тобой это в генах.

Мы с сестрой пошли в отца – обе высокие и сильные, а вот мама у нас была маленькая и хрупкая. Уже в двенадцать лет мы переросли ее и продолжали расти дальше. Маме приходилось смотреть на нас снизу вверх, и это ее порядком забавляло.

В те времена, когда спортивные соревнования еще не осуждались жрецами и по выходным на площадях устраивали заплывы на удобных дорожках, наш папа был отличным пловцом.

Именно тогда мама с ним и познакомилась: она решила посмотреть на один из заплывов. Папа пришел к финишу первым, поднял голову и увидел ее. Люди на трибунах вскакивали и кричали, и только один человек сидел тихо. Это и была наша мама. Она встала, потому что все встали, но при этом продолжала читать книжку, которую принесла с собой. Это заинтриговало папу. Что такого интересного в этой книжке, если девушку даже финал заплыва не волнует? В общем, папа поднялся на трибуну, отыскал маму и пригласил ее в кафе. Она согласилась. Так все и началось.

– Но, – сказала я, – возможно, из-за этих заплывов папа и заболел.

– Никто так и не доказал связь между плаванием и легочной водой, – возразила Бэй.

Она продала статуэтку бога-тигра – это была одна из последних личных вещей нашей мамы, – а на вырученные деньги приобрела нам плавательные костюмы и оплатила время тренировок на дорожках.

– Я чувствую себя голой, – поежилась я, когда мы в первый раз переоделись.

– Ну и зря, – ответила Бэй. – Эти костюмы почти так же целомудренны, как мантии, которые мы носим в храме. Мы в них прикрыты от носа до кормы.

Тут я рассмеялась (а я не часто смеялась после смерти мамы), а Бэй улыбнулась.

Мы вместе вышли к дорожкам, но тренер только покачал головой:

– Альдо не сказал мне, что вы уже такие взрослые. Нет смысла вас тренировать.

– Но нам только по пятнадцать, – возразила ему Бэй.

– И все равно – это слишком много, – сказал он. – Начинать надо раньше.

Но сестренка не собиралась сдаваться.

– Какая вам разница, если мы платим за обучение? А уж получится что-нибудь или нет, это уже наша проблема.

Естественно, когда мы с Бэй очень быстро начали показывать хорошие результаты, тренер повел себя так, будто ничего другого и не ожидал.

– Еще бы, с такой-то наследственностью, – сказал он. – Эх, девочки, зря вы не начали тренироваться раньше, тогда бы вам просто цены не было. Но я так понимаю, что ваша мама хотела, чтобы вы остались при храме. Тут я ее не виню.

– Вовсе не обязательно тягаться с самыми лучшими пловцами, – шепнула мне Бэй. – Главное, добиться, чтобы меня

допустили к соревнованиям, и выиграть несколько заплывов.

– Подожди-ка. – Сестренка сказала «меня», а не «нас». – А как же я?

– Нет, – категорично заявила она. – Это слишком опасно.

Наверняка причина опять заключалась в моем голосе. Так было всегда. Только на этот раз я не поняла, какая связь между голосом и заплывами.

– Понимаешь, Рио, – пояснила мне Бэй. – Что бы ты ни делала на людях, всегда есть риск, что тебя разоблачат. Выиграешь ты заплыв или проиграешь, тебе придется говорить со зрителями. Поэтому лучше, если ты будешь просто смотреть. Тогда ты сможешь мне сказать, если кто-то попытается сжульничать. Будешь следить за часами и увидишь, если Альдо что-то там мудрит с результатами.

Я поневоле начала злиться.

– Но если предполагается, что я не стану участвовать в заплывах, то с какой радости мне учиться плавать?

– А почему бы и нет? – удивилась Бэй. – По-моему, это вполне естественно. Ведь наш папа умел плавать. Тебе вообще не кажется довольно глупым, что большинство из нас не умеют плавать, хотя мы и живем под водой?

– Нет, не кажется, – ответила я. – Если в стенах города когда-нибудь случится пробоина, мы все так и так погибнем.

– Выкинь из головы эти мысли, – велела сестренка.

И мы начали тренироваться вместе: день за днем, бок о бок – вот только в заплывах я никогда не участвовала.

Альдо возвращается с объявлениями, которые надо повесить на стену, и шорох бумаги возвращает меня к действительности.

– Я могла бы плавать на ее дорожке, – говорю я.

Участие в заплывах – это своего рода связь с Бэй. Возможно, мне удастся приглушить таким образом беспокойство, которое пожирает меня изнутри.

Альдо удивленно приподнимает брови. Нетрудно догадаться, что ему по душе эта идея, он ведь хитрый и в то же время ленивый – не придется никого искать на замену Бэй.

– Когда вы вместе тренировались, то были с ней на равных, – замечает он.

– Да, – киваю я, – я ничуть не хуже сестры.

– Лично я не возражаю, – говорит Альдо. – Но ведь необходимо, чтобы и другие участники заплывов тоже согласились на замену. И еще мне надо дать знать зрителям. – Альдо делает жест в сторону стойки, где обычно принимает ставки.

Я согласно киваю.

– Приходи завтра, я скажу, что они об этом думают, – заключает он. – Пока!

Но я еще какое-то время стою там и смотрю на гладкую бирюзовую воду плавательных дорожек. Альдо искусственно подкрашивает воду, чтобы она выглядела более заманчиво. Впервые после ухода Бэй я чувствую себя немного лучше. Может, если получится физически себя вымотать, то хоть мозг отдохнет, пусть даже просто выключится, пока я буду плыть и смотреть на дно: ведь в этот момент у меня останется лишь одна-единственная цель.

– Рио, – произносит кто-то у меня за спиной.

Искорка оптимизма мгновенно гаснет, и я снова погружаюсь в мрачную пучину.

Я узнаю этот голос, хотя и давненько уже его не слышала. Если точнее, то с маминых похорон.

Она здесь.

Майра.

Мамина сестра.

Женщина-сирена, из тех, кого люди называют ведьмами.

Та, которая, как я думаю, могла убить нашу маму.

А как еще объяснить то, что тело мамы нашли на пороге ее дома? И почему Майра ни слова не сказала, даже никак не попыталась объяснить причину, по которой мама тогда побежала именно к ней?

Когда я поделилась с Бэй своими подозрениями, она мне не поверила:

– Не может быть, Рио, родная сестра на такое не способна.

Я оборачиваюсь и смотрю на толпу людей на Нижнем рынке. Майры вроде бы нигде не видно. И все же я чувствую, что она за мной наблюдает. Может, хочет, чтобы я отозвалась?

Майра не знает, что я сирена. Мама была очень осторожна и держала это в тайне от всех, даже от собственной сестры.

Как-то еще в детстве я спросила ее:

– Но если у Майры необычный голос, то разве люди не могут заподозрить, что и у меня такой же?

– Нет, – ответила мама. – Еще никогда в одной семье не рождались две сирены. В Атлантии всегда верили, что голос сирены – это дар богов, он не может передаваться по наследству.

– Тогда почему же я должна прятаться? Значит, на самом деле это вовсе не дар, а наоборот?

Глаза у мамы стали невероятно грустными, и она сказала:

– Все это очень сложно, Рио. Понимаешь, это величайший дар, просто еще не пришло время, когда ты сможешь им воспользоваться.

– А когда оно придет? – заинтересовалась я.

У мамы не было ответа на этот вопрос, а вот у меня был. Это время придет, когда я поднимусь Наверх. Маме всегда очень нравилось, что я умею держать себя в руках. Она просто не догадывалась, что у меня это получалось только потому, что я не собиралась оставаться в Атлантии до конца своих дней. Я всегда мечтала, как однажды поднимусь Наверх и смогу наконец заговорить своим настоящим голосом.

– Майра – твоя самая лучшая защита, – пояснила тогда мама. – Именно потому, что у нее такой голос, никому никогда и в голову не придет искать других сирен в нашей семье.

Я снова слышу, как кто-то произносит мое имя. Всего одно лишь слово, и оно звучит только для меня: «Рио».

Я ускоряю шаг, прохожу мимо торговых рядов и палаток к нижним районам Атлантии.

Мне кажется, что я чувствую, как Майра идет за мной следом и нашептывает мне какие-то слова, но я не могу их разобрать, потому что они звучат за потоками воздуха, который перетекает сквозь стены нашего города. Я бессильна перед этим голосом.

«Неужели я тоже так могу?»

Если я заговорю своим настоящим голосом, то стану такой же, как Майра. Меня заклеят как сирену, и люди станут меня бояться.

Теперь всякий раз, когда я встречаюсь с Джастусом, он отводит глаза. А ведь он слышал, как я произнесла всего одно слово, но и этого оказалось достаточно – с тех пор он держит дистанцию. Вообще-то, это правильно, так безопаснее для меня же самой: казалось бы, я должна радоваться, но мне грустно. Джастус был лучшим другом мамы. Он самый добрый из священнослужителей, и мы с Бэй надеялись, что после смерти мамы его выберут Верховным Жрецом.

Но вместо него выбрали Невио.

Мимо меня проходит компания подростков. Которые смеются и оживленно болтают. Они скользят по мне равнодушным взглядом. В какой-то момент у меня возникает желание окликнуть их своим настоящим голосом. Я могла бы играть парнями, могла бы сделать так, что девчонки стали бы мне завидовать и сильно пожалели, что когда-то не замечали меня.

– Привет.

Голос притягивает и очаровывает. На секунду мне кажется, что это я заговорила. Но я не произнесла ни слова.

Снова Майра. Она стоит напротив меня в черной мантии. Волосы у нее распущены, черты лица слишком резкие, совсем не как у мамы, и в то же время сразу бросается в глаза, что они

похожи. Я никогда раньше не видела ее так близко.

– Мне надо поговорить с тобой. О вашей маме. И о твоей сестре.

Мне так хочется ответить своим настоящим голосом: «Нет, ничего этого тебе не надо». Но я так долго хранила молчание, что теперь просто не вижу в этом смысла. Разрушить все только ради тетки, которой, по большому счету, плевать на меня?

Я прохожу мимо нее. Майра идет следом. Я слышу ее шаги у себя за спиной. Я чувствую всю пропасть потери, когда она произносит: «о маме» и «о сестре». Эти слова эхом отдаются у меня в мозгу, как будто мой череп – холодный пустой храм, в котором не зажгли свечи.

Я всегда знала, что если останусь Внизу, то потеряю себя, и чувствую, что это уже начинает происходить.

– Рио, – повторяет Майра, – я была в храме, когда Бэй ушла Наверх. И я слышала, как ты заговорила.

Я останавливаюсь.

Значит, не один только Джастус меня слышал.

– Я всегда подозревала, что и ты тоже сирена, – говорит Майра. В ее голосе так отчетливо звучат счастливые нотки, что меня даже передергивает. – Если ты чего-нибудь хочешь, – продолжает она, – или если тебе что-то нужно, я могу тебе помочь. Знаешь, я ведь помогала твоей маме. Океания, даже будучи Верховной Жрицей, признавала, что ей нужна моя помощь.

Это ложь. Мама гордилась бы мной, если бы услышала, каким ровным и невыразительным голосом я ответила Майре, хотя на самом деле мне хотелось закричать.

– Маме ничего от тебя не было нужно. У нее были мы. Мы с Бэй.

– Есть вещи, о которых ты можешь рассказать только сестре, – парирует Майра. – А есть и такие, о которых ты больше никого не можешь попросить.

Ее голос звучит все тише и печальнее, он словно бы отдаляется, хотя собеседница стоит прямо передо мной. Это сбивает меня с толку.

– Ты считаешь, что я – плохая сестра, а твоя мама – хорошая? – интересуется Майра. – Но Океания правда нуждалась во мне. И Бэй тоже.

А вот это уже полная чушь. Бэй нужна была я.

– Сестренка для тебя кое-что оставила, – говорит Майра. – Пойдем со мной, и я отдам тебе это.

Я оказываюсь в ловушке. Ведь это вполне может быть правдой.

Бэй не ушла бы Наверх, не оставив мне хоть какой-то знак, чтобы объяснить причину своего поступка.

С другой стороны, она бы точно не стала прибегать к помощи Майры.

Или все-таки стала бы?

Если бы еще не этот голос сирены: он мешает мне трезво оценивать ситуацию.

За спиной у нас по цементному каналу проходит гондола. Мне хочется уйти от Майры и вернуться в храм. Я срываюсь с места и перехожу на бег.

Меня преследует голос Майры:

– Нам надо поговорить, Рио, тебе и мне. Я могу помочь тебе достичь того, к чему ты стремишься, выполнить твоё самое заветное желание.

Знает ли она о том, что я стремлюсь любой ценой сбежать из Атлантии?

У меня возникает неприятное чувство, что тетя способна читать мои мысли и заглядывать ко мне в душу.

– Я могу помочь тебе попасть Наверх, – говорит Майра, и голос её затухает: он преследует меня, как невидимый призрак. – Ты слышишь, как дышит город?

Глава 3

Я сижу на скамье в своей старой одежде, и меня окружают знакомые запахи восковых свечей, камня и воды. Я делаю глубокий вдох и жду, когда утомится сердце. Оно бешено колотится с того момента, как я встретила с Майрой.

Жрецы проходят по нефу, их мантии с шорохом волочатся по полу. Я специально, чтобы не встречаться ни с кем глазами, опускаю голову. Не хочу больше слышать никаких слов сочувствия по поводу ухода Бэй.

Здесь тетя вряд ли до меня доберется. Сиренам запрещено входить в храмы. У них есть свое место для богослужений, где-то в маленьком лабиринте зданий Совета. Но так было не всегда. Вообще-то, в первое время после Великого Раздела многие сирены были жрицами, своими особенными голосами они предупреждали людей о грехе гордыни и призывали их к самопожертвованию. Но потом некоторых сирен опьянила власть, и они начали манипулировать окружающими, использовать свой голос во вред. Тогда Совет принял решение забирать детей-сирен из семей и воспитывать их так, чтобы они могли приносить Атлантии только пользу.

Женщина на том конце нефа зажигает свечу. Почти на всех скамьях сидят люди. Интересно, есть ли среди них такие, кто тоскует по ушедшим Наверх? Наверняка сегодня не одна я ищу здесь уединения. Храм никогда не закрывается. Это единственное место, где разрешается оставаться после наступления комендантского часа.

Мама порой работала допоздна: выслушивала молитвы и просьбы тех, кто начинал испытывать кризис веры. Некоторые буквально кричали о своих сомнениях, выли и рычали, рассказывая о своих грехах. Мама считала, что каждого человека обязательно надо выслушать, что это очень важно, и поэтому, даже став Верховной Жрицей, она никому не отказывала в помощи.

А еще мама полагала, что сирен надо пускать в храм, и даже хотела провести в Совете соответствующий закон, но ей так и не удалось набрать среди жрецов достаточное количество голосов. Для мамы храм был местом, где боги и люди могут встретиться, и она считала, что никого нельзя лишать такой возможности.

Помню, однажды, будучи сильно не в духе – что случилось с ней чрезвычайно редко, – мама с горечью сказала нам:

– Вот говорят, что, мол, сирены – чудо, а люди – нет.

Что за глупости! Да каждый человек – это настоящее чудо!

Я поднимаю голову и смотрю на резные каменные контрфорсы и галереи: оттуда за нами наблюдают зловещие боги и горгульи.

Боги изображены в обличье разных зверей, что живут Наверху. На колонне рядом со мной – бог Эфрам: он злобный и хитрый, а потому вырезан из камня в виде тигра. Существует много богов в образе тигра, но, если знать, какой именно тебе нужен, отличить его от других не проблема. Например, у Эфрама самые большие глаза. Он видит больше других.

– Боги все знают, – говорила мама, когда мне было трудно скрывать свой голос. – Они знают, как тебе трудно. И они довольны тобой, Рио.

Мне хотелось уточнить: «Довольны тем, что я сирена, или же тем, что у меня получается это скрывать?»

Но я так никогда и не спросила маму об этом.

Еще в детстве я поняла, что своим голосом могу заставить Бэй сделать все, что захочу. Но я не имела такой власти над мамой. Даже когда я заливалась слезами и горячо просила ее о чем-то, она все равно могла мне отказать. Но это не всегда было легко. Когда я плакала, или умоляла, или пыталась ею манипулировать, мама закрывала глаза, и я знала, что она молится, чтобы не поддаться мне. И боги всегда давали ей силу. Это был знак того, что они ей благоволят. Верховные Жрецы могут противостоять сиренам. Отчасти их и выбирают за эту способность.

Помню, однажды, когда нам было по пять лет, я довела Бэй до слез. Она так рыдала, что даже начала задыхаться. Я сделала это специально. Мне нравилось чувствовать себя энергичной, жестокой, умной и всесильной. Но после этого я сломалась и начала терзаться угрызениями совести. Мама крепко прижала меня к себе. Она тоже плакала.

– Ты хорошая девочка, Рио, – сказала она.

– Я специально сделала больно Бэй, – призналась я. – Я хотела сделать ей больно.

– Но потом ты об этом пожалела, – возразила мама. – И ты не хочешь делать этого снова.

Мне показалось, что она почувствовала облегчение.

Я кивнула. Она была права.

– Вот в чем тут разница, – продолжала мама так, будто обращалась уже не ко мне. – Именно в этом и заключается принципиальное отличие.

Она взяла мое лицо в ладони и с любовью заглянула мне в глаза.

– Рио, каждый человек в какой-то момент своей жизни хочет сделать больно другому. Такова уж человеческая природа. Но ты от рождения обладаешь большей силой, чем другие. Вот почему ты должна контролировать свой голос.

И конечно, была еще одна, не менее важная причина держать все в тайне: мы не хотели, чтобы меня забрал на воспитание Совет.

Мама очень рано узнала о том, что я сирена, когда я еще только-только начала лепетать первые слова. Ей пришлось уйти с работы, потому что она не могла позволить, чтобы за нами с Бэй присматривал кто-то чужой, пока я не научусь маскировать свой голос. В общем, мама сказала всем, что я заболела.

Мои самые ранние воспоминания связаны с тем, как мама учит меня говорить безопасным голосом, а Бэй помогает мне в этом практиковаться. Я старалась подражать ей, говорила спокойно и тихо, но наши голоса все равно звучали по-разному.

Во сне я неизменно разговариваю своим настоящим голосом, и поэтому я всегда с радостью ждала часа, когда можно будет лечь спать. После смерти мамы, проснувшись, я часто обнаруживала, что Бэй лежит рядом, прижимается ко мне, чтобы согреться, руки у нее холодные, а от кожи пахнет соленой водой. Я никогда не замечала, в какой именно момент сестренка залезала ко мне под одеяло, но была очень рада, что она приходит за теплом ко мне.

Теперь же я лишилась сна. Меня больше не радует собственный голос, я хочу услышать голос Бэй.

Я плачу и стараюсь, чтобы никто этого не заметил. Я знаю, что жрецы озабочены тем, как сильно я переживаю уход сестры. Наступит момент, и они скажут мне, что я должна принять ее выбор, успокоиться и начать снова работать в храме с утра до вечера, а не урывками, как сейчас. Но пока еще жрецы проявляют сочувствие. Они тоже любили Бэй.

Я провожу рукой по стоящей передо мной лакированной деревянной скамье. Скамьи в храме, как и кафедра проповедника, вырезаны из старинного дерева. Они очень дорогие, ведь в Атлантии не так много деревянной мебели. И тем не менее любой прихожанин может потрогать эти скамьи и посидеть на них. Когда мама была Верховной Жрицей, она разрешала мне дотрагиваться до кафедры, и в такие моменты я еще больше проникалась нашей религией. Я испытывала одновременно почтение и смирение, и еще меня переполняло стремление жить праведной и добродетельной жизнью, всегда быть справедливой – ведь все это, думала я, и есть истинная вера, от которой мои мама и сестра не отступают ни на секунду.

Кто-то присаживается рядом со мной, и я чуть-чуть отодвигаюсь в противоположную сторону. В храме достаточно пустых скамей, меня раздражает, что кто-то решил выбрать именно эту, под статуей Эфрама.

«Поищи себе другого бога, – мысленно шепчу я. – Обратись к какому-нибудь богу-льву, – к Кэйлу, например. Попроси его прорычать твои мольбы небесам».

Но незнакомец, наоборот, придвигается ближе ко мне и берет с полочки напротив сборник церковных гимнов. Я чувствую аромат мыла, который, однако, не в силах перебить другой запах – машинного масла, уж его-то ни с чем не спутаешь. А еще я вижу руки своего соседа: натруженные, сильные и уверенные. Думаю, я знаю, чем занимается этот человек. Скорее всего, он механик и ремонтирует разные сломанные машины.

– Я тебя слышал, – говорит мне сосед.

Понятно: какой-то сердобольный тип услышал, что я всхлипываю, и решил узнать, не надо ли чем помочь. Я вытираю рукавом лицо.

– Нет ничего зазорного в том, чтобы плакать, – отвечаю я ровным голосом, хотя, вообще-то, всегда считала, что плакать стыдно.

– Конечно нет, – соглашается он.

На минуту наступает тишина: кажется, даже жрецы перестали шуршать рясами в проходах храма и сама Атлантия затаила дыхание. А потом незнакомец вдруг говорит:

– Меня зовут Тру Бек.

Голос у него глубокий и добрый, но я по-прежнему не гляжу в его сторону. Он перелистывает сборник гимнов, а я думаю: интересно, куда он смотрит – на странички или на меня?

– Я знаю, что твоя сестра ушла Наверх. Мой лучший друг тоже ушел.

Я молчу, меня не особенно интересуют взаимоотношения между людьми, если только это не кровные узы. Ничто не сравнится с узами, которые связывают двух сестер-близняшек.

– Его звали Фэн Кардифф, – поясняет Тру.

Это имя парня, который ушел как раз перед Бэй. Я непроизвольно поворачиваюсь и смотрю на Тру. В первый момент мне кажется, что в его облике всего два цвета: коричневый и синий. Каштановые волосы, карие глаза, синяя рубашка и синие круги под глазами. Я уже видела его прежде. Атлантия – сравнительно небольшой город, так что многие его жители так или иначе сталкиваются на улицах, хотя и далеко не всегда знают друг друга по имени.

– Я понятия не имел, что Фэн собирается это сделать, –

говорит Тру.

Он симпатичный, из тех смуглых парней, глядя на которых думаешь, что их лица касались солнечные лучи, хотя на такой глубине это, конечно, невозможно. Глаза у Тру умные, а тело сильное, но сила эта не грубая и агрессивная, а, скорее, энергично-стремительная. Я все это отмечаю чисто автоматически: меня он совершенно не интересует. После ухода Бэй я чувствую только тоску от своей потери и не испытываю больше никаких эмоций.

– Ты моложе или старше Фэна? – спрашиваю я.

Ведь если Тру младше, то ему жаловаться не на что. Подождет до следующего года и выберет жизнь Наверху, а там уж найдет своего друга.

Но Тру словно бы и не слышал моего вопроса.

– Рио, тут такое дело: нам надо поговорить. Только давай не здесь, а где-нибудь в другом месте, – предлагает он.

– О чем?

– О них, – отвечает Тру. – О Бэй и Фэне.

При этом он как-то по-особенному произносит их имена. Как будто они ушли вместе: Бэй и Фэн. Холодный мрак сомнения окутывает мое сердце. Неужели Бэй выбрала жизнь Наверху из-за того парня? А я об этом даже и не подозревала?

– Я видел их вместе, – говорит Тру, словно читая мои мысли. – И не один раз.

– Этого не может быть, – не верю я. – Бэй никогда ничего мне про Фэна не рассказывала.

– Мне кажется, Рио, мы можем помочь друг другу.

– Интересно, чем же я могу тебе помочь? – спрашиваю я. – Ты вроде и без меня все уже знаешь.

– На самом деле я не знаю ничего, – отвечает Тру.

В его голосе звучит отчаяние: это отчаяние сродни печали, которую я ношу в своем сердце и о которой не могу говорить даже сама с собой, потому что тогда она меня просто раздавит. Тру склоняется ко мне поближе и туго скручивает сборник гимнов в толстой обложке.

– Я понятия не имею, почему ушел Фэн. Ты не знаешь, почему ушла твоя сестра. Мы с тобой хотим найти ответы на похожие вопросы. Может, это у нас получится, если мы будем действовать сообща?

Мимо проходит Джастус; он отворачивается, будто высматривает кого-то на других скамьях. Но на самом деле никого он не высматривает, а просто старается не встретиться взглядом со мной. Потому что он слышал мой настоящий голос в тот день, когда ушла Бэй. Джастус хороший человек, он был

лучшим другом мамы, а потому не стал задавать мне лишних вопросов и просто оставил в покое. Он никому ничего не рассказал и не запретил мне ходить в храм. Большого от него в данной ситуации и требовать нельзя, однако мне очень больно.

– Бэй и Фэн ушли, – говорю я Тру. – Мы остались. А причины мы все равно никогда не узнаем, и не о чем тут говорить.

– Ты не можешь быть в этом уверена, – возражает Тру. – Наверняка кто-нибудь что-нибудь да знает. Я, например, вполне могу сообщить тебе какую-нибудь важную деталь. Так что я бы на твоём месте не отказывался: в любом случае, поговорив с людьми, ты ничего не потеряешь.

Тру произносит все это так настойчиво и искренне, что я вынуждена опустить голову, чтобы он не заметил: я с трудом сдерживаю смех. Подумать только, он советует мне поговорить с людьми! Да этот парень даже не представляет, что обращается с подобным предложением к сирене, которая никогда не сможет заговорить с людьми. К той, кого по-настоящему знали только два человека, но оба они уже навсегда покинули Атлантию.

Тру тяжело вздыхает: небось обиделся.

– Если вдруг передумаешь, – говорит он, – меня можно найти на Нижнем рынке: я там бываю почти каждый вечер.

Я не могу вернуться на Нижний рынок, ведь именно там Майра меня и подкараулила.

На алтаре тают восковые свечи. Кэйл, Эфрам и остальные боги смотрят на нас сверху вниз. Кто-то из прихожан шелестит страницами сборников, отыскивая нужные гимны, жрец тихо говорит что-то на соседней скамье. Город дышит. С тех пор как ушла Бэй, я постоянно слушаю Атлантию, просто не могу остановиться. Бывают моменты, когда я могу поклясться, что наш город – живое существо: иногда дыхание у него легкое, а иногда он сипит, хрипит и задыхается.

«Ты слышишь, как дышит город?» – спросила меня Майра.

И тут вдруг я понимаю, что должна делать, мне даже смешно становится, настолько это очевидно. Все это время я тщетно пыталась выяснить причину ухода Бэй. Но ведь лучший способ узнать ответ – это подняться Наверх и спросить ее саму.

Несмотря на все кажущиеся препятствия, способ подняться Наверх наверняка существует.

Бэй меня освободила. Теперь меня здесь ничто не держит.

Да, раньше никому не удавалось улизнуть Наверх, но это еще не значит, что я не могу стать первой. Если я даже погибну при попытке сбежать отсюда, то хотя бы не буду торчать до скончания дней своих взаперти здесь, в Атлантии. По крайней мере, я умру, пытаясь встретиться с сестрой и увидеть мир,

который всегда мечтала увидеть.

Я встаю, подхожу к алтарю и зажигаю одну из свечей. Наши свечи быстро прогорают, нам ведь надо беречь драгоценный воздух. Я опускаюсь на колени и в течение нескольких минут изображаю, будто молюсь, пока моя свеча не оплывает, а фитиль не начинает чернеть и крошиться. Свеча догорает, и я встаю с колен.

Тру ушел.

Вернувшись в комнату, я ложусь на кровать и смотрю в потолок.

Больше всего мне сейчас хочется услышать смех Бэй. Я чувствую себя невыносимо одинокой.

Иногда, чтобы подразнить меня, сестра в противовес списку причин, по которым я хотела подняться Наверх, составляла свой антисписок, где приводила доводы в пользу того, чтобы остаться Внизу. Она писала что-то вроде: «Морские сады очень красивые и многоцветные. В кафе смеются люди. Листья металлических деревьев отражают свет. На площадях есть пруды желаний, куда мы можем кидать свои золотые монетки для нуждающихся Наверху. Вода изменчива, как и небо».

Мы сравнивали наши записи и потихоньку перешептывались, чтобы никто не подслушал.

Я переворачиваюсь на бок и чувствую под щекой косичку. После ухода Бэй я еще не расплетала волосы (хотя они, конечно, уже порядком растрепались) и не вынимала из них голубые ленты. В то утро мы заплели друг другу косички очень сложным и причудливым способом. И я знаю, что если сейчас расплету волосы, то обратно их так уже никогда не заплету – самой мне ни за что не справиться.

Интересно, а Бэй Наверху тоже не расплетает косички? Или она уже выкинула синие ленточки? Наверное, там, где она сейчас, предпочитают носить другие цвета.

Может, если я поговорю с Майрой, она и впрямь сумеет мне помочь. Она могла бы научить меня, как манипулировать голосом, чтобы получить желаемое. А она ведь сказала, что знает, чего я хочу. О моей тете ходят разные истории, люди ее боятся, но еще вопрос: добивалась ли она когда-нибудь того, чего действительно хотела? И пошло ли это ей на пользу?

Вон что получилось, когда я прошептала всего одно короткое слово «нет». Теперь Джастус отводит взгляд, а Майра точно не оставит меня в покое. А что, если еще кто-то, какой-нибудь незнакомец услышал меня тогда?

У меня в голове снова звучит голос Майры: «Ты считаешь,

что я плохая сестра, а твоя мама – хорошая?»

Разве обязательно, чтобы сестры были разными? Если да, то я знаю, какая я сестра, – плохая. Бэй тоже не идеальна, но она добрая. Она искренне любит наш город, любит жителей Атлантии. Бэй собиралась остаться Внизу и служить им всю свою жизнь.

Но ведь сейчас-то все переменялось: Бэй ушла Наверх, а я застряла Внизу. Тогда получается, что хорошая сестра – я?

Нет, все равно что-то не сходится. Ладно, допустим, я специально воспользуюсь своим голосом и пересеку черту – тогда обратного пути уже не будет. Может, все-таки поговорить с Майрой? Или не стоит?

Одно я знаю наверняка: мне любой ценой надо подняться Наверх. Но вот пока ума не приложу, как именно это сделать. Волна надежды, которую я почувствовала было в храме, отхлынула обратно, оставив меня на берегу бессилия и потерь.

Подушка уже стала мокрой от слез. Возможно, мне следовало бы собрать их в чашу и отнести жрецам, чтобы они использовали их для тех, кто решил провести свою жизнь здесь, Внизу, в темноте. Мы все тут вечно плачем и благословляем друг друга – тех, кто слишком труслив, или глуп, или просто упустил шанс прожить жизнь Наверху.

Глава 4

Я плакала так долго, что заснула только под утро и проспала на работу. Я одеваюсь, хватаю за лямки маску с воздухом и закидываю ее на плечо. Глянув в зеркало, замечаю, что волосы у меня растрепаны, как у Майры, а под глазами – точно такие же синие круги, какие были у Тру вчера вечером.

Я не сомневаюсь, что горе его искреннее, но сейчас просто не могу никому сочувствовать. Для меня существует только моя собственная боль. Я – ходячий клубок оголенных нервов. Все, на что я способна, – это сдерживать свой голос.

Хали, с которой мы вместе учимся в школе при храме, замечает круги у меня под глазами. Они с Бэй были друзьями, и, после того как моя сестра ушла, Хали всегда меня защищает и во время службы или в столовой становится чем-то вроде буфера между мной и другими послушниками. Я благодарна ей за это; мне особенно тяжело, когда мы хором возносим благодарности тем, кто жертвует собой Наверху, чтобы у нас Внизу была пища. В такие моменты я не могу не думать о Бэй. Она ведь теперь тоже стала частью этого извечного ритуала.

А еще мне вот что интересно: одинаковые ли чувства испытывают друг к другу обитатели нижнего и верхнего миров? Мы вспоминаем о них, когда едим пищу, которую они нам поставляют, мы понимаем, что каждый ее кусок эти люди оплачивают своей короткой и тяжелой жизнью. Может, они нас вообще даже и не любят? Я бы на их месте точно не любила.

– Мне кажется, тебе лучше отдохнуть, – говорит Хали. – Ты с каждым днем все хуже выглядишь, с тех пор как... – Она замолкает, будто ждет разрешения произнести имя Бэй. Но я и себе-то не могу этого позволить, поэтому стою перед Хали с непреклонным видом.

– Работа – это то, что мне нужно, – отвечаю я. – Мы забываем о себе во время службы. – Эту фразу любят, как попугай, повторять жрецы в храме. – Бэй хотела бы, чтобы я продолжала работать.

Я все-таки произношу имя сестры: оно повисает над нами и придавливает к полу. Бэй давит на нас, как вода давит на город. Она везде, она повсюду.

– О, конечно, – кивает Хали и протягивает мне рюкзак. – Вот, захватила твой рабочий набор.

– Спасибо, – благодарю я.

Теперь мне не надо вместе с другими послушниками спускаться в подсобку и выслушивать от них разные вопросы.

Хали кивает, а я, даже не дав себе труда подумать, вдруг спрашиваю:

– Ты удивилась, когда она ушла?

Хали придерживает свой рабочий набор на бедре точно таким же манером, как придерживала своих младших братишек и сестричек, когда они приходили к ней в часы посещений.

– Да, – отвечает Хали. – Бэй ведь очень любила Атлантию. Она любила храм. Я никогда не думала, что она захочет уйти. Кое-кто из нас даже считал, что однажды она сможет стать Верховной Жрицей.

Я киваю. Мне приходилось слышать, как люди шепчутся о том, что Бэй вполне может пойти по стопам мамы. И Бэй тоже об этом знала. Но сама она никогда не хотела быть Верховной Жрицей.

– Слишком большая ответственность, слишком много глаз наблюдает за тобой, – говорила сестренка. – Я бы предпочла служить людям, а не богам.

Бэй видела себя учительницей в школе при храме или организатором похорон при шлюзах.

– Хочу помогать людям, когда они прощаются со своими любимыми, – сказала она, когда мы готовили тело нашей мамы к отправке в шлюзы.

Это воспоминание мелькает где-то на краю моего сознания, и я упорно отказываюсь заглядывать в его мрачные уголки.

– Но я всегда знала, что твоя сестра способна пожертвовать собой ради других, – добавляет Хали.

– Так ты думаешь, поэтому она и ушла?

– Конечно, – кивает моя собеседница. – Бэй – одна из немногих известных мне людей, кто способен прожить жертвенную жизнь.

Аргумент Хали не лишен логики. Но почему сестра не сказала мне о своем решении выбрать жизнь Наверху? Почему она попросила меня дать слово, что я останусь, а потом ушла?

Зачем ей было меня обманывать?

Бэй боялась, что я разозлюсь?

А можно подумать, что я бы не разозлилась.

– Рио, сестра не сказала тебе, что собирается уйти, да?

– Да, – киваю я.

– Наверное, не хотела причинять тебе боль, – мягко говорит Хали.

Но Бэй знала, что ее уход причинит мне страшную боль. Я непроизвольно делаю резкое движение, и Хали испуганно отступает.

– Давай-ка лучше займемся делом, – предлагаю я.

– Увидимся, – отвечает Хали.

Я выхожу из отсека, где расположены наши спальни, и иду по коридору дальше, через школу при храме. Я знаю все эти комнаты и коридоры так же хорошо, как и сам храм. Могу без запинки сказать, кто живет за каждой дверью. Мне знакомы запахи в классах и мастерских и каждая царапина на полу. Я помню, как больно врезаются в спину спинки стульев, пока не сядешь как надо. Стены коридоров выложены плиткой цветов моря: зеленой, синей и белой. Но строительный раствор между отдельными плитками, хотя послушники и надраивают их постоянно, за столько лет стал грязно-коричневым. Именно мытьем стен мы и занимаемся большую часть времени, когда не изучаем богов и Великий Раздел. Со временем нам доверяют убираться в самом храме. Казалось бы, нехитрое дело – уборка, однако балансировать на стремянке с мылом и водой не так-то просто. А боги и горгульи при этом не кажутся живыми. Их лапы, когти и скрюченные маленькие ручки надо мыть с особой осторожностью, потому что это самые хрупкие части скульптур.

Я закусываю губу и стараюсь не впускать в сознание другое воспоминание, но оно постепенно возвращается. Я вспоминаю, какими холодными и безвольными были руки и ноги мамы, когда мы готовили ее к похоронам, какими сухими и безжизненными выглядели ее волосы, когда мы их расчесывали. Как я старалась не смотреть ей в глаза.

Наконец-то я выхожу в город. Я иду под деревьями по площади возле храма, и в потоках городского воздуха их листья звенят, как колокольчики. Атлантия особенно прекрасна, когда утренний свет пробивается сквозь блестящие металлические листья деревьев. Такую красоту необходимо постоянно поддерживать, чистить и восстанавливать сломанные листья, а их – тысячи.

Деревья при храме отличаются от других в Атлантии, на их ветвях установлены статуэтки богов, которые наблюдают за нами, словно каждое дерево – маленький храм. Эти боги сделаны не из камня, а из металла, но вид у них все равно устрашающий. Понятно, что за ними не могут ухаживать бригады рабочих, которые следят за другими деревьями Атлантии, этим занимаются жрецы или послушники. Или, скорее всего, одна послушница. Я научилась так ловко справляться с этой работой, что теперь ее полностью перепоручили мне. Не скажу, что жалею об этом: по мне, так лучше чистить богов здесь, чем в храме.

Я снимаю со спины кислородную маску. Это нарушение правил. Большинство атлантийцев, кажется, привыкли к маскам

настолько, что буквально сроднились с ними, но я снимаю свою, как только подворачивается удобный случай. Ненавижу, когда маска цепляется за листья, я и так тащу на себе рабочий набор, а тут еще она. Я забираюсь на одно из деревьев и нахожу у самой верхушки Эфрама. Он сидит на задних лапах и скалит металлические зубы. Одна из лап у него разболталась – обычная проблема.

– Ну-ка, что ты там пытаешься ухватить? – обращаюсь я к нему. – До чего, интересно, не может дотянуться бог?

Эфрам злобно смотрит на меня, а я опускаю щиток на глаза и зажигаю горелку, после чего привариваю его лапу обратно. Эфрам как будто говорит мне: «Ты же не хуже меня знаешь, что я в этом не виноват».

Все дело в летучих мышах. Днем они спят на своих насестах в колокольне храма. А по ночам, когда им ничего не мешает летать, они любят устраиваться на этих деревьях. Особенно им нравится восседать на статуэтках, и в качестве подношений животные оставляют богам свои экскременты.

Но никому не позволено причинять вред летучим мышам. Нам говорили, что они – второе из трех чудес, которые, как было предсказано, произойдут с нами после Великого Раздела, если боги будут нам благоволить. Поэтому летучие мыши находятся в Атлантии под защитой.

Во время Великого Раздела животных сюда, Вниз, не взяли. Те, кто строил Атлантию, посчитали, что они будут поглощать слишком много воздуха. А еще эти люди верили, что будет лучше, если животные, обитающие Наверху и Внизу, останутся там, где они всегда жили. А для того чтобы мы не забывали друг о друге, наши предки придали богам, которым поклоняются Внизу, черты животных из мира Наверху, и наоборот – у богов Наверху лица и тела морских животных. Так странно думать, что Эфрам за пределами Атлантии выглядит совершенно иначе.

Когда летучих мышей увидели в городе в первый раз, они были коричневого цвета. Мыши стремительно летали под небом Атлантии не один год, прежде чем нашим предкам удалось их отловить.

Удивительное дело: со временем, гораздо быстрее, чем это могло случиться, если верить ученым, с крыльями летучих мышей произошли значительные перемены. Изменился их окрас: из розовых они превратились в полупрозрачно-синих – чудесный цвет, крылья животных словно бы отражали море, которое теперь стало их небом. Кто-то заметил, что летучие мыши очень похожи на горгулий в нашем храме, и жрецы увидели, что это и в самом деле так. После этого летучих мышей и объявили вторым чудом.

Первым чудом были сирены.

Ну а что касается третьего чуда, то мы ждем его до сих пор.

Джастус как раз и отвечает за то, чтобы летучим мышам не причиняли вреда, и следит за насестами в колокольне, где они спят днем. Это одна из самых сакральных обязанностей, какая только может быть возложена на жреца. Я и Бэй иногда специально громко пели в храме: некоторые мыши просыпались, а мы с удовольствием наблюдали, как они летают на фоне круглого окна-розетки. Их голубые крылья были такими же красивыми, как витражи, а может, даже и еще красивее.

Это Наверху когда-то было полным-полно летучих мышей, и никто не обращал на них внимания. А у нас в Атлантии к этим существам совершенно особое отношение. Мы редко их видим, но так здорово сознавать, что мы не одни в этом городе, что они летают тут с наступлением темноты. А еще я знаю, что мыши здесь, потому что вижу свидетельства их существования на деревьях.

Закрепив лапу Эфрама на ветке, я слезаю обратно и собираю опавшие за ночь серебряные листья. Язычком пламени из горелки я аккуратно, как учил меня Джастус, прикрепляю их кончиками к веткам так, чтобы они могли свободно двигаться на ветру.

– Деревья всегда должны быть в порядке, – говорил мне Джастус. – Это символизирует бдительность, которую мы в Атлантии должны сохранять, чтобы оставаться добродетельными и довольствоваться тем, что нам дано.

Я всю жизнь была добродетельной и уже устала от этого, а вот удовлетворения так и не почувствовала.

Когда я возвращаюсь в храм, там меня уже ждет Джастус.

– Верховный Жрец хочет тебя видеть, – говорит он.

– Меня? – удивляюсь я. – Зачем?

– Не знаю, – пожимает плечами Джастус и протягивает ко мне руку.

Я передаю ему свой рабочий набор. Вид у Джастуса грустный. Он наверняка знает, с какой стати я понадобилась Невио, просто не хочет мне говорить. А у меня не хватает смелости настаивать на ответе. Я лишь спрашиваю:

– Прямо сейчас?

– Ну да.

Кабинет Невио когда-то был кабинетом нашей мамы. Я по многу часов проводила здесь, наблюдая за тем, как она работает. В кабинете есть небольшое витражное окно. Я знаю все его оттенки так же хорошо, как когти и клыки богов на деревьях.

На полках книги, которыми пользовалась мама. Посередине стол из красного дерева с инкрустированным орденом Верховного Жреца.

Стол тот же. Но все остальное изменилось.

Я сажусь напротив Невио на стул из стекла и стали и кладу руки на колени.

– За прошедший год, Рио, ты понесла две большие утраты, – говорит он. – Сначала нас покинула твоя мама, а вот теперь – сестра.

Я киваю.

– Мы понимаем глубину твоего горя, – продолжает Невио. – И от всей души хотим тебе помочь. Но для этого следует прежде всего разобраться в ситуации.

Верховный Жрец говорит так проникновенно, что можно даже подумать, будто он мне и впрямь сочувствует. Невио наклоняется через стол и заглядывает мне в глаза:

– Рио, давай будем называть вещи своими именами: храм никогда не был твоим домом. Твоя мама и Бэй действительно принадлежали к этому месту, но ты никогда не связывала с ним свое будущее. Я прав?

Мне не нравится Невио, но он прав. Во мне никогда не было такой веры, как у мамы и Бэй. Жить одной при храме – это не то, о чем я всегда мечтала. Я ведь сперва рассчитывала, что смогу уйти Наверх, а потом, когда пообещала Бэй, что останусь, думала, что буду жить и работать вместе с ней.

– Куда бы ты хотела отправиться? – спрашивает Невио.

Я так сильно хочу отправиться Наверх, что в какой-то момент готова признаться в этом Верховному Жрецу. А вдруг Невио пойдет на нарушение правил и Совет даст согласие? Нет, лучше промолчать, я почему-то не доверяю этому типу.

На лице Невио мелькает раздражение. Я отнимаю у него время, и он начинает терять терпение.

– Попробуем поставить вопрос иначе, – говорит Верховный Жрец. – Чем бы ты хотела заняться?

– Мне нравится ремонтировать разные вещи, – отвечаю я голосом глупой девчонки, чего он от меня и ожидает.

– Да, – кивает Невио. – Джастус рассказывал мне, что это ты поддерживаешь деревья при храме в таком прекрасном состоянии.

Я открываю рот, чтобы поблагодарить его, потому что считаю, что именно этого собеседник от меня и ждет, но он заговаривает первым:

– Однако я думаю, что мы сможем научить кого-нибудь из послушников достойно выполнять эту работу. И в то же время

в нижних отсеках, где ремонтируют дроны, постоянно не хватает хороших работников. Похоже, это как раз то, что тебе надо.

Шахтные отсеки находятся на самом нижнем уровне города – это самое удаленное от храма место в Атлантии. Оно расположено ближе всего ко дну океана, где дроны добывают магний, медь, кобальт и золото.

Интересно, Невио делает мне это предложение с какой-то определенной целью? Неужели он каким-то образом учуял, как сильно я хочу оказаться Наверху, и решил загнать меня на самое дно?

В одном можно не сомневаться – он хочет, чтобы здесь меня не было.

– Когда умерла мама, – говорю я, – я была уверена, что храм всегда будет моим домом.

– Конечно, – отвечает Невио. – Он навсегда останется твоим духовным домом. И ты пока можешь пожить в комнате, которую делила с сестрой. Мне сказали, что у механиков сейчас все помещения заняты.

Ну хорошо хоть не придется съезжать из нашей с Бэй комнаты. Однако я все еще не могу поверить, что Невио принуждает меня покинуть храм. Имеет ли он право выгнать меня? Думаю, что да, он же Верховный Жрец. Может, поговорить с кем-нибудь из жрецов? Тут я вспоминаю, какое было лицо у Джастуса, когда он сообщил мне о том, что Невио хочет меня видеть. Джастус все прекрасно знал, но даже он не собирался мне помогать.

– Я хочу показать тебе одну запись, сделанную твоей матерью, – говорит Верховный Жрец и протягивает мне лист бумаги.

Я резким движением выхватываю его у Невио. Просто не могу сдержаться – этот тип не должен владеть тем, к чему прикасалась мама.

«Рио не предназначена для жизни жреца», – читаю я первую фразу.

Острая боль, как раскаленная игла, пронзает мое сердце. Мама не могла написать этого. И тем не менее прямо передо мной лист бумаги, исписанный ее аккуратным, ровным подчеркиком.

«Рио не склонна думать о коллективном благе, вот у Бэй это качество врожденное. Не уверена, что этому можно научиться. Я вовсе не думаю, что Рио бесчувственная или какая-то особенная. Немногие способны заботиться о группе людей как об одном целом – так, как это должно делать жрецу. Но порой я корю себя. Меня беспокоит, что я виновата в том, что не хотела

взросления Рио. Но я не могла видеть, как она страдает. Получается, что я самая настоящая лицемерка. Ведь эти чувства не имеют никакого отношения к общему благу, а касаются только одного конкретного ребенка. Моего ребенка».

– Полагаю, тебе больно это читать, – замечает Невио.

Да, больно, и еще как.

– Вы прочитали ее дневник? – спрашиваю я.

– Каждую страницу, – спокойно отвечает он.

– Но ведь это личные бумаги, – возмущаюсь я. – Их следовало передать нам с Бэй, а не держать здесь, в этом кабинете.

– У нас есть право на все бумаги Океании, которые относились к ее работе в качестве Верховной Жрицы, – говорит Невио. – Как ты можешь видеть, на остальных страницах записаны тексты ее проповедей, так что эта тетрадь принадлежит архиву храма.

Я переворачиваю страницу. На обратной стороне и впрямь наброски очередной проповеди. Я сотни раз видела, как мама делала подобные записи в этом самом кабинете. У нее всегда было много поводов обратиться к жителям Атлантии: воскресные проповеди для прихожан; речи, которые транслировались по средам каждый месяц – в них мама обращалась к горожанам от имени Совета и по его просьбе.

«Один из самых сильных наших страхов – страх смерти, – читаю я. – Мы надеемся наблюдать момент нашего ухода, а не проживать его».

И чуть ниже: «Песни сирен помогают нам забывать. И теперь мы не можем вспомнить».

А потом, в самом конце страницы, всего два слова: «Спросить Майру».

Мама написала имя своей сестры.

Это все, что я успеваю прочитать, прежде чем Невио забирает у меня листок.

– Записи на этой стороне не имеют никакого отношения к нашей беседе, – заявляет он. – Важно то, что написано на другой и касается конкретно тебя. Ты прочитала и должна понять, почему мы не можем оставить тебя при храме в качестве послушницы. Даже твоя родная мать выступала против этого. Океания была достаточно сильной, чтобы сказать правду.

Невио встает и подходит к двери. Открывает ее. Разговор окончен.

– Не огорчайся, Рио, – говорит на прощание Верховный Жрец. – Я не сомневаюсь: очень скоро ты поймешь, что так для тебя будет лучше.

Возможно, моя вера и впрямь не столь сильна, как у Бэй

и мамы, но храм многие годы был моим домом. Я знаю, как пахнут свечи поздно ночью, узнаю хлопки крыльев летучих мышей, когда они возвращаются домой на рассвете. Я часто сидела здесь в лучах разноцветного света, который льется сквозь витражное окно, и смотрела, как мама делает записи в тетради, которую Невио теперь считает своей собственностью. Я была неразрывно связана с этим местом.

После смерти мамы и ухода Бэй я думала, что мне уже нечего терять. Оказывается, это не так. Всегда есть что терять. Пока ты жив, разумеется.

Глава 5

Я всегда думала, что мантии послушников в храме тяжелые, но они гораздо легче защитных костюмов, которые должны носить механики. Единственная вещь, которая здесь напоминает мне о старой жизни, – это визор, он похож на щиток сварочной маски, в которой я раньше приваривала листья к деревьям и закрепляла богов на ветках. Я с трудом подавляю желание опустить визор и спрятать лицо. В помещении полно рабочих, и многие украдкой меня разглядывают.

Мастер, мужчина средних лет по имени Джосайя, показывает мне большое помещение, где работают механики. Здесь очень хорошо слышно, как дышит Атлантия. Бэй наверняка понравилось бы. А еще тут очень красиво; честно говоря, я такого не ожидала. Рабочие места хорошо освещены, в воздухе пахнет машинным маслом и соленой водой – запах насыщенный и приятный. С низких потолков свисают мелкие кусочки металла, вероятно, отходы после ремонта; они отражают свет и напоминают мне о деревьях при храме.

– Мы называем это место «Комната неба», – поясняет Джосайя, указывая на поблескивающие под потолком кусочки металла.

– Здесь очень красиво, – отвечаю я.

– Мы все гордимся своей работой, – говорит мастер. – Джастус сказал мне, что у тебя талант, и показал образцы твоей работы. Впечатляет. Но все начинают здесь.

Я киваю. Как новенькая, я буду выполнять самую простую работу – мелкий ремонт и полировка дронов с незначительными повреждениями. Дроны прочные, сложные механизмы, они выполняют далеко не простую работу – добывают руду, а потому часто нуждаются в починке. Должна признаться, меня заинтересовали эти аппараты.

– Слухи быстро распространяются, – понизив голос, продолжает Джосайя. – Здесь у нас все знают, что ты дочь Океании, Верховной Жрицы, но я попросил остальных не говорить с тобой о ней.

Ну конечно. Вчера Невио уже намекал мне на это: новый Верховный Жрец хочет, чтобы все поскорее забыли о моей маме.

Джосайя останавливается напротив следующего помещения. Тут очень много хорошо освещенных рабочих мест. На противоположном конце я вижу круглую порталную дверь.

– Это так называемая «Комната океана», – поясняет мастер. – Здесь мы производим самые сложные ремонтные работы. Вон в ту

дверь заходят дроны.

Так вот почему здесь все насквозь пропахло соленой водой. Это одно из очень немногих мест, где есть выход из Атлантии, и сейчас мы находимся очень, очень близко к океану.

Я старательно сдерживаю улыбку. Возможно, это мой шанс выбраться Наверх.

Мне никогда еще не приходилось бывать на такой глубине и так близко к океану.

– Вижу, тебе не терпится поработать с дронами, – с усмешкой говорит Джосайя, заметив, что я просто глаз оторвать не могу от «Комнаты океана». – Не волнуйся. Если ты действительно такая талантливая, то очень скоро будешь работать здесь.

– Спасибо, – говорю я.

Лицо Джосайи становится серьезным:

– А сейчас – самый важный момент нашего ознакомительного тура. Я должен рассказать тебе о минах.

Я в полном недоумении: «О каких еще минах?»

Мастер начинает говорить медленнее: наверное, заметил по моему лицу, что я сбита с толку. Он уже забыл о том, что меня рекомендовали как хорошего специалиста по работе с металлом. Так всегда случается, едва лишь люди услышат, как я говорю: мой бесцветный, невыразительный голос производит на окружающих не самое лучшее впечатление.

– Мины – это плавучие бомбы, – объясняет Джосайя. – Их немало между стенами Атлантии и дном океана. Это из-за них дроны так часто выходят из строя.

– А я думала, что они получают повреждения во время работы.

– Так думает большинство людей. Но раз уж ты здесь, ты должна знать правду. На самом деле заминирован не только участок океана под Атлантией, мины установлены вокруг всего нашего города.

– Но зачем понадобилось все минировать? – удивляюсь я. – Зачем было устанавливать мины там, где они могут повредить наши дроны?

– Дроны можно отремонтировать, – отвечает мой провожатый. – В отличие от людей. Мины установлены для того, чтобы пресечь любые попытки незаконно покинуть Атлантию.

Интересно, упоминал ли Джастус про Бэй, когда рассказывал Джосае о моих талантах? Рассказал ли он мастеру о том, что я пыталась последовать за сестрой в день ее ухода?

– Я обязан ставить об этом в известность всех новых механиков, – говорит Джосайя и пристально смотрит на меня. – Дело в том, что тут у нас время от времени находятся умники,

которые считает, что это путь Наверх. Они пытаются найти желающих уйти, а некоторые и сами хотят покинуть Атлантию, потому что им кажется, что они больше не могут здесь жить. Они нелегально покупают баллоны с воздухом на Нижнем рынке, надевают на себя – и вперед! Но эти умники забывают, что мы здесь находимся на такой глубине, что легкие человека взорвутся в ту же секунду, как только он выйдет за пределы городских стен. Одним словом, мины установлены для того, чтобы остановить любого, кто попытается проложить маршрут к смерти.

– У меня никогда и в мыслях не было уйти, – отвечаю я.

Мой голос звучит так спокойно и невыразительно, что можно не сомневаться: Джосайя мне поверит. Но как бы он там меня ни пугал, я по-прежнему настроена найти выход. Если есть хоть один шанс, нужно все тут хорошенько разведать, и сдаваться я не собираюсь.

– Ну ладно, – заключает мой спутник, – на этом все. Пора тебе приступить к работе.

И с этими словами мастер опускает визор. Я следую его примеру и радуюсь, что дымчатый пластик скрывает мое лицо.

Весь день я работаю с молоденькой девушкой по имени Бьен (она шустрая и острая на язык) и с женщиной средних лет по имени Элинор (эта тихая и добродушная). Мы разглаживаем мятый и оцарапанный металл и покрываем отремонтированные места герметиком. И все бы ничего, если бы не один неприятный момент. Одна из работниц нашей смены начинает фальшиво напевать себе под нос какой-то мотивчик, и Бьен ехидно замечает, что ее пение режет слух, как пение сирен.

– Сирены – это чудо, нам следует осторожнее отзываться о них, – тихо предостерегает ее Элинор.

– Что сирены, что летучие мыши – нет в них ничего особенного, – заявляет Бьен.

«Неправда, мыши очень даже особенные», – мысленно возражаю я.

Пусть они и доставляли мне немало хлопот, но это стоило того: взять хотя бы те редкие моменты, когда эти удивительные существа пролетали на фоне окна в храме. Они были из другого мира и в то же время чувствовали себя у нас как дома.

Когда смена заканчивается, я иду к выходу из мастерских, и тут меня нагоняет Элинор.

– Ты хорошо справляешься, Рио, – говорит она.

– Спасибо.

Я поднимаю визор, а потом и саму маску снимаю. Было бы странно идти после работы к остановке гондол в полной

экипировке механика. Легкий ветерок обдувает мои волосы, они влажные от пота и все еще заплетены в косички. Элинор смотрит на меня во все глаза.

– О боги! – восклицает она. – Ты так на нее похожа. На Океанию, Верховную Жрицу. – И испуганно прикрывает рот ладонью, спохватившись, что со мной нельзя говорить на эту тему.

Но я хочу поговорить о маме. И отвечаю:

– Нет, мы вовсе не похожи. Мама была маленькой, а я – высокая. И волосы у меня другого цвета.

– Рост и волосы тут совсем ни при чем, – возражает Элинор. – Есть что-то такое в твоих глазах, во взгляде. Океания точно так же смотрела на людей. – Она наклоняется ко мне и оглядывается по сторонам, чтобы убедиться в том, что нас никто не слышит. – Знаю, Рио, нам не следует беспокоить тебя такими разговорами, но я должна сказать тебе, как много Океания для меня значила. Я любила ее проповеди. Всю неделю ждала, когда можно будет их послушать. А однажды я пришла в храм со своим малышом. Он был болен. Твоя мама проходила мимо нас, она прикоснулась к ручке моего сына, и уже на следующий день ему стало лучше.

– Мама никогда не претендовала на то, что способна творить чудеса, – спокойно говорю я, но внутренне вся напрягаюсь: мне приятно слушать Элинор. – Это святотатство – говорить, будто она могла проделывать такое.

Моя спутница достает что-то из кармана. Сначала я не могу разобрать, что именно: мне кажется, что это какой-то камешек. Но потом, когда на этот предмет падает свет, я вижу: передо мной металлическая фигурка одного из богов в образе тигра. Такие сувениры можно по дешевке купить на Нижнем рынке. У этого Эфрама такая же оскаленная пасть и такие же острые загнутые когти, как и у других тотемов, которые мне приходилось видеть прежде, но есть одно существенное отличие: у этого в лапах трезубец – символ моря.

Я снова напрягаюсь. Наши боги не должны иметь общих черт с богами из верхнего мира: Внизу – тигры и львы с шерстью и когтями, а Наверху – акулы с острыми зубами и пучеглазые рыбы. У наших – скипетры и мечи, а у тех, других, – трезубцы и сети. И сочетание тигра с трезубцем – это тоже святотатство.

– Я хочу подарить тебе эту фигурку, – говорит Элинор.

– Но почему? – спрашиваю я в полном недоумении: ведь это не я, а наша мама читала проповеди, которые так любила слушать Элинор, и не я, а мама помогла выздороветь ее больному ребенку.

– Да потому, что ты дочь Океании, – отвечает моя спутница.

Вернувшись на гондоле с уровня мастерских собственно в город, я не иду в свою спальню, но направляюсь прямо в храм. Мне хочется зажечь свечу и посидеть немного под витражами и каменными богами. Я чувствую, что должна показать Невию, что не боюсь посещать храм. Ведь я – единственная оставшаяся в Атлантии наследница своей мамы, а она навсегда будет связана с этим местом.

Я беру свечку: это диск из воска цвета слоновой кости, очень похожий на мыло, которым мы обычно моем богов. И невольно улыбаюсь, вспомнив, как однажды, размечтавшись о мире Наверху, взяла в чулане вместо мыла свечу и, прежде чем поняла свою ошибку, успела натереть богу воском всю голову. Бэй тогда хохотала надо мной до слез.

И тут меня внезапно пронзает боль, такая сильная, что даже дышать становится трудно. Да мне сейчас просто жить – и то больно. Но больше ничего не остается. Если я хочу снова увидеть сестренку, я должна заставить себя жить.

Я опускаю свободную руку в карман и сжимаю подаренную Элинор фигурку Эфрама. Трезубец впивается в ладонь, и я думаю: «Есть три способа проникнуть Наверх: на транспорте Совета, при помощи Майры и через шахтный отсек».

В данный момент, что бы там ни говорил Джосайя, меня больше привлекает последний вариант. Может, потому, что я могу представить, как это будет. Темная вода, плавучие мины, и я плыву между ними, быстрая и сильная.

Какая-то женщина становится рядом со мной возле алтаря.

Она с покрытой головой и в такой неприметной одежде, что жрецы вряд ли смогут сразу ее опознать. Но я знаю, кто она. Мне даже не надо слышать ее голос.

– Сиренам не разрешается заходить в храм, – говорю я.

Это вызывает у Майры тихий смех. Она спокойно и уверенно зажигает свечу. Руки у нее не дрожат, они красивые и гладкие, как у человека, который не знает, что такое тяжелая физическая работа.

– О, – отвечает тетя, – надо было слышать, как ты это произнесла: в голосе ни капли иронии. Ты просто прелесть, Рио. Я таких никогда не встречала.

– Я сейчас всем скажу, что ты здесь, – предупреждаю я. – И подниму шум.

– Не надо, – говорит Майра. – Я сейчас уйду. Но я должна кое-что тебе передать. Под средней скамьей у двери, ведущей в помещение жрецов, ты найдешь то, что оставила тебе сестра. А если ты все же захочешь со мной поговорить, приходи

на площадь к дереву Эфрама. Если я тебе понадобится – я всегда буду там.

– Ты мне не понадобишься.

Майра в ответ спокойно кивает и уходит. Меня удивляет легкость, с какой мне удалось избавиться от ее присутствия. Интересно, как часто сирены проникают в храм? Сама я, естественно, прихожу сюда каждый день, да и Совет, кажется, не контролирует передвижения Майры должным образом.

После ухода тети я пребываю в растрепанных чувствах.

Я решаю, что, как только свеча догорит, сразу же уйду из храма, но, конечно же, у меня не хватает духа так поступить. Вместо этого я иду к третьей скамье, сажусь и склоняю голову, будто молюсь, а сама протягиваю руку под сиденье и некоторое время шарю там. Ага, вот оно: к скамье прикреплен мешок из плотной ткани. Какой тяжелый. Я ощупываю мешок. Кажется, я знаю, что в нем: много маленьких тяжелых кружочков.

Деньги.

Бэй оставила мне деньги?

Может быть, там и записка есть?

Я встаю и с мешком в руке направляюсь к выходу из храма. Мешок самый простой, с такими многие атлантйцы ходят за покупками или носят в них книги. Я надеюсь, что никто не заметит, что я ухожу не с пустыми руками, хотя вряд ли кто-то вообще обратил внимание на мое присутствие в храме. У меня возникает ощущение, что Майра могла приказать всем не смотреть на меня: небось тетя, когда я только вошла сюда, прошептала какое-нибудь заклинание. Это, конечно, тоже противозаконно, как и маленький Эфрам у меня в кармане.

Войдя в свою комнату, я высыпаю содержимое мешка на стол. Я не ошиблась – Бэй оставила мне деньги. И еще что-то, завернутое в коричневую оберточную бумагу.

Сначала я пересчитываю золотые монеты. Всего их пятьсот семь штук – небольшое состояние. Если деньги и впрямь от Бэй, то откуда она их взяла? Не могла же сестра выиграть столько во время состязаний на Нижнем рынке. Или могла? Если да, значит она участвовала в заплывах, о которых я не знала.

Хватит ли этих денег на то, чтобы купить баллон воздуха? И сколько воздуха понадобится, чтобы добраться Наверх? Пока Джосайя сегодня об этом не упомянул, я и не подозревала, что им нелегально торгуют. О пузырьках с ароматизированным воздухом я, естественно, знала, но это ведь совсем другое.

Вторую часть дара Бэй я разворачиваю осторожно, чтобы не порвать бумагу, – вдруг сестренка оставила мне какое-нибудь послание. Однако, увы, не обнаруживаю там ни единого слова,

написанного ее аккуратным почерком, только гладкая ракушка. Морские ракушки – редкость, их трудно отыскать даже на Нижнем рынке. Они принадлежат обоим мирам: ведь живые организмы, которые их производят и носят на себе, ползают и по дну океана, и по его песчаным берегам. Ракушка очень красивая: сине-зеленая с коричневыми крапинками – это цвета Великого Раздела.

– Похоже, ты единственный человек в мире, у кого любимый цвет – коричневый, – как-то поддела меня Бэй.

– Такого просто не может быть, – ответила я. – Это противоречит теории вероятности.

– Ладно, может, ты и не единственная в мире, – сдалась сестренка, – но лично я не встречала никого, кто из всех цветов выбрал бы коричневый.

– Наверняка такие люди есть там, Наверху, – возразила я.

И Бэй не стала со мной спорить.

Итак, никакой записки – ни среди монет, ни в ракушке. Ну и где в таком случае гарантии того, что это все действительно передала мне сестра? Может, Майра просто-напросто пытается мною манипулировать?

Большую часть монет я убираю, но несколько штук перекладываю в маленький кошелек, поскольку собираюсь завтра отправиться на Нижний рынок. От Бэй эти деньги или нет, но мне они пригодятся.

Потом я подношу ракушку к уху и слушаю звук ветра в ветвях деревьев. Говорят, что, когда люди Наверху находят на берегу ракушки, они стараются услышать в них звуки моря.

А я готова поклясться, что слышу в этой ракушке дыхание. Дыхание своей сестры.

Я сворачиваюсь калачиком на кровати и дышу в такт с Бэй. Именно под этот звук я засыпала каждую ночь. Наконец я чувствую, как проваливаюсь в сон, где свободно могу говорить своим настоящим голосом.

Глава 6

На следующий день в конце смены я невольно оказываюсь в компании рабочих, которые идут к ближайшей площади. Я пытаюсь ускользнуть, но Бьен замечает мой маневр.

– Меня переводят в «Комнату океана», – говорит она. – Не хочешь бросить за меня монетку в пруд желаний?

– Конечно брошу, – киваю я.

Мне совсем не хочется тратить монету практически на незнакомого человека, но отказаться было бы невежливо. Видимо, это такая традиция у здешних рабочих, а я хочу вписаться в их коллектив.

– Ты веришь в то, что монеты действительно могут принести кому-то удачу? – спрашивает Бьен, наблюдая за тем, как я бросаю в темный пруд маленький золотой диск.

Она испытующе смотрит на меня, словно ждет, что сейчас что-то произойдет.

– Ты способная и трудолюбивая, а эти качества даже лучше, чем простое везение.

– Твоя мама наверняка ответила бы точно так же, – улыбается Элинор, похлопывая меня по плечу.

– Так, значит, теперь нам разрешается говорить о маме Рио? – интересуется Бьен.

– Бьен, – пытается одернуть ее Элинор.

– Не понимаю, что тут такого. Если сама Рио не против... – бросает пробный шар Бьен и ждет моей реакции.

Я молчу. Меня уже не раз пытались задирать, особенно до того, как я поступила в школу при храме. Одноклассники в старой школе открыто насмеялись надо мной из-за моего бесцветного голоса и необычно высокого роста. Еще тогда я поняла, что иногда, отвечая на вопрос, ты только играешь на руку тому, кто тебя задирал. Но разумеется, так бывает не всегда.

– Мне просто интересно: каково это – жить под одной крышей с человеком, перед которым все преклоняются, – говорит Бьен, и теперь я определенно слышу в ее голосе злобные нотки.

– Бьен, перестань, – просит Элинор. – Это жестоко.

– Мы не жили вместе с мамой, после того как ее избрали Верховной Жрицей, – объясняю я, хотя Бьен и без того об этом знает. Всем в Атлантии прекрасно известно, что глава церкви должен жить отдельно.

– А тебя это огорчало? – спрашивает она. – Наверное, было обидно, когда мама предпочла вам свою работу?

Я не понимаю, почему Бьен невзлюбила меня. Хотя, вообще-

то, меня всегда дразнили из-за того, что я не такая, как все.

– Нам и в голову не приходило обижаться на маму, – отвечаю я.

– Ну и правильно, – наконец подает голос Элино́р. Кажется, она порядком разозлилась на Бьен.

А та гнет свое:

– Ну ладно, не буду больше расспрашивать тебя о жизни вашей мамы. Гораздо интереснее узнать, как она умерла. Ты в курсе, кто ее убил?

Руки у меня непроизвольно сжимаются в кулаки, я готова сбить Бьен с ног, прижать к полу и силой заставить заткнуться. Я знаю, что могу это сделать, я сильнее физически, да и вообще сильнее, но... Одновременно я вдруг чувствую странное облегчение оттого, что Бьен произнесла это вслух: выходит, не только мы с Бэй допускали возможность убийства.

И все же мне приходится выждать пару секунд, чтобы восстановить контроль над своим голосом. Рядом со мной Элино́р гневно выговаривает Бьен за ее бессердечие и кощунственные слова.

– Нет, не в курсе, – наконец говорю я. – Я не уверена, что маму вообще убили. У нее просто остановилось сердце.

– Хочешь, скажу, кто, по-моему, все это подстроил? – спрашивает Бьен.

Я не собираюсь кивать в ответ. Не доставлю ей такого удовольствия. Но если честно, я очень хочу знать, что об этом говорят и думают люди.

– Майра, вот кто! – выпаливает она.

На ее лице мелькает выражение какого-то извращенного удовольствия. Бьен нравится причинять мне боль. Интересно, она и с другими так же поступает? Я вроде как ничего подобного не замечала, но мы ведь с ней только недавно познакомились. Возможно, Бьен нравится мучить именно меня, но не исключено, что она просто по натуре садистка.

– Люди уверены, что Океанию убила ее собственная сестра, – говорит Бьен.

– Не все так думают, – возражает ей Элино́р.

Тут кто-то окликает Бьен, и она с чувством выполненного долга – дело ведь сделано! – машет нам рукой и присоединяется к другой компании. Я слышу, что там ее встречают дружным смехом.

– Не обращай внимания, – говорит Элино́р. – Эта вертихвостка любит воду мутить. Ей не следовало говорить такое о твоей тете. Ходят слухи, что брат Бьен был сирениусом и немало над ней поиздевался, прежде чем его забрал

на воспитание Совет. Поэтому Бьен и становится такой невыносимой, когда речь заходит о сиренах: она считает, что их всех надо уничтожить.

– Ты тоже так считаешь?

– Нет, что ты, – заверяет меня Элинон. – Разумеется, нет.

«Но ты считаешь, что нас надо держать под замком?» – хочу спросить я, но, естественно, не спрашиваю. А вместо этого говорю:

– Теперь понятно, почему Бьен ненавидит мою тетю. Но вот почему она ненавидит меня? И мою маму?

– Не знаю.

– А ты сама что думаешь насчет маминой смерти? Кто, по-твоему, ее убил?

Элинон качает головой:

– Я вообще сомневаюсь, что ее кто-то убил. Думаю, все было так, как нам сказали. Ее огромное, щедрое сердце просто-напросто остановилось. Возможно, Океанию забрали наверх боги. Если так, то это третье чудо.

Я люблю маму и рада слышать, что другие тоже ее любят, но насчет чуда это уже слишком. Она самый обычный человек, просто ушла слишком рано.

– Ну ладно, по крайней мере, эти деньги переправят людям Наверху, – с чувством произносит Элинон. – Хотя мне неприятно думать, что ты потратила монету на Бьен.

На самом деле это не так. Бросив монету в пруд, я эгоистично загадала желание для себя: попросила, чтобы исполнилось то, о чем я мечтала с самого детства, – увидеть мир Наверху.

Возможно, мне следовало пожелать что-нибудь другое. Например, чтобы мне открылась правда.

Могла ли Майра убить нашу маму?

Лично я не верю, что родная сестра способна на такое.

Но ведь я не верила, что Бэй сможет оставить меня, а она оставила. Я своими глазами видела, как сестра уходила.

Плакать, когда нельзя издать ни звука, – это пытка: ты затыкаешь рот подушкой, давишься ею, душишь себя, лишь бы никто не услышал звук твоего настоящего голоса. Никто не знает, какая это боль, даже близкие, которые искренне тебя любят и беспокоятся о твоей безопасности.

Я очень скучаю по Бэй, и я очень зла на нее. Если бы сестра сейчас оказалась здесь, рядом со мной, я бы наорала на нее. И плевать, что кто-то может меня услышать.

«Как ты могла оставить меня?»

У меня саднит горло, словно я уже охрипла от крика, хотя,

конечно же, я ни разу в жизни не повышала голос.

Когда мы с Бэй в последний раз ругались? Не могу вспомнить. До смерти мамы мы с ней постоянно конфликтовали, потому что были сестрами, которые делили маленький мир (комнату, храм, город) и которые были одновременно очень похожими и абсолютно разными.

Но из-за своего голоса я никогда по-настоящему с ней не ругалась. Я не могла даже высказать Бэй, насколько зла на нее, поскольку вынуждена была постоянно сдерживать эмоции. Внезапно мне приходит в голову: а ведь если так, то сестра не знает и того, как сильно я ее люблю. А ведь я правда очень люблю ее.

Сколько я себя помню, всегда была уверена в двух вещах: в том, что люблю свою сестру, и в том, что однажды должна увидеть мир Наверху.

Искренне ли я верю в то, что смогу сделать это? Купить баллон с запасом воздуха, которого хватит, чтобы вырваться Наверх? Проплыть между плавучих мин? Глупо даже надеяться, что мой план сработает. Я прекрасно понимаю, что в любой момент все может сорваться.

Безвыходность угнетает меня.

В отчаянии я оглядываюсь по сторонам, ищу хоть что-нибудь, что даст мне надежду, и снова вижу ракушку. Я хватаю ее и прижимаю к уху. Ничего – только мое собственное дыхание.

А потом я слышу кое-что еще.

Сестра поет колыбельную из нашего детства, ту, которую мы слышали от мамы, когда были еще совсем маленькими:

Под небом лазурным огромным
Живут люди верхнего мира,
К нам они никогда не придут...
Под морем сверкающим темным
Живут люди нижнего мира,
И плачут они, и поют...
А под ними и над нами,
В вышине и в глубине,
Плещут волны океана –
Океан везде, везде...

Она все поет и поет. Песня успокаивает, убаюкивает: она грустная и нежная, она – настоящая. Я закрываю глаза и слушаю.

Глава 7

Я сижу под деревом Эфрама, тем самым, за которым еще совсем недавно присматривала. Я тоскую по старой работе, по вздрагивающим листьям и сердитым богам. Интересно, по какой причине Майра выбрала для встречи именно это место и долго ли придется ее ждать? Я сама не могу понять, почему пришла сюда. Потому что мама упомянула имя Майры в своих записях? «Спросить Майру». Или потому, что Бэй доверила тете деньги и ракушку, попросив передать их мне?

А может, я пришла сюда, потому что хочу поговорить с другой сиреной? Только с Майрой я могу общаться на равных, ведь она обладает такой же силой, как и я сама.

У меня больше не осталось в Атлантии родных, кроме тети. По земле разбросаны серебряные листья. Я наклоняюсь, поднимаю один и морщусь, когда вижу, как неумело кто-то пытался припаять его к ветке. Что бы там ни говорил Невию, им не удалось найти мне замену. Я имею в виду – достойную замену.

А потом я замечаю на земле распластанные синие крылья и коричневый мех.

Это одна из живущих при храме летучих мышей.

С виду ее крохотное тельце в полном порядке, но она определенно мертва. Ее пустые глаза смотрят прямо на меня. На фоне земли крылья летучей мыши уже не голубые, как стекло или вода, но кажутся темными, словно морская пучина. Я слышу, как возле меня собираются люди.

– Похоже, будто сам Эфрам упал и разбился, – говорит какой-то мужчина и тут же прикусывает язык. Это слишком похоже на кощунство: мы не должны даже и мысли допускать, что Эфрам или любой другой бог может упасть и сломаться.

Ну, богов хотя бы можно починить, а эту мышь уже не оживить.

– Позовите Джастуса, – говорю я, и кто-то из толпы зевая сразу бежит к храму.

Джастус появляется спустя минуту, но и жрец уже ничего не может поделать. Он просит всех разойтись. Я остаюсь.

– Как ты думаешь, что ее убило? – спрашиваю я.

Джастус качает головой.

– Не знаю, – говорит он. – Я предполагаю, что это естественная смерть. Заберу ее в храм, проведу кое-какие исследования и постараюсь узнать больше.

Он аккуратно поднимает трупик. На дне контейнера чистая

льняная ткань, Джастус укладывает туда мышь осторожно, как будто она способна что-то почувствовать.

– Что, интересно, летучая мышь могла делать здесь среди бела дня? – задаю я вопрос.

– Она могла умереть еще ночью, – отвечает Джастус. – Это не первый случай. Летучие мыши ведь не бессмертны.

Конечно, они не бессмертны. Я это знаю. Но так странно видеть одну из них мертвой.

Джастус, держа в руках коробку, осторожно выпрямляется, чтобы не наступить на край своей мантии. И добавляет:

– Хотя я подметил: после того как мы потеряли твою маму, летучие мыши стали умирать чаще.

Он уходит, и я остаюсь одна. Как только жрец скрывается в храме, я чувствую ее появление.

Майра.

Она подходит тихо: не наступает на листья, не произносит ни слова, но я все равно знаю, что она рядом – так же, как в тот день в храме.

– Деревья поют, – произносит Майра. – Они сказали мне, что ты здесь. Я слушала и надеялась, что ты придешь.

Мне неприятно слышать, как она говорит о деревьях. Они мои, а не ее.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я ровным, невыразительным голосом, который даже отдаленно не напоминает мой настоящий.

– Дело вовсе не во мне, – отвечает Майра. – И ты это прекрасно знаешь. Дело в том, чего хочешь ты. А ты хочешь уйти Наверх и найти сестру.

– И ты думаешь, что сможешь помочь мне?

– Да, – кивает она. – Я помогала твоей маме и сестре, и я смогу помочь тебе.

Мы, словно заранее сговорившись, одновременно встаем со скамейки и идем через внутренний двор. Люди приветственно машут друг другу, окликают знакомых в проплывающих мимо гондолах. Страж порядка свистит в свой свисток и делает знак молодым людям, которые подошли слишком близко к краю канала, – они сразу отходят. Я вдруг чувствую прилив острой любви к родному городу.

Некоторое время мы идем молча, потом Майра говорит:

– Я могу помочь тебе, Рио, если ты позволишь себе помочь. Я не стану тебя ни к чему принуждать.

– Вообще-то, ты и сама не знаешь, сможешь или нет принудить меня что-то сделать, – парирую я.

– Это правда, – соглашается Майра точно таким же невыразительным голосом, каким говорю я.

Меня бесит, что она меня передразнивает.

Майра останавливается, и я понимаю, что мы подошли к храмовому комплексу с той стороны, откуда можно попасть к шлюзам и моргу.

В последний раз я была здесь, когда умерла мама. Мы с Бэй прошли через этот вход, чтобы подготовить ее тело. Покончив с этим, мы поднялись по лестнице на смотровую площадку при шлюзах, сели там на специально приготовленные для родных места и наблюдали за уходом мамы. В тот день мы в последний раз были дочерьми Верховной Жрицы.

Майра уверенно направляется прямо к стражникам, охраняющим вход в шлюзы:

– Мы бы хотели пройти внутрь.

– Это запрещено, – отвечает один из стражников. – У вас должно быть разрешение от Совета.

– Извините, я не знала. – Майра говорит с таким смирением, что даже я на секунду ей верю.

Я уже собираюсь развернуться, чтобы уйти, и тут снова слышу ее голос:

– Пропустите нас.

Этот голос способен, как закаленный клинок, пронзить мозг и тело любого человека. Я непроизвольно делаю шаг вперед.

А стражники уже открывают двери, как будто Майра подчинила их еще до того, как произнесла команду вслух. Возможно ли такое? Неужели она настолько могущественна?

– Оставайтесь на месте, – приказывает тетя стражникам и обращается ко мне: – Идем.

Я подчиняюсь. При этом я не уверена, чему именно подчиняюсь: то ли голосу Майры, то ли своему собственному сильному и необъяснимому желанию пройти в шлюзы.

– Я думаю, – говорит Майра, – нам следует идти вниз.

Вниз? Не наверх, на смотровую площадку, а в саму шлюзовую камеру? Это строгойше запрещено, если только ты не жрец или не родственник, пришедший подготовить тело умершего, но Майра ведет себя так, будто имеет полное право тут находиться.

Мы проходим по узким сырым коридорам, которые в конце концов неминуемо приведут в морг. Стражники нас не преследует. Скорее всего, они вызовут подмогу, и подмога придет очень быстро. Но так ли это важно? Интересно, какое количество людей способна подчинить своей воле Майра?

– Ну, не целую армию, – говорит она, как будто прочитав мои мысли. – Так что время у нас ограничено. Сюда пришлют

стражников, которые невосприимчивы к моему голосу, и они уведут меня. Совет сочтет необходимым сделать мне выговор, и меня на несколько дней посадят под замок. Так что нам с тобой следует извлечь максимум пользы из этой встречи.

У меня в голове все еще звучит ее фраза: «Пропустите нас». Сердце отчаянно колотится в груди. Я понимаю, как глупо было с моей стороны думать, будто я в чем-то равна Майре. Она годами совершенствовала свой голос. Это ее оружие, великолепное оружие.

– Ну вот мы и пришли, – объявляет тетя.

Мы стоим перед дверью. Дверь металлическая, тяжелая и герметичная, так как должна сдерживать поступающую в шлюз воду, но Майра открывает ее без особых усилий.

– Идем, – говорит она и переступает через порог.

Тетя не командует, а приглашает, но я не уверена, что следует ей доверять, поэтому на секунду останавливаюсь и только потом иду следом.

Шлюзовая камера высокая, многоуровневая. Потолок подпирают резные контрфорсы, возле каждого – каменная фигура божества. Как и те, что в храме, они были когда-то давно взяты из церквей в верхнем мире. Я разглядываю оскаленные пасти и злобные глаза тигров, драконов и львов. Пол в камере местами сырой.

Инженеры потратили немало лет на усовершенствование работы шлюзов. Необходимо было соорудить стены настолько крепкие, чтобы они могли сдерживать запущенную в шлюзовую камеру воду и не пропускали бы ее в город. Немного жутковато наблюдать за уходом покойника. Кажется, что вода в любой момент может хлынуть на смотровую площадку. Но естественно, такого никогда не случилось.

Вода океана давит на ворота шлюза, на все вокруг нас. Мне кажется, что я слышу, как стонет металл и тяжело вздыхает камень.

Мы с Бэй были вместе здесь, у шлюзовых затворов, и были вместе, когда жрецы и представители Совета, после того как нашли тело мамы, задавали нам свои нескончаемые вопросы: «Океания хорошо себя чувствовала? Она не рассказывала вам о каких-либо наследственных болезнях? О тех, которые не упомянуты в наших медицинских записях?» Мы с сестренкой сидели бок о бок и снова и снова отвечали: «Нет».

– Как ты думаешь, что происходит с мертвыми, когда они всплывают на поверхность? – спрашивает Майра. – Ты веришь в то, что они превращаются в морскую пену и души их обретают свободу?

– Не знаю. А ты?

– Не берусь ничего утверждать относительно душ, – говорит Майра. – Но вот если тело всплывает, не задев ни одной плавучей мины, и его прибывает к берегу, люди Наверху снимают с него все, что посчитают нужным. Одежду. Ювелирные украшения.

Последние слова вновь возвращают меня к воспоминаниям, от которых я тщетно пыталась избавиться и загнала их глубоко в подсознание.

– Я забыла принести мамино кольцо, – сказала в тот день Бэй. – А ведь мама всегда хотела, чтобы, когда она уйдет Наверху, кольцо было с ней. Как я могла забыть?

– Не волнуйся, все нормально, – ответила я, не глядя на сестру, потому что как раз в этот момент в шлюзовую камеру принесли тело мамы.

Мы сидели на смотровой площадке, и сверху оно казалось таким маленьким.

Жрецы положили маму на пол и начали читать молитвы. Я не позволила себе плакать и упорно не смотрела на Бэй. Закончив молиться, жрецы покинули шлюзовую камеру, и там осталось только тело нашей мамы. Сотни атлантийцев наблюдали за происходящим – кто-то со смотровой площадки, кто-то видел церемонию на установленных на всех площадях экранах – но мама была совсем одна.

Я слышала, как заскрипели стены. Этот звук означал приход воды.

Из открытых ртов богов вырвались струи воды. Она заливала пол, и вскоре тело мамы намокло, одежда прилипла к ее телу, а волосы закружились вокруг головы.

Высоко-высоко расположен выход из шлюза – огромный круг, повторяющий по форме окно-розетку в храме.

Вода заполняла камеру, и тело начало подниматься. Напор воды усиливался, камера заполнялась все быстрее.

Когда вода достигла уровня смотровой площадки, у меня перехватило дыхание. Казалось, если вода поднимется выше окон, мы утонем. Но мы, конечно же, были в безопасности.

Тело нашей мамы уплывало все выше и выше, к выходу из шлюза, и я подумала, что смогу на секунду увидеть солнце: а вдруг его лучи дойдут сквозь толщу океана до самой Атлантии.

Когда камера почти до конца заполнилась водой и я уже едва видела тело мамы, окно выхода начало вращаться. Это выглядело так странно: словно цветок распускаялся.

А потом она ушла навсегда.

Вечером того дня мы вернулись домой, и я нашла мамино кольцо.

Я вложила его в ладонь Бэй и сказала:

– Не переживай: считай, что мама передумала. Она бы наверняка хотела, чтобы это кольцо осталось у тебя.

– Там, Наверху, люди берут то, что им надо, а тело выбрасывают в какую-нибудь яму, – говорит мне Майра. – Им мертвые нужны не больше, чем нам здесь, Внизу.

А я слушаю тетю и вижу перед собой тело нашей мамы. Я очень живо представляю эту картину: одежда перекручена, волосы прилипли к коже, на ее выброшенное на берег бездыханное тело накатывают волны. Кто-то из мира Наверху натывается на маму и берет то, что ему нужно.

– Атлантию покидают не только мертвые. – Майра произносит это шепотом, хотя, кроме нас, тут никого нет. – Конечно, есть такие, кто выбирает жизнь Наверху, как Бэй. – Она выдерживает паузу и продолжает: – Но есть и другие. Члены Совета, например, тоже отправляются Наверх, когда того требуют обстоятельства.

Это я и сама знаю. Это часть работы Совета. Время от времени его члены поднимают свой транспорт на поверхность через серию барокамер и ведут переговоры с людьми Наверху: надо быть уверенными, что все идет гладко. Но Верховный Жрец никогда не поднимается на поверхность. Его безопасность превыше всего, место Верховного Жреца в Атлантии.

– Ты, наверное, не знала, что в этот раз они планируют взять с собой сирен? – спрашивает Майра. – Ходят слухи, что мы отправимся уже совсем скоро. Если бы ты согласилась, я могла бы взять тебя с нами Наверх.

«Будь осторожна, Рио, – говорю я себе, – и не вздумай доверять этой женщине».

Но искушение слишком велико. Я могла бы подняться вместе с членами Совета, а уж потом, оказавшись Наверху, нашла бы способ от них сбежать.

– Сирены – чудо, – продолжает Майра. – Не забывай об этом.

– Тогда почему вы все зависите от Совета? – спрашиваю я.

– Потому что мы остаемся людьми, – поясняет Майра. – А значит, есть люди, которых мы любим, и Совет может использовать это, чтобы контролировать нас. Помнишь, как все происходило во времена Великого Раздела? Как тогда добились согласия от тех, кто остался Наверху? Гарантировали безопасность их близким Внизу. Именно так всегда и манипулируют сиренами. Мы делаем то, о чем члены Совета

нас просят, и людям, которые нам дороги, гарантирована жизнь лучше, чем у других. Если же мы отказываемся выполнять их просьбы, они могут создать нашим любимым проблемы.

– И кого любишь ты? – спрашиваю я, потому что мне трудно представить, чтобы Майра кого-то любила. Особенно теперь, когда мама умерла.

Майра смеется:

– Я люблю себя. И делаю то, о чем они просят, потому что хочу жить.

Я ее понимаю. Мы с ней похожи.

Я люблю Бэй и маму, но еще я очень хочу жить. Возможно, именно этого я хочу больше всего на свете. Могу ли я честно ответить на вопрос: что больше подталкивает меня к побегу – желание снова увидеть сестру или же все возрастающая уверенность в том, что если я не выберусь Наверх, то какая-то частичка меня умрет?

Мы с Майрой – две стороны одной темной монеты.

– Конечно, я любила твою маму, – говорит она и проходит в центр шлюзовой камеры. – Знаешь, Океания ведь была здесь еще за несколько лет до смерти. Здесь были все, кто имел шанс стать Верховным Жрецом. Члены Совета и священнослужители закрыли доступ на смотровую площадку. Кандидаты на пост Верховного Жреца по очереди ложились на пол в самом центре камеры – именно туда, куда кладут тела покойников. Ты знала об этом?

– Нет. Мама нам об этом не рассказывала.

– А я знаю, – продолжает Майра, и ее голос разрастается, начинает давить на меня, – потому что я была здесь.

– Это невозможно, – возражаю я. – Ты же не член Совета, и уж, конечно, ты бы никогда не могла претендовать на роль главы нашей церкви.

– Это правда, – соглашается Майра. – Но, как ты знаешь, Верховный Жрец должен доказать, что он либо имеет врожденный иммунитет против сирен, либо достаточно силен духом, чтобы противостоять им. Так вот, кандидаты на пост Верховного Жреца пришли сюда ночью, пока вся Атлантия спала. Потом привели сирен. Мы говорили по очереди. Жрецы и члены Совета выступали в роли свидетелей. Они, конечно, читали слова по нашим губам, но слышать наши голоса не могли.

– И что же вы говорили?

– О, кому что – каждому из претендентов разное. Суть была в том, чтобы выяснить, кто сломается и закричит, а кто выстоит.

– Но тебе никогда бы не позволили говорить с нашей мамой. Ведь все знали, что вы родные сестры. Члены Совета наверняка бы

заподозрили, что ты будешь обращаться с ней мягче, чем с другими.

– Совсем даже наоборот, – возражает мне Майра. – Они решили, что я как раз могу лучше прочих знать, что именно надо говорить Океании, чтобы та сломалась. И они понимали, что такие вещи, возможно, даже тяжелее слышать от родной сестры.

Я не хочу знать, что моя тетя говорила тогда маме, но она считает нужным сообщить мне это.

– Я сказала Океании, что муж никогда ее не любил, что ее дети умрут молодыми. – Майра закрывает глаза, она словно бы смакует каждое слово. – Я сказала ей, что она хочет стать Верховной Жрицей не бескорыстно, но потому, что жаждет власти и наживы. Я рассказывала сестре о том, какие жуткие, просто чудовищные вещи люди творят друг с другом. Я заявила ей, что она никогда не была мне дорога.

Майра открывает глаза. В них тьма, да такая глубокая, что даже мне становится не по себе, хотя я прекрасно знаю, чего можно ожидать от этой женщины. А она между тем продолжает свое повествование:

– Я не сдерживала себя, и это сработало. Способность Океании противостоять сиренам впечатлила жрецов и членов Совета. Она единственная устояла перед всеми сиренами, включая и собственную сестру. А ведь у нее не было врожденного иммунитета, как у некоторых. Так что своей способностью контролировать себя она обязана исключительно мне. Все годы, пока мы росли вместе, я учила Океанию противостоять сиренам. – Тут Майра улыбается. – Хотя, возможно, мне следовало бы признать и твои заслуги, Рио. Она отлично научилась противостоять собственному ребенку.

Мне больно слышать такое, и Майра знает об этом. Но я не позволю ей манипулировать мною. Я помню, что мама никогда не отказывала мне, когда понимала, что я действительно в чем-то нуждаюсь. Да, она пыталась уберечь меня, однако не скрывала от меня правду.

– Без меня твоя мама никогда бы не стала Верховной Жрицей, – заявляет Майра. – Я помогла Океании стать той, кем она всегда мечтала стать.

Я не верю Майре. Мама стала Верховной Жрицей благодаря своим собственным заслугам.

– Конечно, ей было больно, – говорит Майра. – Она знала, что так будет, но не понимала, насколько тяжело будет услышать все это именно от меня. После того дня Океания стала меньше думать обо мне. Она боялась. Но иначе было нельзя. Если бы я

не сделала того, что сделала в тот день, твоя мама никогда бы не стала Верховной Жрицей, а ведь именно к этой цели она и стремилась всю свою жизнь.

– Ты выставляешь маму эгоисткой, – возмущаюсь я. – Как будто она только о себе и думала.

– Ничего подобного, – возражает тетя. – Твоя мама любила наш город, но она должна была стать Верховной Жрицей, потому что это было нужно Атлантии.

– А ты сама любишь Атлантию?

– Я люблю и одновременно ненавижу ее, – отвечает Майра.

Когда она это говорит, я испытываю те же чувства.

– Рио, я ни к чему тебя не принуждаю. – Майра так произносит мое имя, что оно кажется прекрасным, я сама себе кажусь прекрасной. – Но ты можешь принять решение отправиться с нами Наверх.

Если я сейчас скажу тете «да», у меня появится возможность попробовать, как это – дышать настоящим воздухом. Я смогу пойти по песчаному берегу к городу, где растут настоящие деревья, смогу вновь поговорить с сестрой. Это так чудесно, что, думая об этом, я даже закрываю глаза от удовольствия. И пусть нам с Бэй придется потом до конца дней своих трудиться как каторжным на свалках отходов и дышать отравленным воздухом, мы будем вместе, и мы будем вместе Наверху. Я никогда и представить себе не могла, что такое возможно.

– Ты не сумеешь выбраться Наверх самостоятельно, – говорит Майра. – Транспорт, который используют для грузовых перевозок между нашими мирами, не приспособлен для выживания человека. А тот, который предназначен для доставки людей на поверхность, находится под строжайшей охраной Совета. Даже если ты воспользуешься своим голосом и минуешь охранников, Совет узнает о проникновении сразу, как только ты попытаешься покинуть Атлантию. Они перекроют кислород и вернут транспорт назад. Ты погибнешь в считанные минуты. Мне приходилось видеть, как такое случается.

Я открываю глаза.

– Даже если тебе каким-то образом удастся скопить денег на баллон с воздухом и ускользнуть через шахтный отсек, – продолжает Майра, – тебя разорвет на куски плавучей миной. Так что я предлагаю тебе оптимальный вариант побега, я – твой единственный шанс оказаться Наверху.

Снаружи доносятся какие-то звуки. Охрана уже за дверью. Эта преграда долго не продержится.

– Ты думаешь, что мы с тобой совершенно чужие, – говорит Майра, – но это не так. Я пела тебе колыбельные, когда ты была

совсем еще крошкой.

Уж не знаю, правда ли это, а может, все дело в ее голосе, но я вдруг действительно вспоминаю, как моя тетя когда-то, очень давно, пела:

Под небом лазурным огромным
Живут люди верхнего мира,
К нам они никогда не придут...
Под морем сверкающим темным
Живут люди нижнего мира,
И плачут они, и поют...
А под ними и над нами,
В вышине и в глубине,
Плещут волны океана –
Океан везде, везде...

– Вот видишь. – В голосе Майры слышна грусть. – Ты же помнишь это, да?

– Честно говоря, я не уверена.

– А потом твоя мама категорически запретила мне даже приближаться к тебе, – продолжает Майра. – Я всегда подозревала, что стало причиной этого ее решения. А когда услышала, как ты заговорила в храме в день ухода Бэй, я окончательно убедилась, что мои догадки верны.

– Мама хотела защитить меня от тебя.

– И она была права. Океания знала, что я попытаюсь поговорить с тобой, захочу рассказать тебе о твоём даре. Я бы не смогла устоять. Но я бы никогда намеренно не причинила тебе вреда. – Майра поднимает голову и смотрит на затвор шлюза. – Я все думаю, не за этим ли Океания приходила ко мне в день своей смерти? Может, она собиралась рассказать мне о тебе? Или это не имело к тебе никакого отношения и причина была в чем-то другом?

Перед самой своей смертью мама пошла домой к сестре. Зачем? Хотела ей что-то рассказать? Или о чем-то предупредить? Спросить? И правда ли, что мама умерла, так и не успев ничего ей сказать, как утверждает Майра? Или же все-таки беседа состоялась и только потом маму убили? Кто ее убил? Моя родная тетя?

Мама и сестра доверяли Майре, но я не уверена, что она оправдала их доверие.

Шум за дверью усиливается. Охранники вот-вот сломают ее.

– Когда они ворвутся, я не смогу долго их контролировать, – говорит Майра. – Их будет слишком много. Ты должна будешь

уйти. Как только они войдут, проскользни в дверь. Я прослежу за тем, чтобы они тебя не увидели. А сейчас возьми вот это.

Майра вкладывает мне в ладонь ракушку. Ракушка ребристая и шершавая, черно-белая, причем черного цвета больше.

– В этой ракушке мой голос. Мы не сможем встречаться достаточно часто, но с ее помощью я сумею научить тебя, как правильно распорядиться своим даром. Тебе всего-то и надо будет задать вопрос в эту ракушку, а потом приложить ее к уху и выслушать ответ.

– Как это работает? – спрашиваю я. – Как ты меня услышишь?

Если подобное действительно возможно, если это не обман, тогда Майра обладает просто невероятной силой и способна делать такое, о чем я никогда не слышала и даже вообразить себе не могла. Я всегда думала, что моя мама – самая могущественная женщина в Атлантии, но теперь я уже не так в этом уверена.

– Это часть моей магии, – говорит Майра. – Мы с твоей мамой случайно открыли этот фокус с ракушками. Как и все дети, мы любили прижимать их к уху и слушать шум деревьев. Однажды я нашептала в ракушку пару слов для Океании, она прижала ее к уху и услышала эти самые слова. Когда Бэй решила уйти, я сохранила ее голос в другой ракушке, чтобы ты потом могла услышать сестренку.

То есть, если я задам в ту ракушку вопрос, Бэй ответит мне на него?

– Нет! – Майра снова прочитала мои мысли. – Если дело касается других людей, я могу лишь сохранять их голоса. Только мой собственный голос может вступать в контакт и отвечать на вопросы. Все другие лишь повторяют сказанное однажды.

А я так на это надеялась!

– А кто-нибудь еще из сирен умеет проделывать такое? – интересуюсь я.

– Из тех, кого я знаю, – никто, – отвечает Майра. – Но и этот способ связи не идеален. Я смогу ответить всего на несколько вопросов за один раз, потом у меня уже не хватит сил передавать свой голос на большие расстояния. И это будет работать только тогда, когда ты сама захочешь меня о чем-то спросить. Я смогу говорить только в ответ на заданный тобой вопрос. Я все это намеренно так устроила, чтобы ты почувствовала, что мне можно доверять и что ты можешь контролировать наши разговоры.

Майра оживляется, она говорит почти как одна из моих учительниц, только более настойчиво, и в голосе ее слышна тревога:

– Быть сиреной – это больше чем просто уметь владеть своим

голосом. Разумеется, надо научиться контролировать его, понимать, как и когда его лучше сдерживать, а когда отпускать в свободный полет. Но подобное искусство – это еще далеко не все, а лишь половина, даже меньше того.

Теперь ее голос звучит печально. Уж не знаю, правда ли тетя испытывает негативные эмоции или же просто манипулирует мною. Но на меня действует не печаль в ее голосе, меня угнетает мысль, что я никогда так и не смогу заговорить своим настоящим голосом. Я всегда надеялась, что, возможно, Наверху у меня получится.

Нет, я не смогу решиться воздействовать на окружающих, чтобы осуществить свой план. У меня просто духу не хватит, и Майра знает об этом.

Какие еще у меня остаются варианты? Обратиться за помощью к тетушке?

– То, что ты в тот день говорила нашей маме, – неправда, – заявляю я. – Папа любил ее, а в ее желании стать Верховной Жрицей не было корысти.

Я больше чем уверена: мама искренне хотела помогать людям.

– Знаю, – кивает Майра. – Но я специально сделала так, чтобы это звучало как правда. И этим оказала сестре неоценимую услугу. Я хотела помочь ей стать Верховной Жрицей.

Глаза у Майры блестят, и я не могу понять – это в них свет отражается, или они стали влажными от слез.

– Я надеялась, что Океания полюбит меня за это. И думаю, что не ошиблась. Но она, естественно, одновременно и возненавидела меня тогда. По-другому просто и быть не могло.

Я с трудом проглатываю комок в горле.

– Откуда мне знать, что ты меня не обманываешь? А может, ракушка всего лишь ловкий трюк? Чем ты докажешь свою искренность?

– Ничем, Рио. Тебе придется поверить мне на слово.

Время на исходе. Стражники уже врываются в дверь.

– Уходи, – говорит мне Майра и переключается на стражников.

Ее голос такой странный – в нем слышны смех, плач, песня.

Стражники смотрят на Майру во все глаза. Предполагается, что хотя бы у одного из них должен быть врожденный иммунитет, однако никто не замечает моего присутствия.

Я проскальзываю в дверь, но все еще слышу Майру. Она снова поет колыбельную, только в этот раз голос ее звучит зло и агрессивно.

– И плачут они, и поют, – выводит Майра, и я вдруг понимаю,

что эта строчка вполне может относиться к сиренам.

А потом Майра умолкает. Стражники ее схватили. Почему она решила рассказать мне все это именно здесь, в шлюзовой камере? Она ведь знала, что ей оттуда не уйти. Неужели хотела, чтобы ее поймали? Понятно же, что есть сотни значительно более безопасных мест, так к чему же идти на такой риск? И вся эта затея с ракушкой выглядит, на мой взгляд, очень подозрительно. Почему тетя собралась учить меня столь странным способом: ничего не рассказывая по своей инициативе, но исключительно отвечая на вопросы, которые я стану ей задавать? Боится сболтнуть лишнее? Да нет, вряд ли. Наверное, есть тут какая-то важная причина, но она столь темная и глубокая, что разгадка мне даже в голову прийти не может.

Мама и Бэй доверяли Майре. Но они навсегда покинули Атлантию и не могут рассказать мне, оправдала она их доверие или нет.

Вполне возможно, что Майра предала их обоих.

Вернувшись на площадь, я поднимаю глаза и смотрю на цветное храмовое окно-розетку. Оно такое высокое и яркое при дневном свете – копия затвора в шлюзах.

Майра отвела меня в шлюзовую камеру, чтобы поговорить о маме. Но не только за этим, еще она решила напомнить племяннице, как выглядит смерть. Тела усопших кладут на каменный пол, камеру заполняет холодная вода, и тот, кого ты любишь, поднимается наверх. Майра хотела, чтобы я поняла: бежать через шахтный отсек или на транспорте Совета небезопасно, попасть Наверх я могу только с ее помощью.

Но при этом она невольно подсказала мне, что есть и еще один путь.

Я не могу покинуть Атлантию так, как это сделала Бэй.

А вот так, как мама, – вполне можно попытаться.

Естественно, в моем варианте будет одно существенное отличие: я покину Атлантию живой.

Глава 8

Интересно, сколько стоит баллон с воздухом? Что, если пятьсот семь монет? Ровно столько, сколько оставила мне Бэй? Если так, то, возможно, эти деньги – послание сестры, сигнал о том, что она хочет, чтобы я нашла способ последовать за ней.

На другой день после разговора с Майрой я, отработав смену в шахтном отсеке, напрямик отправляюсь на Нижний рынок. Прогуливаясь по рядам между палатками, прислушиваюсь к разговорам торговцев, которые продают пузырьки с чистым воздухом, пропитанным пьянящими ароматами и запахами разных специй.

Несколько раз прохожу вверх-вниз по рядам, слушаю, что и как говорят торговцы, прикидываю, кого из них лучше выбрать. И, сама не знаю почему, останавливаюсь возле палатки с вывеской «Самый лучший воздух от Эннио». Продавец по имени Эннио – худощавый подвижный молодой человек. Увидев меня, он показывает на небольшой флакончик и говорит:

– Нет ничего лучше лаванды. Этот аромат отлично успокаивает, особенно если ты страдаешь бессонницей.

Я отрицательно качаю головой:

– Мне, вообще-то, нужно больше, чем в этом флакончике. И мне требуется обычный воздух, без всяких ароматов.

Я не уверена, что выбрала верные слова и мой собеседник поймет, о чем я спрашиваю. Но он понимает.

Эннио прикрывает глаза и понижает голос. Он напрягся, так что, похоже, я на верном пути.

– Нет, – говорит Эннио. – Нет, я не торгую такого сорта воздухом. Мой товар предназначен для тех, кто хочет тихо-мирно жить здесь, в Атлантии.

Я думаю, что он говорит мне неправду. Почему? Потому что я молодая? Потому что я девушка? Или ему не нравится звук моего голоса? Сколько же неприятностей уже причинил мне этот голос.

Но я не отступаю:

– А сколько бы стоил простой воздух, если бы кто-нибудь решил его продать? Например, баллон сжатого воздуха? Хоть это ты можешь мне сказать?

Я не рассчитываю, что Эннио ответит, но он отвечает:

– В лучшем случае – тысячу монет, и при этом нет никаких гарантий, что ты действительно получишь то, за что отдала свои деньги. Тебе могут всучить пустой баллон или такой, от которого не будет никакого толку, потому что воздух в нем не будет сжат так, как надо. Ты успеешь сделать всего пару вдохов – и все,

конец. Как известно, спрос рождает предложение. Поскольку есть те, кто хочет отправиться Наверх самостоятельно, то, разумеется, находятся и такие, кто не прочь нажиться на их глупости. Но еще никто и никогда не поднимался Наверх без разрешения Совета.

Тысяча монет. Это почти в два раза больше, чем оставила Бэй.

– Мне, вообще-то, следовало бы сообщить о тебе в Совет, – заявляет Эннио и внимательно меня разглядывает. – Там очень интересуются теми, кто задает подобного рода вопросы.

– Ты меня не так понял, – небрежно говорю я. – Я вовсе не собираюсь рисковать. Просто из чистого любопытства хотела узнать, возможно ли это.

– Подняться Наверх невозможно, – отвечает Эннио. – Запомни это раз и навсегда и не губи понапрасну свою молодую жизнь. Ясно?

Я киваю и делаю вид, будто страшно разочарована.

Эннио точно не сирениус. Он рассказал мне все, что я хотела знать, но он не в силах повлиять на принятое мною решение.

Альдо прикрепил очередной график заплывов на обычное место, на ближайшую к плавательным дорожкам стену рынка. Удивительное дело, но я чувствую, что немного волнуюсь. Будет совсем неплохо отвлечься, занять себя чем-то физически. С тех пор как ушла Бэй, я постоянно на взводе да еще совсем забросила тренировки по плаванию. Ничего, теперь, когда у меня появился план, все будет иначе. Во-первых, я должна стать достаточно сильной и быстрой, чтобы добраться до поверхности океана и не задеть при этом плавучие мины; во-вторых, я должна выиграть достаточно денег, чтобы купить баллон с воздухом. Не думаю, что Эннио откажется продать мне воздух, если я приду к нему с тысячью монет в кошельке. Надеюсь, он не попробует меня надуть, как те нечистоплотные торговцы, про которых он рассказывал. Мне этот парень почему-то внушает доверие.

Но я не вижу ни в одном списке свою фамилию – Конуи. Я еще раз внимательно изучаю графики заплывов, поворачиваюсь и вижу, что ко мне идет Альдо. Он отрицательно качает головой.

– Можешь там себя не искать, – говорит он. – Ни зрители, ни пловцы не хотят, чтобы ты заняла место сестры.

– Но почему? – недоумеваю я. – Ты что, не сказал им, что на тренировках я плавала не хуже Бэй?

– Сказал, да они и так об этом знают: все видели, как вы вместе тренировались. Но люди считают, что ты не сможешь заменить Бэй, поскольку не заслужила этого.

Что ж, пожалуй, в этом есть свой резон. Я годами воспринимала нас с Бэй как две половинки одного целого, но,

видимо, со стороны все выглядит иначе.

– Хорошо, я начну с самой последней строчки. С низшего разряда.

Альдо снова качает головой:

– Ты не можешь участвовать в заплывах, Рио. Вообще. Никто на тебя все равно не поставит.

– Но почему? – Я от злости сжимаю кулаки. – На Бэй они ставили. Чем я хуже?

– Просто ты другая, – говорит Альдо. – И уж извини, но насильно я заставить никого не могу.

Да уж, если бы он только знал, насколько я другая!

Вот и все, конец моим мечтам. Если никто не хочет на меня ставить, то тут уж я ничего поделать не могу. Или могу?

Я могла бы поговорить с Альдо и придать каждому своему слову особое звучание. Оно было бы едва заметным, как мое дыхание на его шее, если бы я склонилась ближе к нему. Мне бы даже не потребовалось использовать свой настоящий голос, но Альдо ощутил бы его в воздухе и понял, что этот голос направлен именно на него.

«Пожалуйста», – шепнула бы я, и он бы непроизвольно закрыл глаза и сделал все, о чем бы я его попросила. Я знаю, что это сработало бы.

Но я ни за что не стану этого делать.

И тут я вспоминаю о деньгах, которые взяла с собой, и говорю:

– Ну ладно, тогда я просто оплачу очередную тренировку. Прямо сейчас.

– Чего ради? – изумляется Альдо. – Только деньги зря потеряешь. Все равно никто не станет с тобой соревноваться.

Нас окружила группа из нескольких игроков и пловцов. Они ждут, что я предприму. Я не обращаю на них внимания и, глядя в упор на Альдо, заявляю:

– Я выйду на дорожку против себя самой.

Организатор заплывов смеется:

– Никто не станет на это смотреть. Никто не поставит на тебя ни монеты.

– Ну и ладно, – отвечаю я. – Я это не для зрителей делаю, а ради собственного удовольствия.

А мозг мой тем временем лихорадочно работает, просчитывая различные варианты, как усложнить заплыв, как заставить себя выкладываться по полной. Может, стоит купить специальный костюм с утяжелителями? И тут я понимаю, что такой костюм уже на мне. Рабочий костюм механика достаточно тяжелый и точно будет тянуть меня ко дну. А за ночь я успею его высушить

и завтра смогу снова надеть на службу.

Я спускаюсь на дорожку. Вода пропитывает костюм, даже идти тяжело. Я слышу смех у себя за спиной. Кто-то говорит, что я придумала ерунду, кто-то замечает, что сестра Бэй Конуи всегда была со странностями. Я с головой опускаюсь под воду и больше не слышу, что они там болтают.

Оттолкнувшись от стенки, с невероятным трудом начинаю грести. Тяжеленный костюм механика тянет ко дну. Но потом я говорю себе: «Добраться до поверхности будет гораздо тяжелее. Ты не знаешь, какое расстояние придется преодолеть, после того как ты окажешься в океане. То, что происходит сейчас, – ерунда. Это только начало, все самое трудное еще впереди».

По дну дорожки, чтобы пловец не отклонялся к бортикам, проведена черная линия. Я придерживаюсь этой линии, костюм тормозит движение и тянет вниз, но я не останавливаюсь и проплываю до конца дорожки и обратно, а потом еще и еще раз, пока не понимаю: хватит, а то могу утонуть.

Я выбираюсь на бортик. Кто-то из зрителей смеется, кто-то хлопает, но им всем было интересно, и поэтому я старательно сдерживаю улыбку. Я вспоминаю, как мама говорила: «Люди любят зрелища и вообще все необычное. Устрой для них представление, и они будут счастливы. Людям нужны грандиозные празднества и великие события, поскольку им хочется ощущать свою значительность».

А ведь на этом можно сыграть! Может, если у меня получится вызвать у зрителей интерес к моим одиночным заплывам, они начнут выкладывать за это деньги? Вдруг я смогу сделать свое представление таким интересным, что оно соберет толпу народа? Эта мысль пугает меня, но, с другой стороны, тогда я убью сразу двух зайцев: смогу тренироваться, чтобы как следует подготовиться к побегу Наверх, и заодно скоплю денег на покупку баллона с воздухом, без которого мне до поверхности не добраться.

– Я арендую дорожку на завтра, в это же время, – говорю я Альдо. – Передай всем, кому интересно. В следующий раз еще что-нибудь придумаю.

– Думаешь, зрителям это будет интересно? – спрашивает он.

– Им уже интересно. – Я показываю на собравшихся у дорожки.

Наверняка все думают, что я со странностями. Никто не захочет со мной соревноваться. Но люди не против посмотреть, как я рискую жизнью.

У меня с собой нет сменной одежды, так что домой я иду

в промокшем насквозь костюме. Когда я прохожу мимо палаток, где продают выпечку – треугольники из слоеного теста с хрустящей корочкой и начинкой из орехов, изюма и коричневого сахара, – у меня начинает урчать в желудке от голода. Но я должна экономить каждую монету. Ведь даже плата за аренду дорожки нанесла существенный удар по моему бюджету. Надо постараться заработать побольше.

На секунду останавливаюсь у палатки, где торгуют крохотными баночками с землей. На каждой этикетка с надписью «Настоящая земля из мира Наверху». Ну, написать можно что угодно; я уверена, что это подделка. Какая-то женщина дрожащими руками отсчитывает монеты, чтобы купить у торговца с хитрой и одновременно подбострастной физиономией одну такую баночку.

Мне хочется сказать ей: «Я видела вблизи настоящую землю, она совсем не такая». Да, я знаю, как выглядит настоящая, потому что мама разрешала нам с Бэй посмотреть на землю, которая хранилась в чаше на алтаре. Она даже позволяла нам открыть эту чашу. Мы не могли потрогать землю, но хорошо разглядели, какая она темная и сочная. Иногда у меня даже возникало такое чувство, что она пахнет домом.

Но не всем в Атлантии так повезло, и если эта женщина хочет думать, что покупает баночку с настоящей землей, то ни к чему лишать бедняжку иллюзий. Я ведь верила, что мы с сестрой рассказываем друг другу буквально обо всем, но оказалось, что это не так.

У нас с Бэй с самого детства не было тайн друг от друга.

Или все-таки были?

Нет, не было, я в этом уверена.

Так когда же все изменилось?

Понятия не имею.

Надо же, я даже не заметила, что остановилась, пока кто-то не налетел на меня и не чертыхнулся из-за моего мокрого костюма. Какие-то дети тычут в мою сторону пальцами и смеются.

Господи, как же мне тяжело. Я так хочу избавиться от этого груза. Хочу перестать думать о том, почему Бэй бросила меня, и о том, могу ли я доверять Майре. Заплыв вымотал меня, и это хорошо. Но именно сейчас, когда силы иссякли, на меня наваливается беспросветное одиночество.

Продолжая обдумывать свой план, я понимаю: для того чтобы пройти через шлюзы, я должна поменяться с кем-то местами. Мне придется тайком проникнуть в морг и прикинуться мертвой. Настоящий труп, чей бы он ни был, надо будет спрятать. Так что

моя надежда на счастье напрямую связана со смертью другого человека: только так я могу сбежать Наверх.

Я прохожу мимо палатки, где торгуют ювелирными украшениями. На прилавке разложены серебряные изделия тонкой работы, резные бусы, камни и стекляшки, нанизанные на проволоку или скрепленные металлическими скобками. И вдруг я вижу нечто такое, что заставляет меня остановиться.

Это кольцо в коробочке из черного бархата со стеклянной крышкой. Меня никогда не интересовали ювелирные украшения, но это кольцо мне знакомо.

Оно принадлежало моей маме. Именно его Бэй забыла принести в тот день в морг.

Кольцо платиновое, с вкраплениями коричневого и синего. Отец подарил его маме в день свадьбы. Кольцо очень дорогое, потому что синее – это полудрагоценный камень под названием бирюза, а коричневое – дерево; и то и другое – чрезвычайно редкие материалы из мира Наверху. Папа выгравировал внутри кольца имя мамы, а потом, когда родились мы с Бэй, добавил туда еще и наши.

После того как мама ушла с водой через шлюзы, сестренка всегда носила это кольцо, не снимая.

Было ли кольцо на ней, когда она ушла Наверх?

Не помню.

Тем, кто выбирает жизнь Наверху, запрещено брать с собой ценные вещи. Значит ли это, что кто-то забрал у Бэй кольцо, после того как она сделала свой выбор? А потом отнес его на Нижний рынок и продал?

Или все произошло еще до того? Могла ли Бэй сама продать кольцо?

Меня бьет дрожь, я не отрываю глаз от украшения и пытаюсь понять, что все это значит. Может, это кольцо, как и земля в другой палатке, – подделка. Если так, то копия сделана просто отлично. Но чем внимательнее я разглядываю кольцо, тем больше убеждаюсь: нет, украшение то самое, мамино.

– Это не продается, – заявляет пожилая женщина, хозяйка палатки. А дюжий мужчина, который стоит рядом с ней – сын? – выразительно скрещивает руки на груди.

– Это кольцо мое, – говорю я. – Оно принадлежало моей маме.

– С чего это ты взяла? – спрашивает женщина.

– Внутри кольца выгравировано имя Океания, – поясняю я. – И еще два имени: мое – Рио, и моей сестры – Бэй. Кроме меня, никто не может об этом знать. Гравировку нельзя разглядеть, если кольцо на пальце.

– Ты права, это кольцо действительно принадлежало Океании, Верховной Жрице, – признает торговка. Она произносит имя мамы с уважением, как недавно Элинор.

– И оно должно быть у меня, – говорю я. – Вы можете пойти со мной в храм. Любой жрец поручится за меня и подтвердит, что я – дочь Океании.

– Извини, но я за него заплатила немалые деньги, – возражает женщина. – Если тот парень, который продал мне это кольцо, украл его у тебя, тогда с ним и разбирайся.

– Парень? – переспрашиваю я.

– Ну да. Это кольцо принес мне молодой человек. Если он вор, то я тут ни при чем. Но если ты хочешь выкупить его обратно, я, так и быть, продам тебе кольцо. Даже цену поднимать не стану. – Она, кажется, очень довольна собой: ведь она приняла такое справедливое решение.

– Но кто этот парень? – интересуюсь я.

– Он не назвался, – отвечает торговка. – Могу только сказать, что он блондин. Молодой. Симпатичный. По виду не бедствует.

Под это описание в Атлантии подпадают десятки парней, в том числе и Фэн Кардифф.

– А когда он принес вам кольцо?

– Это я хорошо помню. За два дня до годовщины Великого Раздела. Я очень обрадовалась. Прекрасное кольцо и отлично выполняет свое предназначение.

Я собираюсь спросить, что она имеет в виду. Кольцо носят на пальце, вот и все его предназначение. Но тут к прилавку подходит мужчина с баночкой воды в руках. Баночка очень похожа на те, в которых продают поддельную землю.

– Это будет стоить пять монет, – говорит моя собеседница.

Мужчина кивает и передает деньги и баночку торговке. А та берет мамино кольцо и опускает его в воду.

Я с огромным трудом сдерживаю свой голос:

– Что вы делаете?

– Не ты одна узнала это кольцо, – отвечает женщина и поднимает баночку выше, чтобы получше разглядеть ее при тусклом освещении Нижнего рынка. – Все знают, что Верховная Жрица носила его на руке, которой благословляла прихожан.

Кольцо опускается на дно баночки. Мужчина смотрит на него как замороженный.

– Спасибо, – говорит он.

– Вы выдумали, будто мамино кольцо может освятить воду! – возмущаюсь я.

– Ничего мы не выдумываем. – Торговка с помощью длинной

металлической шпильки аккуратно вылавливает кольцо. – Ты сама сказала, что это украшение принадлежало твоей матери.

Мужчина изумленно смотрит на меня:

– Неужели она дочь Океании?

– Какая тебе разница? – говорит торговка. – Это кольцо Верховной Жрицы, и теперь твоя вода освящена. Иди отсюда.

Покупатель уходит, и женщина, тяжело вздохнув, вновь обращается ко мне:

– Зря я сболтнула, что ты дочь Океании. Извини. Надеюсь, теперь из-за моего длинного языка люди не начнут бегать за тобой по рынку в надежде, что ты, как мама, можешь творить чудеса.

– Моя мама никогда не творила чудеса.

– Это я образно, – поясняет торговка. – А ты, похоже, из тех девчонок, которые все понимают буквально. – Она протирает кольцо и кладет его обратно в коробочку. – Вообще-то, я думаю, все и так знают, кто ты, но лучше лишний раз не афишировать. Хотя ты все сделала, чтобы привлечь к себе внимание. Стоишь тут насквозь мокрая, уже лужа, наверное, под ногами натекла.

– Но откуда люди могут знать, кто я? – спрашиваю я.

Атлантия – большой город. Моя мама, конечно, была публичной фигурой, но мы с Бэй всегда были сами по себе. Мы никогда не привлекали к себе внимание, по крайней мере, мне так казалось.

– Нас тысячи, но Верховная Жрица – одна, – говорит торговка. – Любому, кто посещал службу, кто-то когда-то непременно на вас показал.

Это совсем не то, что мне бы хотелось услышать. Я знала, что мама невероятно популярна, но при этом всегда думала, что сама без труда могу слиться с толпой и на улицах, и на рынке. Правда, Джосайя, Элинор и Бьен знали, кто я, но я предполагала, что их просто-напросто предупредили обо мне заранее.

– Но вы же не сразу меня узнали, – напоминаю я собеседнице.

– Зрение у меня уже не то, что прежде, – вздыхает она. – И я не ожидала, что дочь Верховной Жрицы будет слоняться по рынку вымокшая до нитки. – Торговка протягивает мне руку: – Я – Кара.

Мне все равно, как зовут эту женщину, и я не пожимаю ей руку.

– Вы испортите кольцо, – говорю я. – Его нельзя класть в воду. Оно может заржаветь. Вы повредите дерево да и гравировку можете стереть.

– Не все просят освятить воду, – поясняет Кара. – Некоторые хотят просто прикоснуться к кольцу или освятить им ткань

или какую-нибудь вещь. Мы очень осторожно с ним обращаемся. Следим, чтобы никто не украл. И не волнуйся, у меня есть специальное масло, чтобы сохранять дерево.

– Но зачем вы это делаете? – спрашиваю я. – Почему люди платят вам такие деньги?

– Знаешь, – понизив голос, говорит Кара, – некоторые люди поклоняются Океании: я видела, как они ставят ей свечи, ну в точности как богам. А еще ходят слухи, будто твоя мама умерла так рано, потому что на самом деле она богиня и пришло ее время вернуться домой.

– Это богохульство, – заявляю я.

Ну и ну! Я никогда не думала, что такое возможно. Но это происходит повсюду: сперва на работе, а теперь вот и на Нижнем рынке.

– Или искренняя вера, – говорит Кара.

Она берет флакончик с маслом, капают на деревянные вкрапления в кольцо и аккуратно втирает масло мягкой тряпочкой.

Я испытываю буквально физическую боль, когда вижу мамино кольцо в чужих руках. Могла ли Бэй отдать кольцо какому-то парню, чтобы он его заложил? Почему не отдала мне? Может, тут есть другое объяснение? А вдруг Фэн украл у нее кольцо, а сестра не хотела меня расстраивать?

Я могла бы сказать Каре: «Отдай мне кольцо», – и она бы отдала.

Мне все труднее и труднее себя сдерживать.

– Я понимаю, ты хочешь, чтобы я вернула тебе мамино украшение, – говорит торговка. – Но, извини, оно обошлось мне слишком дорого, чтобы вот так просто взять и отдать. Я верну тебе кольцо, если ты принесешь мне пятьсот семь монет. Ровно столько я за него заплатила.

Слова, которые я собиралась ей сказать, застревают у меня в горле. Я смотрю на Кару и не верю своим ушам.

Ровно пятьсот семь монет.

Значит, деньги и впрямь от Бэй. Она действительно продала мамино кольцо.

Я уже израсходовала какую-то сумму, арендовав дорожку для заплывов. Если бы я этого не сделала, то могла бы прямо сейчас пойти домой, вернуться сюда с деньгами и уже сегодня выкупить кольцо.

Но Бэй не стала бы продавать кольцо только для того, чтобы я его выкупила. Она наверняка хотела, чтобы я потратила эти деньги на что-то еще, на что-то настолько важное, что она продала самое дорогое – украшение, которое осталось от мамы.

Что бы это могло быть?

Наверное, Бэй надеялась помочь мне купить баллон с воздухом, чтобы я предприняла попытку сбежать Наверх? Или она хотела, чтобы я использовала эти деньги, осуществив какой-то другой вариант побега? Может, мне следует подкупить одного из членов Совета, чтобы он пропустил меня на транспорт? Или Бэй специально передала деньги через Майру, чтобы таким образом дать мне понять: я могу доверять тете и мне лучше подняться Наверх вместе с ней?

Интересно, а Тру что-нибудь об этом известно? Может, Фэн рассказывал ему о кольце?

– Вы знаете человека по имени Тру? – спрашиваю я Кару. – Парень примерно моего возраста. Шатен с карими глазами. Он говорил, что приходит сюда почти каждый вечер.

– Да, Тру часто бывает здесь. Ходит со своей тележкой, продает рыбок, которых сам же и мастерит.

Продает рыбок?

Наверное, я ослышалась.

Очередной покупатель, верящий в чудотворную силу маминого кольца, протискивается мимо меня к прилавку, и я отступаю назад. Итак, Тру по вечерам торгует на рынке. Но тележки не палатки, они не стоят на месте. И как же мне его найти?

Однако едва только я начинаю разглядывать толпу, как он сразу попадает в поле моего зрения. Тру не зазывает покупателей, он смотрит вниз и внимательно следит за своим товаром.

Такое чувство, будто боги на моей стороне и мгновенно ответили на мою молитву, устроив нам встречу. Словно бы я бросила монетку в пруд желаний – и желаемое появилось у меня перед глазами. Я настораживаюсь: как-то все это очень подозрительно. Я, вообще-то, не слишком везучая.

Я отхожу от палатки Кары и направляюсь к Тру. Когда я подхожу ближе, он поднимает голову и встречается со мной взглядом. Видно, что мои влажные нечесанные волосы и мокрый костюм производят на парня впечатление, но он не произносит ни слова. Видимо, считает, что это я должна заговорить первой.

– Мне надо задать тебе один вопрос, – говорю я. – Насчет Бэй и Фэна.

Тру быстро оглядывает людный рынок.

– Будем беседовать прямо здесь?

– Пожалуй, это не самое подходящее место.

Он понимающе кивает:

– Идем. – И снова начинает толкать свою тележку.

Мы заходим за угол последнего торгового ряда. Здесь пусто, свет едва просачивается сквозь рейки из пластика и проволоки.

– Ну вот, – говорит Тру. – Тут потише.

Я собираюсь спросить, мог ли Фэн иметь отношение к кольцу, но отвлекаюсь, заметив, что товар в тележке Тру движется. В стеклянных банках с бирюзовой водой плавают маленькие металлические рыбки.

Рыбки эти совсем простенькие – они сделаны всего из нескольких кусочков металла, никаких особенных деталей, – но очень красивые и к тому же все разные. Я наклоняюсь, чтобы получше их разглядеть.

– Как ты это делаешь? Какие припои и крепления используешь, чтобы они могли так вот шевелиться?

Тру аж светится от удовольствия. Он вылавливает одну рыбку и показывает ее мне.

– Вот смотри, это мое изобретение под названием «рыбий хвост», – говорит он. – Крепишь проволочку впереди и сзади. Рыбка получается не из двух, а из трех частей.

– А где ты научился так мастерить?

– Я работаю на гондолах, – отвечает Тру. – По ночам их ремонтирую. Так что у меня есть опыт работы с металлом и разными механизмами.

– Когда же ты спишь? – недоумеваю я.

Я не представляю, как он выкраивает время на сон, если работает на гондолах, а потом делает рыбок да еще продает свой товар на Нижнем рынке.

– Утром несколько часиков, – улыбается Тру.

Лицо его сразу меняется, и возле глаз появляются лучики-морщинки. Кажется, что этот парень излучает тепло. Мне нравится его улыбка, открытый взгляд и то, как он легонько касается моей руки, когда передает рыбку, чтобы я лучше ее рассмотрела.

– Как же ты выдержишь?

– Подумаешь, можно маленько и недоспать. Мне нравится работать на гондолах, и я с детства люблю мастерить что-нибудь своими руками. А ты откуда знаешь о припоях и креплениях?

– Раньше я работала при храме, прикрепляла опавшие листья обратно к веткам. Они тоже должны быть гибкими. Нам следовало бы использовать что-то вроде этой конструкции. Тогда листья стали бы более подвижными.

Рыбки такие быстрые и юркие. Вот бы мне немного попрактиковаться, используя их как имитаторы мин. Я выбрала шлюзы, потому что они ближе к поверхности, чем шахтные отсеки, – и плыть меньше, и перепады давления не такие

большие, – но мин и там будет предостаточно. В бассейне я могу попробовать научиться лавировать между рыбками. А заодно и зрителям на трибунах будет на что посмотреть. Они могут делать ставки на то, сколько рыбок я задену, пока проплыву до конца дорожки.

Рыбки Тру – это именно то, что мне надо.

– Сколько времени они могут вот так шевелиться? – спрашиваю я.

– Почти десять минут, – отвечает он. – Потом их надо вытащить из воды и снова завести.

– Твой товар пользуется спросом?

Тру качает головой:

– Ну, покупают время от времени, детишкам на дни рождения. Я бы наверняка продавал больше, если бы мог позволить себе арендовать палатку. Но на палатку нужны деньги, а где их взять? Если только продавать побольше рыбок. Замкнутый круг! – заключает он и смеется.

– Но они такие красивые, – говорю я. – Стоят того, чтобы на них откладывать деньги.

Мне жаль, что я не могу сказать это своим настоящим голосом. Но Тру, кажется, все понимает и искренне отвечает:

– Спасибо.

Мое внимание привлекает ведро, которое стоит за банками. В нем сложены какие-то металлические детали.

– А что у тебя там?

Тру пытается отодвинуть ведро подальше, но я успеваю заметить какие-то когти, пасть как у горгульи, куски крыльев из металлической сетки серебристого цвета.

– Да так, ерунда, я еще над этим работаю, – говорит Тру.

– Ты хочешь сделать летучих мышей?

– Да, но заставить их летать непросто, – признается мой собеседник. – Они постоянно падают и ломаются.

Я бы с удовольствием еще его порасспрашивала, мы могли бы вместе подумать, как сделать так, чтобы его мыши могли летать. Но у меня нет времени. Я должна выбраться Наверх. И я не собираюсь рассказывать Тру о своих планах. Он все равно не в силах мне помочь, но зато вполне может попытаться меня остановить. Или, что еще хуже, рассказать кому-нибудь о том, что я замышляю побег.

– Так ты вроде бы хотела меня спросить насчет Бэй и Фэна? – вспоминает Тру.

– Все дело в кольце, – поясню я. – Раньше оно принадлежало нашей маме, а потом, после того как мама умерла, Бэй носила его каждый день. Я думала, что сестра взяла его с собой Наверх –

вернее, если уж на то пошло, я как-то вообще об этом не думала. Но сегодня я вдруг увидела мамино украшение на рынке. Торговка сказала, что некий парень, похожий на Фэна, принес ей это кольцо за два дня до годовщины Великого Раздела. По-моему, тут два варианта: либо Бэй сама попросила его продать кольцо, либо Фэн его у нее украл.

– Ну нет, украсть кольцо Фэн точно не мог, – не раздумывая говорит Тру. – Не такой он человек. – Затем хмурится и спрашивает: – А сколько ему дали за кольцо?

– Пятьсот семь монет, – отвечаю я.

– Это целая куча денег. Как ты думаешь, на что они с Бэй их потратили?

Я не хочу признаваться, что деньги у меня. Я недостаточно хорошо знаю Тру. Но и врать ему я тоже не хочу. А потому говорю:

– Я замерзла. Мне надо идти домой. Я просто хотела спросить тебя на всякий случай, а вдруг ты что-нибудь об этом знаешь.

– Нет, не знаю, – качает головой Тру. – Но я могу попробовать разузнать об этом побольше. – Он улыбается. – Выходит, ты передумала? И теперь не против, чтобы мы вместе попытались выяснить, почему Бэй с Фэном ушли Наверх? Да?

– Да.

Я чувствую себя неловко, ведь на самом деле я собираюсь использовать этого парня в своих корыстных целях. Выяснить, что ему известно, чтобы потом самой сбежать Наверх. Но не могу же я сказать правду малознакомому человеку.

– Сколько ты выручаешь с каждой рыбки? – спрашиваю я.

– Десять монет, – растерянно отвечает Тру: его удивляет, что я вдруг решила сменить тему.

Я старательно сдерживаю улыбку. Сущие гроши, если подумать о том, какую пользу могут мне принести эти рыбки.

– Я хочу купить десять штук, – заявляю я, достаю из сумки деньги и отсчитываю двадцать монет. – Сейчас у меня есть деньги только на двух рыбок. Ты оставишь для меня еще восемь? Банки с водой мне не нужны.

Тру ошарашен и рад одновременно.

– Конечно, – кивает он и вылавливает из банок рыбок. – Можешь прямо сейчас всех забрать, я тебе верю.

Тру отсчитывает десять рыбок и складывает их в пакет. Пакет получается увесистый.

– Спасибо, – говорю я.

– До завтра, – отвечает Тру.

Я сажусь в гондолу. Представляю, как я выгляжу сейчас

со стороны: лохматая, трясущаяся от холода в мокром костюме механика. Ну и пусть! Внезапно сердце мое болезненно сжимается: интересно, если бы Бэй сейчас увидела, как я плыву к храму с сумкой, полной металлических рыбок, она бы рассмеялась или заплакала? Сестренка явно оставила мне деньги с какой-то целью. Как бы узнать, в чем именно заключается ее замысел?

Ну да ладно, во всяком случае, я не сижу сложа руки, а делаю все, что в моих силах.

Глава 9

Я плыву по дорожке с открытыми глазами и плавно поворачиваю к бортику. У меня такое ощущение, что мое тело мне не принадлежит и в то же время оно – мое, и только мое. Я увертываюсь от рыбок, проскальзываю между ними. Океан поет для меня. Моя сестра поет для меня.

А потом я сбиваюсь с ритма, и первая рыбка задевает мое тело. Одна. Вторая. Третья. Четвертая. Я уже четыре раза умерла, еще не доплыв до конца дорожки.

Прямо скажем, результат неважный. До совершенства мне еще очень далеко.

Но я обязательно научусь. Нет ничего труднее, чем сдерживать свой голос, но я же смогла и это тоже освою. Я научусь плавать между минами и заработаю на воздух, необходимый для побега.

Я встаю на дно дорожки.

Сегодня посмотреть на меня собралось уже больше народу.

И один из зрителей – Тру.

Я приветственно машу ему. Он поднимает руку в ответ и спускается к бортику, чтобы поговорить со мной. Я снимаю шапочку. Вокруг меня плавают металлические рыбки – надо поскорее их выловить. Я собиралась после заплыва найти Тру на рынке, но он опередил меня.

Тру не улыбается, но смотрит так странно, что мне кажется, будто он... зачарован. Просто не могу найти более точное слово. Так иногда выглядят люди, когда слышат голос сирен. Но ведь я сейчас ни слова не сказала и уж точно не заговаривала с этим парнем своим настоящим голосом.

– Рио, ты прекрасна, – вдруг заявляет Тру. И спохватывается: похоже, он сильно удивлен, что сказал это, а я не меньше его удивлена тем, что услышала. – Я имел в виду то, как ты плаваешь. Это прекрасно.

– Спасибо.

У меня такое чувство, будто Тру направил лучик света в темную печаль моей души: так бросают монетку в колодезь желаний. Теплый золотой свет постепенно уходит, но отблески его еще видны.

– Откуда ты узнал, что я буду сегодня плавать?

– Я и не знал, – отвечает Тру. – Я тут по другой причине. Просто счастливое совпадение.

– Я принесла деньги за оставшихся рыбок, – говорю я. – Сейчас вылезу и отдам их тебе. Я сегодня специально арендовала

у Альдо шкафчик, чтобы деньги во время заплыва были в сохранности.

Тру качает головой:

– Это подарок. Я хочу, чтобы рыбки были твоими.

Я чувствую себя неловко. Тру нуждается в средствах, ему нужна своя палатка на рынке. Я собираюсь возразить, но тут к нам подходит Альдо. На Тру он не обращает никакого внимания и сразу наклоняется ко мне:

– Им понравилось. Некоторые спрашивали, когда ты снова поплывешь. Интересно ты придумала лавировать между бликами в воде.

– А с трибун хорошо все видно? – спрашиваю я.

Альдо кивает:

– А если мы соберем еще больше народу, можно будет использовать парочку экранов, как на больших заплывах.

Больше зрителей – больше денег. Чем больше я заработаю, тем быстрее доберусь до поверхности. Всю свою жизнь я старалась избегать внимания окружающих, но сейчас так хочу выбраться Наверх, что готова ради этого даже выступить на суде.

– Теперь, после того как ты их побаловала даром, – говорит Альдо, – мы можем брать со зрителей плату. Составим расписание твоих заплывов, чтобы люди знали, когда приходить. Я уже все продумал: игроки смогут делать ставки на то, сколько раз ты коснешься бликов за один заплыв. Всегда хорошо для разнообразия привнести что-то новенькое. А то наши соревнования уже целую вечность проходят по одному сценарию. – Альдо смотрит на Тру. – Это ты ей помогал? С помощью зеркал пускал на дорожке зайчиков?

– Никакие это не зайчики, и зеркала тут ни при чем, – поясняю я. – Это рыбки. Они металлические. – Я вылавливаю из воды одну рыбку и показываю ее Альдо.

– Мне это без разницы, – говорит организатор заплывов. – Главное, что мы их заинтересовали и теперь можем браться за дело. Предлагаю такие условия: ты тренируешься бесплатно, но за это будешь делиться со мной выигрышем.

Отлично. Даже лучше, чем я надеялась. Конечно, на меня будут глазеть люди, но мне же не придется с ними говорить. Альдо будет меня объявлять.

– Ладно, но не поровну, – отвечаю я. – Семьдесят процентов на тридцать, как с другими пловцами.

Альдо трясет головой:

– Я точно знаю, что люди будут приходить на соревнования пловцов и делать ставки. А в твоем случае, извини, у меня нет такой уверенности.

– Семьдесят на тридцать, – повторяю я. – От тебя мне нужна только вода на дорожках, ну и еще чтобы ты меня объявлял. Все остальное – моя забота и ничего не будет тебе стоить. У меня, между прочим, еще много разных задумок.

И это правда.

– Например? – спрашивает Альдо.

– Мы покажем зрителям рыбок, – говорю я, – и скажем, что с каждым заплывом будем увеличивать ставки. Запустим больше рыбок в бассейн. Тру может сделать так, что они станут двигаться быстрее. Мы можем подзарядить их, чтобы рыбки при контакте со мной били током.

Такие заплывы могут стать более эффективными тренировками: я невольно буду прилагать еще больше усилий, чтобы не касаться рыбок.

– По-моему, это слишком рискованно, – вставляет Тру.

– Я уверена, мы сможем сделать все так, чтобы было не очень больно, – говорю я. – Но чем рискованнее это будет смотреться со стороны, тем больше людей придет посмотреть на меня. А чтобы подогревать их интерес, мы будем постоянно вносить какие-то изменения.

Можно плыть со связанными руками или ногами. Или погружаться на глубину с грузом, а игроки пусть делают ставки на то, как скоро я всплыву обратно.

Альдо кивает и соглашается:

– Хорошо. Пусть будет семьдесят процентов на тридцать.

Видно, что Тру расстроен. В отличие от Альдо, которого моя безопасность нимало не беспокоит.

– Зачем тебе идти на такой риск? – спрашивает он.

Но еще прежде, чем Тру успевает закончить эту фразу, в глазах у него мелькает искра понимания. Он замолкает, и я пугаюсь. Неужели этот парень и впрямь сообразил, в чем тут дело?

Если так, он для меня опасен, даже еще более опасен, чем те испытания, которым я собираюсь подвергнуть себя на плавательной дорожке.

Мы с Альдо договариваемся о времени моего следующего заплыва.

– Строго говоря, это не совсем заплывы, – уточняет он, – так что будем называть их выступлениями.

Я не возражаю, хотя сама назвала бы их тренировками. Никто не должен догадаться о том, зачем я на самом деле все это придумала. Особенно Тру.

После того как Альдо уходит, Тру наклоняется ко мне через бортик и говорит:

– Я знаю, почему ты это делаешь. Почему ты готова так рисковать.

У меня падает сердце. Как он догадался? Чем я себя выдала?

– Это из-за кольца, – добавляет Тру.

Из-за кольца? Ну конечно. Тру думает, что я стараюсь заработать деньги, чтобы выкупить обратно мамино кольцо.

– Я тебе помогу, – говорит он. – Я не стану брать с тебя деньги за рыбок для заплывов. И я помогу тебе их усовершенствовать.

– Но почему? – спрашиваю я. – Зачем тебе делать все это бесплатно?

– Потому что я знаю, как сильно ты хочешь вернуть это кольцо. И еще потому, что мне нужна твоя помощь: я надеюсь благодаря тебе узнать, почему Фэн и Бэй решили уйти Наверх.

Что ж, это логично. За все надо платить. Вот только Тру не знает, что я собираюсь сбежать Наверх и уже там спросить обо всем сестру.

– Наверняка была какая-то причина, – развивает тему Тру. – Вряд ли эти двое решили уйти только потому, что были влюблены друг в друга. Они ведь могли остаться в Атлантии, где им ничто не мешало быть вместе.

– Мы даже не знаем, были ли они влюблены друг в друга, – возражаю я.

Тру мнется, явно не зная, что сказать в ответ.

– Так ты думаешь, что между ними все-таки что-то было? – спрашиваю я.

– Ну, – говорит Тру, – я видел их иногда вместе. Они целовались.

– Они целовались, – повторяю я, и мой голос звучит даже спокойнее, чем обычно. Неужели Бэй и правда была влюблена в Фэна? И поэтому ушла Наверх? У меня это как-то в голове не укладывается.

– Скажи, а когда Бэй и Фэн целовались... было похоже, что они влюблены? – задаю я следующий вопрос.

Вопрос, прямо скажем, дурацкий, и к тому же наверняка смешно слышать, как я говорю о любви своим фальшивым, равнодушным голосом. Но надо отдать должное Тру: он не смеется.

– Ну, вообще-то, я сам еще ни с кем не целовался, – отвечает он. – Так что вряд ли могу считаться экспертом в этом вопросе. Но да, со стороны было похоже, что между ними что-то есть. Что-то серьезное.

– Допустим, но даже если и так, ты прав: Бэй с Фэном вполне могли остаться здесь, Внизу, – заключаю я. – Ничто не мешало им

со временем пожениться. Для этого вовсе не обязательно было уходить Наверх.

– Согласен. Тут должна быть еще какая-то причина.

Тру прав. У Бэй с Фэном наверняка были другие причины: более серьезные, чем любовь, и, возможно, не такие светлые.

– Вчера вечером я заходил к брату Фэна, Калебу, – говорит Тру. – Он еще маленький, всего десять лет, и он жутко переживает. В их семье вообще никто не понимает, почему Фэн так поступил. Но Калек сказал, что брат оставил ему записку. – Тру протягивает мне листок бумаги. – Вот, Калек разрешил мне переписать текст.

Записка совсем короткая:

Ты можешь подумать, что я решил уйти Наверх, потому что не люблю тебя, но это не так. Я люблю тебя и всегда буду любить.

Я верчу в руках чужое послание, и мне так хочется думать, будто это Бэй написала мне.

– Еще Калек рассказал, – продолжает Тру, – что в последнее время Фэн частенько уходил по ночам и возвращался домой с мокрыми волосами. Калек видел, как возвращался старший брат, но притворялся, будто спит.

– Ночные заплывы, – догадываюсь я.

Заплывы, которые устраиваются после закрытия Нижнего рынка, самые опасные. Ведь ночью рискуешь не только получить переохлаждение, но еще и попасть в камеру изоляции, если тебя поймают стражи порядка. Однако ставки по ночам значительно выше и заработать можно быстрее и больше, опять же при условии, что ты не заболеешь и тебя не поймают. Это совсем не такие заплывы, в каких участвовала Бэй. Моя сестренка не была настолько отчаянной.

– Сам я никогда не ходил на ночные заплывы, – говорит Тру. – И понятия не имел, что Фэн в них участвовал. Но мне следовало догадаться. Ему всегда нравилось рисковать. Именно поэтому я и пришел сегодня на дорожки. Хотел порасспрашивать, не знал ли тут кто Фэна. Нашлись такие, но они и не подозревали, что мой друг собирается уйти Наверх.

– Как ты думаешь, наверное, именно так они познакомились? – спрашиваю я. – Бэй, судя по всему, тоже ходила смотреть ночные заплывы. Или даже участвовала в них сама.

Теперь я начинаю понимать, почему, проснувшись, замечала, что Бэй прижимается ко мне в поисках тепла. Неужели все это в конечном счете произошло потому, что моя сестра страдала бессонницей, а я так любила свои сны, в которых могла

разговаривать настоящим голосом?

– Похоже на то, – кивает Тру. – И еще я думаю, что они вместе пытались что-то разузнать. Возможно, что-то связанное с твоей мамой, ну, насчет того, как она умерла.

Тру замолкает. Ему трудно сказать это вслух, поэтому я помогаю ему:

– Ты думаешь, что мою маму убили, да?

– Да, – кивает Тру. – Прости.

Это все только предположения, но я чувствую, что они вполне могут оказаться правдой. Мы с Бэй тоже считали, что со смертью мамы что-то нечисто. Я никогда не думала, что сестренка оставит меня, но я знаю, как она любила маму. Возможно, Бэй узнала нечто такое, из-за чего ей пришлось уйти Наверх? Но, откровенно говоря, я не представляю, какая информация могла вынудить сестру решиться на такой поступок.

– Ты не первый, кто так считает, – говорю я Тру. – Но лично я так не думаю. Зачем кому-то понадобилось убивать нашу маму? Как вообще кто-то мог желать смерти Верховной Жрицы?

Все, с меня хватит. Я больше не могу об этом думать. Только не сейчас.

Я начинаю вылавливать все еще плавающих в воде рыбок, но пальцы от холода не слушаются, и у меня ничего не получается.

– Я помогу, – предлагает Тру и убирает бумагу с текстом записки для Калеба.

– Ты вымокнешь.

– Это неважно.

Рыбки шустрые, а мы оба такие неловкие. Это забавляет Тру. Он смеется, и я на секунду чувствую облегчение, потому что мне нравится его смех. Но сама я не могу позволить себе такую роскошь, потому что мой настоящий голос способен пробиться сквозь смех. Зато ничто не мешает мне улыбаться. Мы вылавливаем рыбок и брызгаемся, как дети, которые плещутся в пруду или в речке Наверху. Эта мысль отрезвляет меня.

Я должна сбежать Наверх. Любой ценой.

– Как ты можешь быть таким счастливым, когда они ушли от нас? – спрашиваю я. – Ты разве не скучаешь по Фэну?

Тру перестает улыбаться. Я жалею, что спросила его об этом.

– Конечно скучаю, – говорит он. – Фэн был моим лучшим другом. Я все время по нему скучаю.

Тру наклоняется и вылавливает еще одну рыбку, а я смотрю на его спину. Его мышцы плавно, как волны, перекачиваются под рубашкой.

Потом он выпрямляется и говорит:

– Но, Рио, я не могу перестать быть счастливым. Я ведь живой человек.

Мне нечего на это ответить.

«Я ведь живой человек», – сказал Тру, и это правда.

А вот я не знаю, живая я или нет.

Но думаю, что если выберусь Наверх, то смогу быть живой.

Глава 10

Только-только я успеваю переодеться после заплыва, как колокола возвещают о закрытии Нижнего рынка.

– Что-то нынче рано, – говорю я вслух.

– Так ведь сегодня третья среда месяца, – откликается кто-то из соседней кабинки для переодевания.

А ведь и точно. Я совсем забыла. Потеряла счет дням. В третью среду каждого месяца по радио транслируют проповедь Верховного Жреца. Интересно, что Невио хочет нам поведать сегодня вечером?

Проповедь транслируется во всех школах и церквях Атлантии, но я всегда слушаю ее в храме. Поэтому я и сейчас отправляюсь туда на переполненной гондоле, от души надеясь, что теперь, когда за мной больше не закреплено место в первых рядах среди прислужников, я все-таки найду себе укромный уголок.

В храме народу полным-полно, как и всегда на таких проповедях. В воздухе какой-то странный, возбужденный гул, и такое ощущение, что он все нарастает. Я замечаю высоко на галерее пустое место и, пока пробираюсь туда, слышу, как Невио у меня за спиной начинает свою проповедь. Его голос усиливается установленными по всему храму динамиками.

– Я обращаюсь к вам от своего имени и от имени остальных жрецов, – говорит он. – Мы долго думали, как поступить в сложившейся ситуации, и наконец пришли к соглашению.

Голос у Невио красивый, глубокий, но в нем звучат стальные нотки, которые никогда мне не нравились. Я поднимаюсь на последнюю ступеньку, и кто-то, чтобы освободить мне место, перебирается на деревянную скамью повыше. Я еле-еле втискиваюсь. Вот уж правда, яблоку негде упасть.

– Речь идет о сиренах, – говорит Невио.

У меня сердце подпрыгивает в груди. Что он собирается сказать? Неужели это как-то связано с тем, что Майра проникла в шлюзовую камеру? Известно ли Верховному Жрецу, что я была с ней?

– Как некоторые из вас уже знают, – продолжает Невио, – время сирен подходит к концу. Последняя из них родилась двадцать лет назад.

Если это правда, то я – самая молодая из сирен. Последняя сирена. Мама никогда не говорила мне об этом.

– Сирены – это чудо, – говорит Невио, – но они – наше чудо, а потому их необходимо сдерживать и контролировать ради

нашего же блага. Они принадлежат Атлантии. Так же как летучие мыши не могут летать, где хотят, и нуждаются в людях, которые их кормят, сирены нуждаются в надзирателях и должны находиться в надежном месте. Это необходимо как для их собственной, так и для всеобщей безопасности.

Невио обращается ко всем жителям Атлантии, но меня не отпускает странное чувство, будто он обращается лично ко мне. Словно бы он объявляет всем сиренам за стенами храма – интересно, есть ли здесь еще такие же, как я? – чтобы они пришли к нему, ибо это в их же собственных интересах. Верховный Жрец говорит, что мы способны на ужасные вещи. Мы можем причинить боль тем, кого любим. Мы можем встать на сторону зла.

Возможно, мне следует прислушаться к нему.

Но потом я смотрю в сторону кафедры, представляю на месте Невио маму и понимаю: именно от этого она всегда и старалась меня защитить. От жизни под контролем людей, которые не любят и не понимают меня.

– И раз уж время сирен на исходе, – заключает Верховный Жрец, – мы можем ждать нового чуда. Это будет третье чудо.

Люди поворачиваются друг к другу и перешептываются. Им подарили надежду. Они все готовы отказаться от странных и непонятных сирен ради чего-то нового и прекрасного.

– Вот о чем я хочу говорить с вами сегодня, – продолжает Невио. – Мы должны подготовиться к третьему чуду. Да, мы должны быть к нему готовы.

Он говорит о жертвенности, любви и долге, о связи между двумя мирами и о том, как важно следовать установленным Советом правилам. Я перестаю слушать, потому что уже слышала это от мамы и она говорила обо всем лучше Невио.

Меня занимает другое. Неужели я – последняя сирена в Атлантии? Что это означает?

Люди проталкиваются мимо меня к выходу из храма, оживленно обсуждая, где, когда и как им явится третье чудо. Я не двигаюсь. Невио занял место мамы. Это она должна была сегодня стоять за кафедрой проповедника. С тех пор как она умерла, все становится хуже и хуже.

Почему мама умерла?

А если ее и впрямь убили?

Но кто?

Может, Невио?

Или это сделала Майра?

Я не хочу так думать, но эта мысль неотвязно преследует

меня.

И неужели я действительно последняя сирена?

Может ли Майра ответить на этот вопрос?

Я не знаю, кому верить.

Кто-то поднимается по ступенькам. Выходит на галерею. Джастус. Он подходит и садится рядом со мной. Вид у него усталый и печальный. Может, он тоже сейчас думает о моей маме?

– Можешь рассказать мне, как все происходило в шлюзовой камере? – прошу я. – Я имею в виду, когда ты был кандидатом в Верховные Жрецы и члены Совета привели сирен, чтобы проверить тебя?

– Я смог противостоять всем, кроме одной, – отвечает Джастус.

– Кроме Майры, – догадываюсь я.

Джастус зажмуривается.

– То, что она говорила, – шепчет он. – И то, как она это говорила. – Он открывает глаза. – Майра сделала так, что ее голос звучал как голос твоей матери. А то, о чем она говорила...

– Было ужасно?

– Наоборот, прекрасно. – Джастус погружается в воспоминания, и его лицо на секунду делается счастливым. – Но ничего из того, что она сказала, не было правдой. И когда я это понял, то заплакал. Члены Совета увидели, какое впечатление произвели на меня ее слова, и у меня не осталось ни единого шанса стать Верховным Жрецом.

Я от души сочувствую Джастусу. Он всегда любил нашу маму. Мы с Бэй знали об этом, и мама тоже знала, но не отвечала ему взаимностью. Интересно, о чем ему в тот день говорила Майра? В любом случае это было жестоко с ее стороны.

– Майра помешала мне стать Верховным Жрецом, – говорит Джастус. – А под конец она и Океанию сломала. Перед самой смертью ваша мама пыталась примириться с сестрой, и видишь, чем это для нее закончилось.

Джастус смотрит на меня, он явно не желает произносить это вслух, а хочет, чтобы я сама поняла, что он имеет в виду. Все чего-то недоговаривают, не только я одна. Все чего-то ждут и хотят, чтобы другие выслушали то небольшое, что они способны сказать, а потом додумали все сами и сделали выводы.

Джастус думает, что мою маму убила Майра.

Я бы еще о многом хотела его расспросить, но внезапно чувствую, что мы не одни. Я поднимаю голову и вижу Невио. Верховный Жрец стоит рядом со мной, и у него на шее цепь с орденом, который раньше носила мама.

– Джастус, – говорит Невио, – тебе пора приступать к работе в башне. Уже темнеет.

Джастус покорно склоняет голову. Уходя, он кладет руку мне на плечо. Он делает это впервые с тех пор, как узнал, кто я, и я благодарна ему за этот жест и за то, что он рассказал мне правду. Джастус – слабый человек, слишком слабый по сравнению с моей мамой, но это не значит, что у него нет сердца. И он не выдал меня. Он никому не сказал, что я сирена и что меня следует немедленно отдать под контроль Совета.

Я тоже встаю, но Невио жестом предлагает мне сесть обратно. Я не подчиняюсь. Он выше меня на несколько дюймов, но я не хочу смотреть на него снизу вверх, а предпочитаю смотреть мимо него.

– Я знаю, Рио, что тебе через многое пришлось пройти, – мягко произносит Невио. – И я понимаю, что из-за смерти мамы и выбора сестры ты немного не в себе.

Тут он прав.

– Но теперь тебе придется со всем справляться самостоятельно и рассчитывать только на себя, – заключает Невио.

От этих его слов мне вдруг становится очень горько, потому что Верховный Жрец опять прав. Бэй и мама устранились от всего, бросили меня, так что теперь мне придется в одиночестве собирать осколки былой жизни, и кто знает, к чему это меня в конце концов приведет.

– Я полагаю, Джастус поделился с тобой своими предположениями, – вздыхает Невио. – Не стоило ему дважды повторять одну ошибку. Знаешь, он ведь и Бэй говорил, что считает, будто в смерти вашей матери повинна Майра.

Джастус говорил такое моей сестре?

– Так что меня не удивило, – заключает Верховный Жрец, – что Бэй решила сбежать от всего этого в мир Наверху.

А вот это неправда. Невио был тогда сильно удивлен, я видела выражение его лица в тот момент, когда Бэй сказала: «Я выбираю жертвенную жизнь Наверху». Интересно, зачем ему понадобилось меня обманывать?

И тут вдруг меня осеняет: Верховный Жрец Невио – сирениус, причем весьма необычный и очень коварный. Неужели такое возможно? Это выше моего понимания.

Верховный Жрец никак не может быть сирениусом. Это против правил.

И тем не менее это так. Я точно знаю. Сказав мне неправду, он сам себя выдал.

Невио говорил убедительно, он заставил меня почувствовать

горечь и поверить – пусть не во все, но в то, что мама и Бэй бросили меня одну решать эту головоломку, – а потом допустил ошибку. Он сказал, что в тот памятный день не был удивлен. Верховный Жрец не знал, что я видела его в тот момент, когда Бэй сделала свой выбор.

Внезапно у меня в мозгу мелькает мысль, яркая и четкая, словно рыбка, что плавает между кораллами в морских садах.

«Когда Майра манипулирует тобой, она никогда этого не скрывает. Тетя смотрит тебе в глаза. Ты, даже если не в состоянии ей сопротивляться, понимаешь, что именно она делает, и ненавидишь ее за это. Невио не такой. Он не хочет, чтобы ты знала, что на тебя воздействуют».

Означает ли это, что Майра – честная сирена? Означает ли это, что я могу ей доверять?

– Мне пришлось на какое-то время изолировать твою тетю, – продолжает Невио. – Она проникла на запрещенную для сирен территорию. Один из охранников абсолютно уверен в том, что видел с ней кого-то еще, но задержали только ее одну. Ты, случайно, не знаешь, кто бы это мог быть?

– Нет. Но это точно была не я. Я боюсь свою тетю и всячески избегаю ее.

Невио какое-то время внимательно на меня смотрит. Не верит? Может, стоило добавить в порцию лжи побольше правды? Понял ли Верховный Жрец, что я узнала его секрет? Разгадал ли он мою собственную тайну?

– Ну что же, Рио, я рад это слышать.

После этого Невио оставляет меня и направляется по галерее к двери, которая ведет в башню, где работает Джастус. Я жду, когда дверь за ним закроется, и только потом перевожу дыхание.

Зачем кому-то понадобилось убивать нашу маму? Может, причина в том, что ей было что-то известно? Или она что-то сделала?

Похоже, я недостаточно хорошо знала собственную мать.

Вернувшись в свою комнату, я беру темную ракушку, которую мне дала Майра. Она твердая и бугристая на ощупь. Когда-то в ней обитал моллюск. А сейчас? Сейчас там опять есть что-то живое? Смогу ли я услышать голос тети?

Это похоже на магию. Я чувствую, что это опасно.

Но у меня накопилось столько вопросов.

Когда Невио показывал мне листок из маминого дневника, он не хотел, чтобы я прочитала записи на обороте. Там говорилось о сиренах. А еще она написала: «Спросить Майру».

Именно это я сейчас и сделаю.

– Ты можешь рассказать мне историю сирен? – говорю я в раковину. – С самого начала?

Я чувствую губами холод ракушки, потом подношу ее к уху и жду.

– Да.

Голос Майры звучит так, словно преодолевает огромное расстояние, хотя ведь это на самом деле так и есть: она говорит из тюремной камеры в квартале Совета, а я нахожусь в своей комнате при храме. Голос тети тихий и ясный, я не понимаю, как у нее получается слышать меня и отвечать с такого большого расстояния.

А потом Майра пересказывает мне историю сирен. Удивительно, но я ловлю себя на том, что мне смешно. Майра говорит совсем тихо, но при этом необычайно точно пародирует назидательные интонации, которые использует Невьо во время своих проповедей. Она усиливает эти его интонации до гротеска. Я и не подозревала, что Майра может меня рассмешить.

– Великий Раздел был началом всего. Мир стал рушиться, и боги помогли инженерам и жрецам создать Атлантию. Но туда могли отправиться не все. Дабы новая система работала бесперебойно, решено было устроить так, чтобы у каждого, кто остался Наверху, обязательно был кто-то близкий или любимый Внизу. Многие согласились остаться, потому что хотели, чтобы дорогие их сердцу люди находились в безопасности. Для жизни в Атлантии, естественно, отобрали большое количество взрослых, ведь городу требовалось постоянное техническое обслуживание, да и вообще кто-то должен был решать все возникающие проблемы. Но также в Атлантию отправили и немало детей. Дети для мира Внизу отбирались очень тщательно, поскольку было необходимо, чтобы самые разные взрослые – родители, бабушки, дедушки, тети, дяди, учителя – решили бы остаться Наверху ради блага каждого конкретного ребенка. Так было вначале.

– Я все это знаю, – говорю я. – Можешь рассказать мне больше? – Я умолкаю и пытаюсь решить, что же в действительности хочу узнать, что именно тетя должна мне разъяснить. – Есть другая история?

– Да, – отвечает Майра. – Но чтобы рассказать тебе эту историю, мне придется поделиться с тобой одной тайной. А если ты кому-нибудь ее откроешь, это может уничтожить меня.

Я задерживаю дыхание. У Майры есть еще одна тайна? Я уже знаю, что она обладает невероятной силой и способна сохранять голоса в раковинах.

Тетя молчит, и я понимаю, что должна задать вопрос.

– Что это за тайна?

– Я могу слышать голоса тех, кого нет с нами, – говорит Майра. – Тех, кто умер сотни лет назад. Я также слышу голоса в стенах Атлантии, особенно голоса сирен. Они сохранились, остались замурованными в стенах города. Мертвые всегда говорят, но не все могут их услышать. Я могу, и, наверное, этот дар как-то связан с моей способностью сохранять голоса в раковинах.

Я раздумываю немного, а потом спрашиваю:

– Можешь мне сказать, о чем они говорят, эти голоса в стенах? Что они рассказали тебе об истории мира Внизу? О сиренах?

– Да, – отвечает Майра.

Ее голос меняется, теперь он как будто принадлежит кому-то другому.

– Великий Раздел стал концом всего. – Это не похоже на то, как она совсем недавно пародировала Невио. Кажется, что говорит реальный человек. Голос принадлежит женщине, очень старой, и женщина эта определенно не сирена.

– Мы, то есть те, кого выбрали для жизни Внизу, знали, что нам повезло, но наши сердца были разбиты. Мы оплакивали оставшихся Наверху. Мы бродили по улицам нашего прекрасного города, и нам было так холодно и одиноко. Нам хотелось вернуться обратно, хотя мы и понимали, что это означает смерть. Мы не верили, что наше место здесь, на такой глубине. Мы чувствовали, что если наш мир гибнет, то, возможно, будет более правильным погибнуть вместе с ним. Но жрецы и члены Совета утверждали, что мы не должны забывать о том, как нам повезло. Они утверждали, что мы обязаны жить, иначе самопожертвование других окажется напрасным. Когда они говорили нам об этом, по их щекам текли слезы, и мы не сомневались: они понимают, что мы чувствуем.

Мы очень старались жить. Но это было невыносимо тяжело. Все вокруг выглядело иначе и звучало не так, как Наверху. Вокруг было так много стен, отовсюду доносилось эхо. Сколько бы огней мы ни зажигали внутри Атлантии, мы все равно чувствовали темноту, которая окружала нас снаружи. Некоторые пробовали выбраться Наверх. Одни прятались в транспорте с продовольствием и задыхались в считанные минуты. Другие бежали через шахтные отсеки и тонули.

Даже некоторые дети пытались сбежать. Сюда ведь отправили так много ребятишек, разлучив их с родителями. Мы все очень старались согреть их своей любовью. Малышам было тяжелее

всех. Они пытались быть счастливыми, поскольку им говорили, что этого хотят мама с папой. Дети беззвучно плакали и прятали свои слезы, пока учились, работали, выросли. Они стали сильными, потому что дети быстро оправляются от горя, но я готова поклясться, что даже после того, как они перестали плакать открыто, их сердца продолжали обливаться слезами. Эти ребятишки научились быть сильными, но души их не ожесточились. Я никогда не перестану верить в то, что именно это сделало возможным первое чудо. Их сердца успокоились, однако при этом не превратились в камень.

А потом, когда эти дети стали взрослыми и у них появились свои дети, случилось чудо.

Я имею в виду сирен.

Они начали появляться на свет, когда я уже была очень старой, но я прожила достаточно, чтобы услышать их голоса. И я рада, что могла их слышать.

Своими песнями сирены подарили нам покой. Они напомнили нам, как звучит смех.

Дети-сирены были красивыми и жизнерадостными. Родители любили их. Мы все настолько сильно их любили, что наконец-то научились справляться с болью потери и уже не тосковали так безнадежно по тем, кого оставили Наверху.

Когда сирены говорили нам, что надо жить дальше, у нас получалось жить дальше. Они смотрели нам в глаза и просили быть счастливыми, и мы вдруг понимали, что хотим им подчиняться.

Летучие мыши появились вскоре после сирен. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что они, скорее всего, были здесь все это время, просто не показывались людям на глаза. А когда слышали, как дети-сирены поют в храме, перебрались во внутренние дворы. Летучие мыши любили ребятишек-сирен. Они кружили над ними, садились им на плечи и расправляли крылья, словно хотели защитить хрупкую красоту.

Сирены были так прекрасны, и в то же время они пугали жителей Атлантии. Прекрасными сирен делали их голоса. А страх они вызывали, потому что маленькие дети не могут нести такую огромную ответственность, какую несли они.

Но нет никаких сомнений в том, что своим спасением мы обязаны именно сиренам.

Майра замолкает.

А я думаю: «Что, если дети, которые не позволили ожесточиться своим сердцам, и были первым чудом? Тогда у нас уже есть все три чуда, и люди напрасно ждут того, что никогда не случится».

– Откуда ты все это знаешь? – спрашиваю я Майру. – Где ты отыскала этот голос?

– Я услышала его однажды в стенах Атлантии, – отвечает Майра. – Я думаю, когда-то очень давно сирены специально попросили стены сохранить его там, чтобы мы долгие годы спустя смогли узнать правду. Мне кажется, в прошлом многие сирены обладали этим даром. Но я не знаю никого, кто мог бы делать это сейчас.

– А как ты это услышала?

– Я слушала.

– Зачем?

– Затем, что это еще одна сторона нашей чудесной силы, – отвечает Мара. – Сейчас большинство сирен вообще не понимают этого. Но ты-то, Рио, понимаешь.

– Скажи, я – последняя сирена?

– Последняя, о которой мне известно, – говорит Майра. – Но я не знаю всего.

– Ты думаешь, есть еще сирены?

– Я надеюсь на это.

Меня все это порядком раздражает: ну почему для того, чтобы получить нужную информацию, я должна постоянно задавать наводящие вопросы? Моя тетушка вполне могла бы по собственной воле рассказать что-нибудь сверх того, о чем я спрашиваю. Я понимаю: Майра приняла такое решение с целью вызвать у меня доверие, и это сработало. Но мне все-таки интересно: что бы она рассказала, если бы сама не установила такие правила? И кстати, можно ли из этого заключить, что Майра способна себя ограничивать? А если сама я однажды дам кому-то обещание своим настоящим голосом, будет ли это означать, что я никогда и ни при каких условиях не смогу его нарушить?

«Не заглядывай так далеко вперед, – говорю я себе. – Ты справишься. Сейчас твоя задача заработать на сжатый воздух и выбраться Наверх».

И задаю следующий вопрос:

– Где я смогу достать сжатый воздух?

Воцаряется молчание. Представляю, что тете хочется мне ответить: «Рио, ты не сможешь выбраться в одиночку. Ты подорвешься на минах. Даже не пытайся сбежать через эти двери в „Комнате океана“».

Но у меня-то совсем другой план. Я повторяю вопрос:

– Где я могу достать полный баллон сжатого воздуха?

Видимо, Майра действительно не в силах нарушить установленные правила. Но когда она отвечает, такое

впечатление, будто слова вырывают из нее чуть ли не с мясом:

– У Эннио на Нижнем рынке.

– А он не мошенник?

– Он продает качественный воздух. Не его вина, что все погибают.

Значит, Эннио. Я так и знала.

– Как убедить его продать мне баллон воздуха? – спрашиваю я. – Так, чтобы не использовать свой настоящий голос?

И снова тетя не может мне не ответить.

Я так думаю.

Я почти в этом уверена.

Хотя, когда дело касается Майры, ни в чем нельзя быть до конца уверенной.

– Скажи Эннио, – говорит она, – что он мой должник и я хочу, чтобы он вернул долг через тебя.

– А он мне поверит?

– Если назовешь одно имя, то поверит.

– Что за имя? – уточняю я.

– Аша, – отвечает Майра.

Я хочу спросить, кто такая Аша, но потом решаю, что лучше мне этого не знать.

– Спасибо, – благодарю я и задаю следующий вопрос: – Ты знаешь, зачем мне нужен воздух?

– Да, знаю.

Конечно знает. Она же не дура. Майра догадалась, что я хочу сделать. Но она понятия не имеет, как именно я собираюсь это сделать.

– А есть какой-нибудь способ лучше? Ведь если мой голос достаточно сильный, я могла бы просто приказать членам Совета, чтобы они посадили меня на транспорт и отправили Наверх?

– Совет никогда не предавал это огласке, – говорит Майра, – но транспорт контролируется людьми из мира Наверху, он остается у них и погружается Вниз только с определенной целью.

– Тогда какой способ самый лучший?

Голос Майры слабеет, я едва ее слышу. Любая сила имеет свои пределы, и моя тетя начинает уставать.

Это может показаться странным, но подводные мины кажутся мне менее опасными, чем люди. Они сделаны с определенной целью, и они выполняют свою роль. Мины – не живые существа. С ними все просто и понятно, не то что с мамой, Майрой или Бэй.

Мне есть о чем еще спросить Майру. Например, кто убил мою маму и не она ли сама это сделала.

Но что-то меня останавливает. Возможно, я не хочу услышать правду. А может, боюсь обнаружить, что тетя меня обманывает. Или вдруг она обидится и вообще перестанет отвечать на мои вопросы, а мне еще очень многое надо узнать.

– Пожалуй, все, – помолчав, говорю я.

Это не вопрос, и поэтому Майра не отвечает. Раковина молчит, я слышу только извечный шум океана.

Я кладу на место раковину Майры и беру раковину Бэй. Я хорошо понимаю, что тетя передавала мне голос, который был сохранен когда-то давно, но сейчас мне так легко представить, что Бэй где-то совсем рядом поет для меня и скучает по мне.

Я шепчу в раковину вопрос для Бэй:

– Почему ты ушла?

Но сестра не отвечает. Она просто продолжает петь.

Я ложусь на спину, закрываю глаза и пытаюсь представить, на что способна Майра. Как и все сирены, она способна убеждать, но еще моя тетя отлично умеет подражать чужим голосам, может задавать вопросы людям из прошлого, которые ждут возможности на них ответить, и ухитряется помещать сказанные кем-то слова в маленький мир морской раковины.

А ведь та женщина из далекого прошлого права.

Быть сиреной действительно и прекрасно, и страшно одновременно.

Глава 11

– Я тут кое-что для тебя придумал, – говорит Тру. – Правда, пока еще не совсем готово, но, по-моему, получилось неплохо.

Он снова прикатил свою тележку к самым дорожкам и теперь снимает с нижней полки ведро.

– Благодаря тебе люди заинтересовались искусственными рыбками, – поясняет он. – Вот я и подумал, что надо извлечь из этого максимальную выгоду, и прикатил сюда тележку. Уже семь штук продал. Скоро мы выкупим обратно кольцо твоей мамы.

Тру рывком поднимает ведро на самый верх тележки.

– Жаль, что не удалось толком поговорить с родными Фэна. Я пытался, но они все еще очень подавлены и, кажется, правда ничего не знают. А Калев уже рассказал мне все, что мог.

– А я поговорила с тетей, но тоже пока не смогла ничего разузнать.

– Ничего, мы не отступим, – говорит Тру. – И обязательно все узнаем. Так вот, смотри, что я придумал. – И с этими словами он опускает руку в ведро и достает какую-то длинную извивающуюся штуку серебристого цвета.

– Ты что, сделал механического угря?

Тру кивает:

– Вдохновился после твоего заплыва.

– По-твоему, я похожа на угря?

– Ага. – Тру улыбается. – Это комплимент.

Он заводит угря и бросает его в воду. Угорь, извиваясь, плывет вдоль дорожки. Это смотрится очень красиво. Тру прав: если мой стиль плавания хоть отдаленно напоминает плавание угря, то он сделал мне комплимент.

Угорь утыкается в стену, разворачивается и плывет обратно.

– Дотронься до него, – предлагает Тру, когда угорь подплывает ближе.

Я дотрагиваюсь и вздрагиваю от слабого удара током.

– Ты уже осуществил мою задумку? – удивляюсь я. – Так быстро?

– Не мог ночью заснуть, вот и решил поработать, – поясняет мой собеседник. – Я их сделал пять штук. У этого заряд нормальный, остальных я не успел как следует протестировать, так что не уверен в их безопасности. Мне нужно время, чтобы все проверить.

Да вот только времени-то у нас как раз и нет. Вокруг начинают собираться люди, они ждут, что сегодня я

продемонстрирую им больше, чем в прошлый раз. Мы запустили маховик интереса и должны этим воспользоваться.

– Эй! – окликает нас один из зрителей. – Вчера были рыбки. А что сегодня?

– Сегодня их будет больше, – отвечает Тру.

Кто-то неодобрительно свистит. Кто-то кричит:

– Рыбок мы уже видели!

Мне очень нужна эта работа. Я еще не готова довериться Майре настолько, чтобы согласиться уйти вместе с ней.

И я прошу Тру:

– Можно, я выступлю с угрями прямо сейчас? Уверена, что это не опасно.

– Я тоже так думаю, – отвечает Тру, – но я должен в этом убедиться. Давай лучше отложим до завтра.

Я поворачиваюсь к Тру спиной и, забравшись на стартовую тумбу, поднимаю мокрого угря над головой.

– Вот, смотрите! – Я обращаюсь к толпе настолько громко, насколько могу себе позволить, чтобы не потерять контроль над голосом. – С этим я буду плавать сегодня.

– И что эти штуки делают? – спрашивает один из игроков и подходит ближе.

Я бросаю угря в воду. Угорь плывет.

– Похоже на рыбку, – разочарованно заявляет игрок. – Я-то думал...

Меня это бесит. Потому что даже без электрических разрядов, даже если не использовать его в шоу, изобретение Тру прекрасно само по себе. Да люди в очередь должны выстраиваться, чтобы приобрести такие уникальные изделия.

И тогда я предлагаю этому типу:

– А ты попробуй дотронься.

Он дотрагивается до угря и сразу отскакивает. Он удивлен, а я улыбаюсь:

– Видишь, это не просто рыбка. Расскажешь остальным?

– Ладно, расскажу, – неохотно соглашается игрок. – Но еще вопрос, ощущается ли это через твой гидрокостюм?

Я спускаюсь в воду и прикасаюсь локтем к угрю. Слабый толчок есть, но материал сводит силу разряда почти к нулю.

– Не особенно, – признаю я.

Если бы я только могла, я бы усилила разряд. Я лихорадочно думаю. Чтобы добраться до поверхности, мне нужен целый гидрокостюм. Ничего, возьму запасной – костюм Бэй.

– У тебя, случайно, нет с собой ножа? – спрашиваю я.

– У меня нет, но мы же на рынке, – отвечает игрок. – Уверен, у кого-нибудь здесь ножик точно найдется.

Он отходит к толпе и почти сразу возвращается. Тру даже не успевает закончить свой спич о том, как все это может быть опасно.

Я беру у игрока нож и ухожу в одну из кабинок для переодевания. Там я снимаю костюм и отрезаю рукава и штанины, а потом надеваю его снова и выхожу в таком виде. Игрок с улыбкой принимает у меня нож.

– Да, так будет лучше, – говорит он. – А правда, что ты дочь Верховного Жреца?

– Верховной Жрицы, – поправляю его я. – Я дочь покойной Океании, а Невио мне никто.

Игрок радостно смеется:

– Ну так это еще лучше. Так даже интереснее.

Он возвращается к остальным и что-то им говорит, оживленно жестикулируя.

Не очень понятно, что этот тип имел в виду. С какой стати он решил, что людям будет интересно смотреть, как дочь Океании рискует пораниться?

Тру все это решительно не нравится.

– По-моему, ты не дело придумала, – понизив голос, говорит он мне. – Мое изобретение пока еще находится в стадии разработки.

– Зрители уйдут, если я не предложу им что-нибудь новенькое, – отвечаю я. – Мне надо сегодня произвести на них впечатление.

– Рио, дай мне всего один день.

– Мы покажем им это сейчас, иначе они про меня забудут. Ты не поверишь, как быстро люди способны забыть о чем-либо существовании.

Зрители начинают подниматься на трибуны. Пора начинать.

Я беру с тележки ведро с рыбками и угрями. Тру тоже хватает ведро, его рука оказывается поверх моей. У него крепкая хватка, и он не улыбается.

– Извини, – говорит он, – но угри еще не готовы.

– Тру, пожалуйста, – прошу я.

Я не могу выразить словами всего, что чувствую в этот момент, но Тру, почти как и я, делает глубокий вдох. Он крепко сжимает мои пальцы, и я успеваю заметить у него на руке небольшие ожоги: наверное, получил их, когда мастерил угрей и рыбок сегодня. Он вообще когда-нибудь спит?

А потом Тру отпускает ведро. Мы не произносим ни слова, но мне жаль, что я не могу поблагодарить его своим настоящим голосом. Я начинаю заводить рыбок и угрей и бросаю их обратно в воду.

Они великолепны. Тру отлично справился с работой, наблюдать за ними – одно удовольствие.

Тру складывает руки на груди. Он не поднимается на трибуны и остается стоять у края дорожки. Я оглядываюсь, и мы встречаемся взглядами. Он пытается понять меня, но у него никогда это не получится, потому что я скрываю слишком многое.

Я поднимаюсь на платформу и тут замечаю, что Альдо все еще среди игроков, занят сбором денег. Он совсем забыл, что должен объявить мое выступление. Меня охватывает паника. Придется сделать это самой. Мне следовало бы попросить того игрока остаться и объявить меня. Если я сделаю это сама, мой бесцветный, занудный голос отобьет у зрителей всякий интерес.

Тру становится рядом со мной на платформе. Я начинаю подозревать, что он передумал и собирается остановить меня, но он вместо этого поднимает руки, и толпа зрителей затихает.

И Тру объявляет:

– Рио Конуи, пловец, готовый на риск.

Все правильно. Это может сработать.

Тру рассказывает зрителям об угрях, его лицо оживляется, голос звучит громко и отчетливо. Мне нравится наблюдать за ним со стороны, смотреть, как двигаются его губы и горят глаза.

Тру объявляет заплыв так, что он может показаться более опасным, чем на самом деле. Он рассказывает об угрях, о том, как они будут прожигать мою кожу, если я прикоснусь к ним, и подчеркивает, что я почувствую удар током даже через гидрокостюм. Он объясняет зрителям, что рыбки не заряжены, но все равно, если задеть их, будет очень больно. Потом предлагает игрокам делать ставки на количество столкновений с рыбками и угрями и на скорость, которую я смогу показать. На трибунах оживление, люди делают ставки.

– Итак, Рио Конуи! – повторяет под конец Тру.

Он выкрикивает мое имя и приглашает всех посмотреть на меня.

Я поднимаю руки над головой – непривычный для меня жест, но он сейчас к месту. Слышны редкие хлопки, кто-то ободряюще свистит, я почти улыбаюсь. Как же легко выступать на публике, когда не надо ничего говорить.

И вот в этот момент душевного подъема я вдруг чувствую, как в мое сердце заползает отчаяние.

«Ничего у тебя не получится, – шепчет мне внутренний голос. – Настоящие мины – это тебе не металлические рыбки. Думаешь, баллон сжатого воздуха спасет тебя? Да ничего подобного! Ты погибнешь, Рио Конуи. Ты изображаешь пловца,

готового на риск, чтобы привлечь толпы зрителей. Ты возомнила, будто сможешь самостоятельно подняться на поверхность. Но кого ты сможешь обмануть? Только саму себя. Ты никогда не выберешься Наверх!»

Зрители продолжают свистеть и хлопать. Альдо, вооружившись секундомером, поднимает красный флажок – это знак приготовиться к старту.

– Будь осторожна, – просит Тру.

«Я – последняя, – думаю я. – Последняя сирена».

Альдо резко опускает флажок.

Я прыгаю с тумбы и плыву.

Я – последняя, но это не значит, что я не могу стать первой. Первой сиреной, поднявшейся Наверх.

В этом нет никакой логики, но мне она и не нужна. Я вижу черную линию и плыву. Я увижу черную воду и выплыву.

Меня задевают всего три рыбки, но угри более юркие, и я зарабатываю несколько ожогов: на руках, ногах и лице. Подтянувшись, я выбираюсь на бортик и, вся мокрая, встаю рядом с Тру.

– Могло быть гораздо хуже, – говорит он.

Видно, что Тру обеспокоен, но в то же время я замечаю, как на его лице мелькает уже знакомое мне выражение. Точно так же он смотрел на меня, когда сказал, что я прекрасна.

Зрителям понравилось мое выступление. Они громко свистят, хлопают и спускаются ко мне с трибун.

Я слышу, как они громко о чем-то спрашивают, особенно те, кто делал ставки, ведь теперь у них появился новый вид развлечений: Рио Конуи против Рио Конуи.

Я уже готова поблагодарить зрителей, но вовремя вспоминаю, что мой голос может разрушить заклинание.

– Скажи им, что я не разговариваю до и после выступления, – шепотом прошу я Тру. – Скажи, что у меня такое правило. Так будет лучше. Ты же сам все понимаешь. И не забудь добавить, что в следующий раз будет больше угрей, а я поплыву быстрее. Пусть увеличивают ставки.

У Тру на лице мелькает странное выражение: оно становится почти печальным. Но он кивает и поворачивается к толпе, а я с гордо поднятой головой направляюсь в раздевалку. Там я стою и прислушиваюсь к тому, что происходит снаружи. Просто не верится, что вся эта суматоха поднялась из-за меня.

После того как все расходятся, я говорю Тру:

– Зрителям это со временем прискучит. – Слова мамы о том,

что люди любят зрелища, не идут у меня из головы. – Пока этого не произошло, я должна сделать что-то более впечатляющее. Устроить этаким грандиозный финальный заплыв, заработать кучу денег и поставить на этом точку.

– Ты придумала что-то конкретное? – интересуется Тру.

– Пока нет.

Рыбки должны быть готовы к следующему заплыву, поэтому мы с Тру вытираем их, смазываем маслом и заворачиваем в мягкую ткань. Мы как будто младенцев пеленаем, и эта мысль вызывает у меня улыбку. Тру прикасается у моей руке, чтобы я отвлеклась на секунду, и спрашивает:

– На какой риск ты готова пойти?

Он осторожно поворачивает мою руку, так что становится заметен небольшой красный ожог у меня на ладони. Я его получила, когда один из угрей подплыл слишком близко к лицу и мне пришлось оттолкнуть его от себя. Я точно помню, когда это случилось, а вот моменты, когда заработала другие ожоги, – нет.

– Не знаю, – отвечаю я Тру.

Глава 12

Меня повысили. На следующее утро после заплыва Джосайя встречает меня по пути на работу и сообщает:

– Сегодня мы переводим тебя в «Комнату океана».

– Поздравляю, – говорит Элинор, когда я останавливаюсь возле нашего стола, чтобы попрощаться.

Работает она быстро и споро, и мне непонятно, почему ее до сих пор держат в «Комнате неба».

– Мне здесь нравится, – поясняет Элинор; наверное, догадалась по моему лицу, о чем я думаю, или ее уже не раз об этом спрашивали. – Я сама попросила, чтобы меня здесь оставили. «Комната океана» – это для меня слишком.

Кажется, я понимаю, что она имеет в виду. Я наблюдала за соседями через окно, разделяющее наши помещения, и заметила, что обстановка там весьма напряженная. В «Комнате океана» рабочие соперничают друг с другом, у нас такого нет. Может, все дело в том, что у них там через окно в портальной двери можно увидеть, как поблескивает вода. Думаю, океан способен вселять в людей тревогу. Видеть Атлантию такой, какой мы ее создали, это отнюдь не то же самое, что видеть наш город изнутри.

Я занимаю свое рабочее место и слышу вокруг глубокое и ровное дыхание Атлантии.

Внезапно мне кажется, что откуда-то издалека до меня долетает чей-то крик, но, когда я пытаюсь прислушаться и вычленить этот звук из окружающего шума, он исчезает.

«Показалось, – говорю я себе. – Ты просто вспомнила о голосах, про которые тебе рассказывала Майра».

Бьен наблюдает за мной из-за своего стола, взгляд у нее внимательный и недобрый. Я опускаю глаза. Так ненароком можно и выдать себя. Надо соблюдать осторожность.

Утро проходит незаметно. Джосайя показывает мне кадры с изображением самых сложных повреждений дронов, которые устраняют в «Комнате океана». По чертежам легче понять, как и что ремонтировать. Руки у меня привычны к такого рода работе; когда я опускаю щиток и берусь за дело, ко мне возвращается уверенность в своих силах.

Все, за исключением Бьен, довольно дружелюбны: это выражается в том, что окружающие сосредоточены на своей работе и не обращают на меня никакого внимания. Повреждения дронов очень «красочные» – шрамы пепельных оттенков, провода торчат из корпусов, как кишки из вспоротых животов, – у меня

желудок сводит при мысли о том, во что мины могут превратить человека. Ничего, внушаю я себе, со мной такого не случится, уж я об этом позабочусь.

Жаль, что я не могу показать дроны Тру. Они бы ему понравились.

После работы наша команда идет к ближайшему пруду желаний, и все бросают за меня по монетке. Элинон тоже приходит. И Бьен. Сослуживцы нормально ко мне относятся, но они меня почти не знают, а я не очень разговорчива, так что после ухода Элинон остаюсь одна: сижу на бортике пруда и смотрю в воду на блестящие монеты. Их там много. Я вдруг чувствую, что растрогалась – люди потратили свои монеты на меня. Конечно, они могли загадать желание для себя, так же как я сделала с Бьен, но я ничего против этого не имею.

Пересчитываю монеты, получается пятьдесят три, и мне становится интересно, можно ли их оттуда достать. Это, естественно, незаконно. Деньги из пруда предназначаются людям из верхнего мира. Я оглядываюсь вокруг. Площадь практически пуста, только иногда пройдет какой-нибудь рабочий или страж порядка.

Внезапно я обнаруживаю, что, кроме меня, тут есть кто-то еще. Рядом со мной на бортике пруда сидит Майра. Она достает что-то из кармана, но я не могу разглядеть что именно.

– Я думала, ты в тюрьме, – говорю я.

– Совету нужно, чтобы я кое-что для них сделала, – сухо отвечает Майра. – Меня выпустили.

Она без сопровождающих, поблизости не видно ни стражей порядка, ни членов Совета. Если мою тетю выпустили даже после инцидента в шлюзах, значит власть имущие ей доверяют либо она им очень нужна.

– Чего они от тебя хотят? – спрашиваю я.

Майра улыбается:

– Не желаешь приберечь эти вопросы для раковины?

– Нет.

– Это хорошо, – говорит Майра. – Некоторые вещи лучше обсудить при личной встрече. – Она протягивает мне руку, у нее на ладони монета. – Возьми. Загадай для себя желание.

– Нет. Спасибо, – отказываюсь я.

Майра пожимает плечами и бросает монету в воду.

Пятьдесят четыре.

Кто бы мог подумать, что Майра тоже загадывает желания. Мне казалось, что она никогда не верила ни во что, кроме своей

собственной силы.

– Я хочу больше узнать о сиренах, – говорю я. – Здесь безопасно о них спрашивать?

Майра даже не оглядывается по сторонам, чтобы убедиться в том, что рядом никого нет. Но она склоняет набок голову, и я понимаю, что она слушает.

– Да, – отвечает она. – Пока безопасно.

Я понижаю голос:

– Как получилось, что сперва люди любили сирен, а потом их возненавидели?

– Была еще промежуточная стадия отношений, – поясняет Майра. – Сиренам поклонялись.

– Что ты имеешь в виду? Как богам?

Майра улыбается:

– Нет. Я хочу сказать, что они и были богами.

– Не понимаю. Боги ведь существовали задолго до Великого Раздела.

– Люди поклонялись богам тысячи лет, – кивает Майра. – Так что они и впрямь существовали задолго до Великого Раздела. Но наши боги, те, которых ты видишь в храме, особенные: они вначале были всего лишь скульптурами. Их спасли от гибели в храмах Наверху и спустили сюда, а здесь они выполняли роль красивых декораций, не более того. Во времена Великого Раздела люди утратили веру в богов. Прошло много лет, прежде чем кто-то опять начал во что-то верить. – Майра опускает руку в воду и шевелит пальцами. – А потом появились сирены, и все изменилось.

– Почему?

– Видишь ли, Рио, их появлению не было ни научного, ни логического объяснения, и люди начали искать ответы за пределами разума. Находясь в храме, они поднимали головы, смотрели наверх и видели эти статуи, которые смотрели на них сверху вниз. И тогда люди задались вопросом: может, боги все-таки существуют, если они прислали в Атлантию сирен? Некоторые даже верили в то, что сирены и есть боги. В конце концов сирен объявили чудом. Вот так и возникла наша религия. Ты знаешь, что первой Верховной Жрицей была сирена?

– Нет, – отвечаю я. – Нам в школе об этом не рассказывали.

– Историю уже давным-давно переписали, – говорит Майра. – Даже большинство нынешних членов Совета толком не знают, что тогда происходило. Они, как и ты, как большинство людей, верят тому, о чем рассказывают в школе.

Так ли это на самом деле? Я вспоминаю голос, который сохранила Майра. Та давно умершая женщина пришла из мира

Наверху и видела первых детей-сирен. Единственным словом в ее рассказе, которое хотя бы отдаленно имело отношение к религии, было слово «чудо». Наверное, именно в эти времена и зародилась новая вера.

Кто еще об этом знает? Маме наверняка была известна правда. А Бэй? У меня не хватает решимости спросить об этом. Я не хочу знать, сколько еще всего родные держали от меня в тайне. Поэтому я задаю совсем другой вопрос:

– Значит, та самая первая Верховная Жрица и придумала нашу религию? А потом заставила всех остальных жителей Атлантии принять ее?

Это могло бы объяснить, почему люди вдруг возненавидели сирен.

Но Майра качает головой:

– Нет, нашу новую религию люди и сирены разрабатывали сообща. Они изучали древнюю историю, все, что касалось богов, а потом собрали это воедино и приспособили к нашей жизни в Атлантии. Ну а затем Совет сделал так, что и Наверху тоже стали верить по-новому.

– И теперь обитатели верхнего мира ненавидят за это сирен и людей, которые живут Внизу? – спрашиваю я. – За то, что мы навязали им свою веру?

– Нет, – отвечает Майра. – Сначала люди и Наверху, и Внизу были убеждены, что наша религия правильная и всему придает смысл. На самом деле они не считали, что сами сотворили свою религию и систему взглядов. Скорее, они верили в то, что к истине их привело чудо появления сирен. Но впоследствии учение это было извращено Советом верхнего мира и Советом нижнего мира: власть имущие начали использовать его в своих целях. Как я уже сказала, очень немногие в Атлантии знают правду. Теперь ты – одна из них.

– А какие у тебя есть доказательства?

– Голоса сирен. – Голос самой Майры звучит очень печально. – Это они мне рассказали. И я им верю.

– У тебя сохранился голос хоть одной из них, чтобы я тоже могла послушать? – спрашиваю я. – Как ту старую женщину?

Если бы я сама услышала все от сирен, то уже не сомневалась бы, что это правда.

– Нет, – вздыхает Майра. – Голоса сирен слишком сильные, чтобы их можно было сохранить. Я слышала их только раз, а потом они исчезли. Они очень долго ждали.

Значит, я не могу ничего услышать своими ушами. Очень удобно. Верю ли я Майре?

– Голоса сирен исчезли, – продолжает она, – но ты все еще

можешь услышать свидетельства других людей. Как тот голос, который я сохранила в раковине. Я поняла, что тебе будет полезно его послушать. Эти голоса тоже исчезли, но я сберегла столько, сколько смогла. Понимаешь, эти люди могут говорить только один раз. Но им есть что сказать. Скажи, Рио, а тебе самой еще не приходилось слышать голоса?

– Не совсем голоса. Скорее, крики. Я еще подумала, что это кричит Атлантия.

– Так и есть, – кивает тетя.

Я не уверена, что понимаю, о чем она, но мне очень надо узнать кое-что еще.

– Как ты это проделываешь? – спрашиваю я. – С раковинами?

– Говорю им о том, что мне нужно, – отвечает Майра. – Я велю им удерживать голоса, и они подчинятся.

Послушать Майру, так это плевое дело.

– А я так могу? – интересуюсь я. – Могу подчинять себе неодушевленные предметы?

Я готова к тому, что Майра в ответ посмеется надо мной. Жду, что она скажет, что я на такое не способна, что я недостаточно сильна и что мне не следует даже пробовать. Или заявит, что это опасно. Так бы сказала моя мама, которая вечно за меня волновалась.

Но Майра ничего такого не говорит.

– Главное, не бояться, – отвечает она. – Моя первая попытка сохранить голос провалилась, потому что я боялась.

– Неужели ты испугалась раковин?

– Не раковин, а того, что я просила их сделать, – поясняет Майра.

– Есть еще какие-нибудь правила?

– Сирены из прошлого говорили мне, что мы способны подчинять себе только те предметы, которые были созданы искусственно, – отвечает тетя. – Природные явления нам не подвластны. Воздух, ветер, вода, огонь – ты не можешь контролировать то, что существовало практически всегда.

– Зато мы можем подчинять себе людей, – говорю я.

– Тела людей, – поправляет меня Майра, – но не их души.

– Расскажи поподробнее, как манипулировать людьми.

– Когда ты приказываешь объекту, что ему делать, то должна находиться рядом с ним. – Майра говорит таким тоном, будто проводит инструктаж. – По крайней мере, в моем случае иначе не срабатывает. И со временем твои приказания будут терять силу. Мы с тобой не сможем общаться через эту раковину вечно.

Майра встает:

– Мне надо возвращаться, Рио.

– Подожди, – прошу я.

Я интересуюсь не ради любопытства, но понимаю, что эта информация очень для меня полезна: ее можно использовать во время заплывов.

– Ты говоришь, что можешь командовать разными предметами, не только людьми или раковинами. Так?

– Все верно, – кивает Майра.

– И фокус в том, чтобы не бояться.

– Это не фокус, Рио. Но бояться действительно не следует. – Майра плотно запахивает свою черную мантию. – Мне пора идти.

Она не оглядывается, а я не иду следом за тетей.

Я смотрю на воду в пруду и вижу, что монеты всплыли на поверхность. Если я захочу, могу запросто собрать их и сложить в сумку. Но ведь монеты не могут плавать, они тонут. Если только...

Моя тетя, должно быть, приказала им всплыть.

Я понимаю, что Майра рисковала, когда обучала меня всем этим премудростям. Сирен ведь учат только под надзором Совета, и она об этом знает. Но Майра делала это без свидетелей. Она доверилась мне. Я могу пойти к жрецам или рассказать обо всем Невио, Верховному Жрецу, могу сообщить членам Совета о том, на что Майра способна, и о том, что она мне рассказала.

У меня есть возможность сильно усложнить жизнь своей тете, и это она сама предоставила мне такую возможность.

Означает ли это, что Майра мне доверяет?

Этого я не знаю. Но в любом случае ее рассказ поможет мне добраться Наверх живой.

По дороге к остановке гондол я обдумываю свою новую идею и стараюсь не звенеть монетами, которые собрала с поверхности пруда желаний. Монеты оттягивают мне карман. Когда я прохожу мимо какой-то компании, мне кажется, что я слышу чей-то крик. Я резко оборачиваюсь и, неожиданно поскользнувшись, падаю. Острая боль от удара, как разряд тока, пронзает мои колени и ладони.

Женщина, оказавшаяся поблизости, подает мне руку и помогает встать.

– Спасибо, – благодарю я, выждав пару секунд, чтобы в моем голосе не прозвучала боль.

Я все еще в шоке от этого неожиданного падения. Мне следует быть осторожнее.

– Ты в порядке? – спрашивает кто-то.

– Да, – отвечаю я. – Не знаю, почему вдруг поскользнулась...

И тут я замечаю *это*.

Небольшую лужицу воды на земле. Мы все одновременно поднимаем головы, чтобы найти источник ее происхождения.

– Неужели течь? – спрашивает какой-то мужчина.

Сверху падает капля воды.

– Откуда капает? – интересуюсь я.

– Думаю, это от одной из заклепок рядом с пятым швом, – объясняет другой прохожий.

Я старательно вглядываюсь в швы на куполе металлического неба.

Сквозь толпу протискивается страж порядка.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Похоже на течь, – говорит женщина, которая помогла мне подняться. – Эта бедная девочка поскользнулась из-за накапавшей воды.

– Не волнуйтесь, – успокаивает нас страж порядка. – Мы сейчас же все устраним.

Раньше я слышала о маленьких протечках, но еще никогда ни одной не видела. Увеличивающаяся в размерах лужица приковывает мое внимание, у меня возникает странное желание опуститься на колени и потрогать, может быть, даже попробовать на вкус настоящую морскую воду, которая проникла к нам снаружи.

Облачаясь в плавательный костюм перед тренировочным заплывом, я не чувствую ничего, кроме необходимости сосредоточиться. Я должна проверить, работает ли это. Правда ли то, что рассказала мне Майра? И еще – достаточно ли у меня сил?

Оказавшись в воде, я сразу открываю рот и начинаю говорить.

Я использую свой настоящий голос, но под водой он звучит иначе. Рот, естественно, моментально заполняет вода, хотя я и стараюсь его почти не открывать. Не очень-то много можно сказать в таком положении, но мне надо произнести всего пару слов.

– Сюда, – говорю я.

Рыбки и угри сразу плывут ко мне.

– Прочь, – команду я, и они уплывают.

Вот здорово! У меня все-таки есть шанс выжить.

Рыбки и угри маленькие. Но если я могу контролировать их, то вполне логично предположить, что я смогу контролировать и подводные мины. А вот сумею ли я приказать дверям в морге открыться и впустить меня, когда придет время, замаскировавшись под труп, подняться через шлюзы в океан?

Впервые в жизни мне что-то дается легко. Я использую свой

голос, и все работает в точности, как я хочу. Интересно, а как насчет воды? Она усиливает мой голос? Делает его более могущественным? Я знаю еще совсем немного, однако сейчас это меня нисколько не расстраивает, а, наоборот, воодушевляет.

Я плаваю из конца в конец дорожки, довожу себя до полного изнеможения и тренируюсь, отдавая команды рыбкам.

Мы с Майрой не такие, как другие сирены.

Даже неодушевленные предметы подчиняются нашей воле.

Впервые в жизни я рада, что в чем-то похожа на свою тетю.

Вернувшись домой, я разглядываю монеты и рыбок и чувствую глубокое удовлетворение. Я еще не достигла своей цели. Но пока все складывается удачно.

И лишь одно огорчает меня. Когда я подношу к уху раковину Бэй, она молчит. Все ушло. Нет больше ни песен, ни дыхания, ни даже звуков океана. Вообще ничего.

Может, это следствие того, что я стала ближе к миру Наверху? Я не слышу сестренку, потому что скоро мы снова встретимся и сможем поговорить? Или же просто магия ослабла? Майра ведь говорила, что это не может продолжаться до бесконечности.

Сестра снова покинула меня.

Глава 13

Такое ощущение, что я единственный живой человек в Атлантии. На Нижнем рынке темно и тихо. На закрытых ставнях палаток – замки от воров. А потом я слышу какие-то странные звуки: будто кто-то прячется и тайком куда-то спешит. Я ускоряю шаг, смотрю прямо перед собой и стараюсь идти, расправив плечи и не забывая, что я высокая и сильная.

Без песен Бэй мне было тяжело заснуть, и я решила сделать то же, что делала она сама, когда ей не спалось.

Я решила сходить на ночные заплывы.

Добравшись до места, я поднимаюсь на трибуны. Освещение тусклое, и вода не кажется такой синей, как днем. У нее вообще нет цвета. Люди вполголоса заключают пари на большие суммы. Никто не смеется и не шутит. Ко мне подходит какой-то тип и спрашивает, сколько и на кого я хочу поставить. Я в ответ отрицательно качаю головой – у меня нет денег на это.

– Тогда что ты здесь делаешь? – спрашивает он.

– Пришла посмотреть, – говорю я.

В темноте мой невыразительный голос звучит по-иному. Он серый, как и освещение на рынке. С таким не поспоришь, к нему так просто не подступишься. Игрок что-то недовольно бормочет, но оставляет меня в покое.

Как часто сестра сюда приходила? У меня в кармане раковина Бэй, я взяла ее с собой, потому что мне так спокойнее, но я ее не достаю. В темноте на заполненных людьми трибунах хватит одного толчка, и я выроню раковину, она покатится вниз и разобьется о каменный пол.

При одной только мысли об этом мне делается дурно.

Может, голос Бэй еще вернется? Может, просто надо дать ему время?

И раковину Майры я тоже взяла с собой. Почему-то не смогла оставить ее дома. А еще у меня за спиной болтается кислородная маска. Я словно бы притворяюсь, что мой сегодняшний поход на рынок ничем не отличается от всех других. Как будто если я соблюдаю правило всегда носить с собой кислородную маску, то мне не грозят проблемы из-за нарушения правил: в Атлантии нельзя выходить на улицу после наступления комендантского часа.

Организатор заплывов не выкрикивает имена пловцов, вместо этого он поднимает над головой таблички, и кто-то светит на них фонариком, чтобы все могли видеть имя следующего участника. Никакого шума, все тихо и всерьез. Если стражи порядка решат

устроить рейд, то всех, кого поймают, отправят прямоком в тюрьму. Но я слышала, что некоторые члены Совета тоже любят приходить сюда и делать ставки, так что заплывы никогда не прикрывают надолго.

Мне грустно оттого, что Бэй бывала здесь без меня. Интересно, что она чувствовала все эти годы до смерти мамы, когда знала, что я вынашиваю план уйти Наверх? Я не хотела быть жестокой. Просто я понимала, что не смогу остаться Внизу. Ближе Бэй у меня никого не было, ведь она единственная знала о моем секрете. Но я никогда не думала о том, что эта тайна может отдалить ее от меня. Бэй всегда знала, что однажды мне придется оставить ее.

А я даже и не предполагала, что мне будет без нее так плохо. А если бы знала, то изменила бы свое решение? Трудно сказать.

Интересно, Бэй когда-нибудь участвовала в заплывах? Она всегда возвращалась домой замерзшая, но волосы у нее были сухие. Правда, сестра могла плавать в шапочке. Меня бьет дрожь, когда я представляю ее в этой ледяной воде.

В тусклом свете лица пловцов кажутся серыми. Чтобы не замерзнуть, они постоянно разминаются, а я наблюдаю за ними и понимаю, что и меня тоже в ближайшее время ждет нечто подобное.

Плыть в темноте в холодной воде – вот что мне предстоит, когда я попытаюсь сбежать. Даже если Наверху сияет солнце, его лучи дотянутся до меня очень не скоро.

Но я не хочу участвовать в ночных заплывах. Я слышала, что говорят об этих пловцах, и я вижу, как они плывут. Эти заплывы предназначены для людей, которые потеряли надежду. Им нужно что-нибудь исключительное, недостижимое. Эти люди несчастливы в Атлантии: может, их не отпускает прошлое и бедняги никак не могут что-то забыть. Или же они чувствуют, что с ними что-то не так, как будто они не принадлежат к этому месту.

Я их понимаю, и это меня пугает.

Жаль, что у меня нет знакомой сирены, которая успокоила бы меня, сказав, что все в порядке, что я принадлежу к этому миру Внизу и могу быть здесь счастлива.

Но та сирена, которую я знаю, не станет меня успокаивать.

Я прижимаю к уху вторую раковину и спрашиваю:

– Где ты живешь?

Сейчас уже поздно. Темно. Майра наверняка спит.

Но она отвечает.

Квартира Майры находится недалеко от Нижнего рынка.

Снаружи она ничем не примечательна – стандартная дверь в ряду других таких же. Небо здесь низкое, а дома узкие и не выше двух этажей. Похоже, в каждой квартире всего пара комнат – одна над другой. Фонари светят тускло, и мне приходится щуриться, чтобы разглядеть номер на двери.

Хотя мама умерла на пороге Майры, я никогда не знала, где та живет. Я предполагала, что тетя поселилась в квартале Совета вместе с другими сиренами. И представляла, как мама умирает там, на чистеньком пороге одного из их раскрашенных, словно леденцы, домов. Ступеньки возле квартиры Майры серые, как все остальное при таком освещении.

Теперь я ясно вижу всю картину. Тело мамы в морге; ее цепь с орденом на шее нового Верховного Жреца; ее кабинет, заполненный чужими книгами; а теперь еще и это – место, где она умерла.

Я вижу все это, однако у меня по-прежнему такое чувство, что я ничего не знаю.

Майра открывает еще до того, как я успеваю постучать. По контрасту с царящим снаружи полумраком кажется, что коридор за спиной тети просто залит светом, будто у нее дома солнце сияет.

– Заходи, – говорит она.

– Я думала, что ты живешь ближе к Совету.

– Предпочитаю жить здесь. Там они вечно всё подслушивают, а в этом районе Атлантии для них слишком шумно – много не услышишь.

– Удивительно, что тебе разрешили поселиться тут.

Нижний этаж отведен под кухню и ванную комнату, Майра проводит меня к лестнице, и мы поднимаемся наверх, на второй этаж. Там гостиная с диваном, на котором, как я предполагаю, хозяйка квартиры и спит. Шторы на окнах темные и плотные, идеальные для светомаскировки, я с улицы даже тоненького лучика не заметила. Район, прямо скажем, не ахти какой, да и квартирка у Майры маленькая, но зато, похоже, она живет здесь одна, а это, учитывая дефицит свободного пространства в городе, – настоящая роскошь.

– Ты же знаешь, какая я эгоистка. – Майра словно читает мои мысли. – Если меня о чем-то просят, я сразу начинаю торговаться. И уж своего не упущу. Эта квартира только часть того, что я выторговывала себе за все эти годы. Видишь ли, время от времени Совету нужны сирены, которые еще не превратились в пустышек-марионеток. Иногда им требуется кто-то, кто обладает реальной силой. Я делаю то, что они хотят, а они взамен разрешают мне жить там, где я хочу.

Майра жестом приглашает меня сесть в красное кресло с обивкой из чудесного плотного бархата.

Комната совсем не такая, как я ожидала. Я думала, здесь кругом полки с банками, в которых хранятся всякие магические штуки, и царит сплошной полумрак, а тут светло и просто идеальный порядок. Мне представлялось, что квартира Майры по атмосфере будет напоминать Нижний рынок, однако я ошибалась – у тети и мебель хорошо подобрана, и расставлено все со вкусом: два кресла, диван, стол, изящная ваза из зеленого стекла, книжный шкаф. На одной из его полок – банка с землей. Интересно, земля настоящая?

На столе между нами стоит большая золотая чаша, полная раковин самых разных цветов. Странно видеть такое их количество в одном месте.

– Откуда у тебя столько? – спрашиваю я.

– А откуда у коллекционера появляется коллекция? – вопросом на вопрос отвечает Майра. – Бывая на рынке, я всегда держала глаза открытыми. Как только замечала интересную раковину, сразу покупала. Я годами их собирала.

– Так вот, значит, как ты меня слышишь? – Я показываю на вазу с раковинами. – Берешь одну из них и слушаешь?

– Нет, – качает головой Майра, – все эти раковины пустые.

– То же самое ты сказала о сиренах, – замечаю я. – Ты назвала их пустышками.

– Да, – говорит Майра. – Члены Совета хотели, чтобы сирены стали такими, и за долгие годы отлично научились ломать их, прогибать под себя.

– Но что же произошло? – спрашиваю я. – Ты ведь рассказывала, что в былые времена сиренам поклонялись. Когда и почему их стали ненавидеть?

– Это ужасная история, – вздыхает моя тетя. – Ты уверена, что хочешь ее услышать?

Мне, конечно, интересно узнать, в чем там дело, но я не уверена, что и впрямь хочу, чтобы эту историю поведала мне Майра. Сидеть у нее в доме и смотреть тетушке в глаза, когда она говорит, – это совсем не то же самое, что слушать на расстоянии через раковину голос из далекого прошлого.

– А наша мама когда-нибудь приходила в эту комнату? – спрашиваю я.

– Не в день своей смерти, – говорит Майра.

Сейчас ей не обязательно отвечать мне откровенно, мы ведь говорим друг с другом напрямую. В какой-то миг мне даже хочется задать Майре вопрос через раковину и посмотреть, как та себя поведет. Но я чувствую, что это неправильно. Она ведь

не какая-нибудь марионетка. Да и я тоже. Майра подарила мне раковину, чтобы я могла связываться с ней на расстоянии, чтобы я продолжала учиться.

Но сейчас мы сидим в одной комнате.

Что ей известно? Меня не покидает чувство, что она чего-то недоговаривает о смерти мамы. И знает ли Майра о том, что Невио – сирениус? Я не испытываю к нему ничего, кроме отвращения, и все равно у меня такое странное ощущение, будто мы трое – Невио, Майра и я – как-то связаны друг с другом одной общей тайной.

При ярком освещении Майра выглядит старой и молодой одновременно, словно она всегда была и только что появилась. Свет играет на ее волосах, отражается в глазах. Она ждет, когда я решу – хочу или не хочу услышать историю о сиренах, ждет так, словно у нее в запасе целая вечность. И в то же время ее молчание и неподвижность подсказывают мне обратное, потому что в наступившей тишине я слышу дыхание Атлантии. А потом я вдруг слышу кое-что еще. Голоса.

Я задерживаю дыхание.

– Да, – кивает Майра. – Об этом я тебе и говорила у пруда желаний. Голоса повсюду. Ждут, когда их кто-нибудь услышит. За долгие годы я много всего слышала, но сейчас с этим покончено. Я услышала достаточно. Сейчас пришло мое время говорить.

– И мое время слушать. – Я стараюсь, чтобы голос звучал спокойно, но в сердце у меня горечь.

– Да, – отвечает Майра. – Только времени у тебя не так много, Рио. Совсем мало.

Она собирается рассказать мне эту историю, а я собираюсь ее послушать. Казалось бы, ничего такого. Но мне почему-то страшно. А как же наша мама? Наверняка ей тоже было страшно, когда она вошла в шлюзовую камеру, чтобы пройти испытание на звание Верховной Жрицы, а там ее ждала сестра.

– Через несколько поколений, – начинает свой рассказ Майра, – некоторые сирены начали использовать свою силу, чтобы манипулировать людьми. И контролировать друг друга.

Она говорит просто, ничего не приукрашивает, голос у нее мягкий, в нем не чувствуется ни нажима, ни угрозы. В нем нет злости или осуждения. Она просто рассказывает мне все как было.

– Когда это произошло, большинство сирен пришли к любовному соглашению, решив, что они больше не могут возглавлять Атлантию. Они не хотели, чтобы у Верховной Жрицы или у Верховного Жреца было слишком много возможностей

использовать свой дар убеждения в неблагоприятных целях.

А потом, спустя несколько лет, в храме произошло нечто из ряда вон выходящее. Две сирены поспорили прямо перед проповедью Верховного Жреца.

Одна встала и закричала, а вторая запела.

Та, которая пела, настаивала на том, что должна рассказать людям правду о нашем мире. Та, что кричала, уверяла ее, что люди не готовы это услышать и правда уничтожит их.

Дальше никто не мог разобрать ни слова: только отдельные звуки, и звуки эти были ужасными.

Настолько ужасными, что в тот день в храме умерло несколько прихожан.

Несчастные падали на пол, из ушей их текла кровь, а в зрачках застыл ужас.

Они умерли под статуями богов на глазах у всего прихода, и после того как они упали, те две сирены прекратили кричать и петь. Одна из них опустилась на колени над упавшими и молила их вернуться к жизни, но это, конечно, не сработало. Даже сирена не в силах приказать такое. Наконец в храм прибыли стражи порядка, они увели сирен, а потом забрали тела умерших. Никто не мог поверить в то, что такой кошмар случился в храме, там, где любой должен чувствовать себя в безопасности.

После этого страшного дня Совет постановил, что сирены переходят в его подчинение и под его защиту. Сирены пребывали в таком смятении после трагедии в храме, что согласились. Они решили, что так будет лучше для всех.

Когда Майра заканчивает свой рассказ, Атлантия затихает. Майра закрывает глаза.

– Так началась долгая пора приручения и падения сирен, – говорит она.

– А те две сирены? – спрашиваю я. – Что с ними стало?

– Одна согласилась подчиниться новым правилам, – отвечает тетя. – А вторая покончила с собой.

– Как именно?

– Утопилась в пруду желаний. В том самом, возле которого я недавно тебя встретила. Она заковала руки и ноги в цепи и бросилась в воду. Специально проделала это ночью, чтобы никто не смог ее спасти. Голос этой сирены был первым из тех, что я слышала. Его больше нет. Ее больше нет.

Я об этом ничего не знала. Мысленно представляю себе, как та сирена затаилась на дне пруда: в волосах водоросли, вся посинела за эти годы, а там, где когда-то были глаза, – две монеты. Жуть какая, меня даже передергивает.

– Мама очень любила тебя, – вздыхает Майра. – Но эта

любовь вселила в ее душу страх. Нельзя позволять, чтобы любовь несла страх.

Как она может такое говорить? Как она могла оставить маму на пороге в тот день? Если бы моя сестра умирала, я бы перенесла ее в дом, подальше от любопытных глаз. Я бы использовала свой настоящий голос, чтобы вернуть ее к жизни. Пусть это и не работает, но я бы все равно попыталась.

Я встаю, пора уходить. Майра провожает меня вниз и по пути выключает свет в доме.

– Ты ведь поняла, кем они были, да? – спрашивает тетя, когда я открываю входную дверь. – Те две сирены в храме?

Она права. Я обо всем догадалась. Я не знаю их имен, и Майра не сказала об этом прямо, но я услышала это в ее голосе.

– Они были родными сестрами, – говорю я.

– Да. Но больше никто об этом не знает. Только я и ты. До этого в одной семье никогда не рождались две сирены. И после этого тоже.

Пока не появились мы с Майрой.

Так что это не единственный случай в истории.

Глава 14

От дома Майры до центрального района Атлантии я добираюсь уже почти под утро. Скоро станет светло, мне надо поторопиться. Возле храмовых деревьев я приседаю на корточки и аккуратно собираю упавшие металлические листья в свою сумку с кислородной маской. Я слышу какой-то шорох и сначала пугаюсь, но потом понимаю, что звук идет откуда-то сверху.

Это, наверное, одна из летучих мышей, что живут при храме.

И точно, она устроилась в кроне дерева у меня над головой.

– Теперь можешь сбивать, сколько хочешь, – с улыбкой говорю я.

Летучая мышь, словно услышав меня, перемещается на ветке, и очередной серебряный лист падает на землю. Его я тоже подбираю.

Наше искусственное небо постепенно начинает светлеть.

Я слышу, как летучая мышь взлетает с ветки, и поднимаю голову в надежде хоть краем глаза ее увидеть, но успеваю заметить только мелькнувшую в воздухе тень. Как раз в такое время Бэй забиралась в кровать, чтобы поспать часок-другой, перед тем как мы наденем свои мантии и приступим к повседневной работе в храме.

Я встаю и закидываю сумку на плечо. Листьев я собрала много, сумка получилась тяжелая. Надеюсь, никто не станет особо приглядываться.

История о двух сиренах натолкнула меня на мысль, и теперь мне надо переговорить с Тру. В городе есть несколько больших стоянок гондол, при которых имеются свои эллинги. Но я видела искусство Тру и думаю, что он один из лучших механиков в Атлантии. Отталкиваясь от этого, я рискую предположить, что Тру работает на самой крупной в городе станции, неподалеку от квартала Совета. Туда я и отправляюсь. Надеюсь, его смена еще не закончилась.

Рабочие расходятся со станции. Они смеются и переговариваются, а я напряженно прислушиваюсь, пытаюсь уловить голос Тру. И к огромному своему облегчению, вскоре слышу его.

Придется идти за Тру, пока он не отделится от толпы и не отправится своей дорогой. Его товарищи не должны меня видеть: им наверняка станет интересно, что я делаю в городе в такой ранний час, когда на улице разрешено быть только тем, кто возвращается с работы.

К счастью, вскоре Тру прощается с компанией и дальше идет

один. Небо светлеет прямо на глазах. Мне надо собраться с мыслями и выровнять звук своего голоса, поэтому я еще какое-то время просто следую за Тру.

Я вижу, как у него напрягается спина. Он чувствует, что за ним кто-то идет, хотя я его еще не окликнула. Неужели я становлюсь как Майра? Шпионю, выжидаю, прячусь.

– Тру, – говорю я, и он оборачивается.

– Рио! – (Я слышу в его голосе облегчение и тревогу одновременно.) – Что-то случилось?

– Нет, ничего. Просто у меня появилась одна идея, – отвечаю я. – Мы можем поговорить?

– Конечно. Пойдем.

Тру проводит меня коротким путем обратно к эллингу, там набирает код на цифровом замке, впускает меня внутрь и закрывает за нами дверь.

Эллинг хорошо освещен. Я, прищурившись, разглядываю Тру. Под ногтями у парня черная грязь, от него пахнет машинным маслом, и все равно, когда на него смотришь, возникает ощущение чистоты. И мне в голову приходит мысль: «Именно для того, чтобы сберечь таких, как он, и задумывалась Атлантия».

– Ну, что за идея? – говорит Тру. – Я могу как-то помочь?

– Я тут подумала – ты сможешь сделать замки?

– Замки? – переспрашивает он. – Для дверей?

– Для меня. Хочу на старте заплыва заковать руки и ноги в цепи.

– Я не понимаю, – отвечает Тру.

– Помнишь, я сказала, что хочу устроить действительно грандиозное представление, заработать сразу много денег и на этом покончить с заплывами? – Я жду, когда мой собеседник кивнет. – Представь: я в одном конце дорожки, руки и ноги у меня закованы в цепи, а с противоположного конца мне навстречу плывут угри и рыбки. Причем зрители в курсе, что эти штуковины бьют током. И еще они знают, что я не смогу даже пошевелиться, пока не освобожусь от цепей.

Может ли Тру представить такое? Лично я могу.

Путь в центр города был неблизкий, так что я успела обдумать все, что узнала в доме тети, там, где умерла наша мама. И я решила, что хочу уйти на поверхность, как мама, не прибегая к помощи Майры.

С этого момента моя цель – шлюзы. Я должна пройти через них живой. Я не буду слушать голоса из прошлого. И Майру тоже. Я ей не доверяю.

Когда все будет готово, я предстану в образе Океании, живой вопреки всему. Надену мантию, похожую на мамину, закую себя

в цепи – символ смерти. Жалящие током, извивающиеся рыбки будут символизировать Невио и ему подобных. А я, в образе Океании, избавлюсь от цепей и прорвусь сквозь них на волю. Я выплыву на поверхность и снова смогу дышать.

– Такое зрелище соберет толпы людей, – объясняю я. – И многие из них захотят делать ставки. Мы можем развесить объявления. Альдо всем расскажет. Чем быстрее ты сделаешь замки, тем быстрее мы сможем все устроить. Например, на следующей неделе.

Но Тру качает головой:

– Слишком опасно. Если ты не успеешь вовремя избавиться от замков или заденешь слишком много рыб и угрей, у тебя может случиться шок, и ты утонешь. Рио, ты понимаешь, насколько велик риск погибнуть?

– В этом вся суть, – говорю я. – Люди хотят увидеть что-то по-настоящему рискованное.

– Тогда пусть ходят на ночные заплывы. И не понимаю, куда ты торопишься. Зрители еще не потеряли к тебе интерес. Пока им очень даже нравится то, что мы делаем.

Тру, конечно же, прав. К тому же чем дольше я зарабатываю на заплывах, тем больше я тренируюсь.

Вот только я не знаю, как долго еще смогу здесь продержаться. Сколько времени я смогу прожить в Атлантии и не заговорить своим настоящим голосом? Это становится невероятно трудно: с каждым днем я все сильнее скучаю по сестре и все больше узнаю о своей силе и о сиренах из прошлого. Когда я по вечерам слушала в раковине пение Бэй, это давало мне силы сдерживать себя, но теперь ее голос исчез.

– Не думаю, что могу ждать. – Это все, что я говорю Тру.

Но кажется, он, как всегда, понимает, что за моими словами стоит нечто большее. Похоже, он обо всем догадался.

Хотя я даже не представляю, каким образом.

– Ладно, но как ты собираешься избавиться от замков? – спрашивает Тру.

– Это самая трудная часть, – отвечаю я. – Нам надо, чтобы у зрителей возникло ощущение, что они стали свидетелями чуда. Но чтобы люди при этом ни в коем случае не думали, будто их провели: знаешь, когда фокусник иной раз объясняет, как он все устроил. Мы так делать не будем. И еще, вероятно, нам придется позволить кому-то со стороны закрыть на мне замки, дабы продемонстрировать, что все по-честному. Можно выбрать Альдо. Или кого-то, кому доверяют игроки.

Тру кивает. Теперь он смотрит на меня с неподдельным интересом. Но что его заинтересовало: сложная техническая

проблема или я сама?

«Это не важно. Нет, Рио, не обманывай себя: это очень даже важно».

– А теперь посмотри, что у меня есть, – говорю я и открываю сумку. – Вон сколько листьев. Все металлические. Сгодятся на что-нибудь. Если не для замков, то для твоих рыбок. – Я снимаю с полки с инструментами пустое ведро и высыпаю в него листья. – Это тебе.

Глаза Тру округляются, и он изумленно спрашивает:

– Где ты их взяла?

Я заливаюсь краской. Неужели Тру подумал, что я воровка? Хотя, наверное, так оно и есть.

– Эти листья осыпались с деревьев возле храма, – говорю я.

По какой-то непонятной мне причине этот ответ полностью удовлетворяет Тру.

– Я тебе помогу, – заявляет он, – но ты должна пообещать, что ничего не станешь предпринимать, пока мы не убедимся: это на сто процентов безопасно. Не вздумай поступить так же, как с угрями: просто взять и прыгнуть в воду.

– Обещаю. Подожду, пока ты не скажешь, что все готово.

Я прекрасно знаю, что не сдержу свое слово, но иного выхода у меня просто нет. Я уже и прежде обманывала Тру.

Он улыбается.

– Хорошо. А теперь скажи, как ты воспользуешься ключом, чтобы это не было похоже на фокус? – Его лицо озаряет догадка. – Может, сделать так, чтобы одна из рыбок передала его тебе?

Мне нравится эта идея.

– Отлично, – киваю я. – Я задержу дыхание, избавлюсь от замков и поплыву.

– Замки – это только начало, – говорит Тру. – Ведь потом тебе еще предстоит проплыть до конца дорожки через стаю этих металлических шутовин, которые бьют током.

– Я уже неплохо их обхожу, и с каждым разом у меня получается все лучше.

Тру не в курсе, что я умею передвигать рыбок и угрей. И смогу приказать любой рыбке принести мне ключ прямо в руки.

– Я сумею это сделать, – заявляю я.

– Никто и не сомневался, – отвечает Тру.

– Так ты мне поможешь?

– Конечно.

– Спасибо, Тру. – Я чувствую облегчение, и на меня сразу наваливается усталость. – Мы заработаем столько денег, что и мне хватит, и ты себе палатку на рынке купишь. Все будет просто замечательно, вот увидишь.

Тру кивает.

– Тогда я приступаю к работе, – говорит он. – Прямо сейчас.

– Спасибо, – снова благодарю я.

Я бы хотела остаться и помочь, но мне надо идти на работу в шахтные отсеки.

Когда я подхожу к двери, Тру окликает меня:

– Рио.

Я оборачиваюсь.

– А давай купим готовые замки, а потом просто их усовершенствуем, – предлагает он. – Заодно и время сэкономим.

Я отрицательно качаю головой:

– Нет. Эти замки должен сделать именно ты.

– Но почему?

– Потому что я тебе доверяю, – говорю я. – Если их сделаешь ты, я буду уверена, что у меня все получится.

Меня пугают в этой жизни многие вещи, но вот насчет замков я совершенно не беспокоюсь. Я знаю, что Тру настоящий мастер, он конструирует отличные вещи, и я уверена: его замки сделают все, о чем я их попрошу. Я доверяю Тру и своему голосу.

Спустя несколько дней Тру приносит готовые замки и ключи. Мы составляем график дополнительных тренировок и платим Альдо сверх установленного тарифа, оговорив, чтобы ни на трибунах, ни на дорожках в это время никого не было.

Раковина Бэй по-прежнему молчит. Майру я больше ни о чем не спрашиваю, а она и не пытается со мной встретиться. Наверняка у тети полно собственных дел, ну а я иду к своей цели: тренируюсь, накапливаю силы, чтобы с помощью голоса легко управлять предметами. Пока двигаюсь мелкими шажками.

Но я чувствую, что мой голос становится сильнее.

Тру помогает мне защелкнуть замки на запястьях и лодыжках. В день заплыва Альдо лично убедится в том, что они надежные. А пока достаточно того, что я в этом уверена.

– Если я решу, что время выходит, – заявляет Тру, – то прыгну в воду и спасу тебя.

– Я ведь могу утащить тебя на дно, – говорю я. – Ты хоть плавать-то умеешь?

Он смеется:

– Конечно умею.

– Никогда не видела, чтобы ты плавал.

– Научился еще в детстве, – поясняет он. – А такие навыки остаются потом на всю жизнь. Есть вещи, которые не забываются.

Это точно. Я смотрю, как Тру толкает свою тележку с рыбками и угрями к другой дорожке, и понимаю, что никогда

не забуду того, что он для меня сделал.

Через несколько минут Тру поднимает руку в знак готовности. Я прыгаю в воду. Первой Тру выпустит на дорожку рыбку с ключом, а потом уже и всех остальных.

Ага, вот они. Рыбки двигаются в мою сторону, я вижу вокруг каждой завихрения из пузырьков. Они такие быстрые, красивые и... целеустремленные. Рыбка с ключом приближается ко мне, когда у меня уже готовы разорваться легкие. Один из угрей жалит меня.

– Открывайтесь, – говорю я замкам и сразу чувствую, как освобождаются от цепей запястья и лодыжки.

Сработало.

Я позволяю рыбе с ключом подплыть ближе. Тру не знает, что она мне вовсе не нужна, что я могу открыть любой замок, сказав одно лишь слово. Как только эта рыбка касается меня, я ловлю ее, забираю ключ из-под ее брюшка и приказываю замкам упасть. Замки подчиняются, и я плыву.

Угорь жалит меня.

Еще один.

– А ну-ка прочь отсюда, – мысленно приказываю я, но, естественно, ничего не происходит.

Моя сила в моем голосе.

Я уже готова открыть рот и произнести команду вслух, готова впустить в себя воду и выпустить наружу слова, но делаю над собой усилие и продолжаю плыть дальше. Мое длинное сильное тело отчаянно увертывается от маленьких быстрых рыбок. Мы «танцуем» почти по всей длине бирюзовой дорожки.

Может, мои умственные способности и далеки от совершенства, но вот собственное тело всегда мне нравилось. Мне приятно чувствовать, как сгибаются и разгибаются локти и колени, как покачиваются в воде заплетенные в косички волосы, я чувствую себя ловкой и сильной. Я вспоминаю маму. Неужели правда, что там, где она теперь, у человека нет тела, а остается только душа? Мне не под силу представить такое.

У меня сильное тело и сильный голос. Конец дорожки уже близко, но я больше не могу бороться. Всему на свете есть предел.

Я приказываю металлическим морским существам не приближаться ко мне. Слова вырываются из моего рта, и его заполняет вода, а рыбки с угрями мгновенно подчиняются.

Моя сила растет и меняется, я чувствую это. Интересно, все началось в храме, когда в день ухода Бэй я произнесла единственное слово? Или это уроки Майры принесли свои плоды? А может, мою силу просто-напросто подпитывает отчаянное желание как можно скорее выбраться Наверх?

Когда я вынырываю в конце дорожки, Тру очень внимательно на меня смотрит. Он понимает: что-то пошло не так, как было задумано.

– Рио, – спрашивает Тру, – что с тобой случилось ближе к концу?

Я трясую головой, будто не понимаю, о чем это он.

– Все прошло просто замечательно: именно так, как мы и хотели.

Я начинаю сознавать, на что способна, и невольно улыбаюсь.

– Ты сделала это, – говорит Тру и протягивает мне руку, чтобы помочь выбраться на бортик.

В этот момент между нами словно бы проскакивает искра. Я счастлива, и Тру рад этому, но в его глазах сквозит тревога. Неужели догадался? Он стоял близко и вполне мог заметить, как я говорю под водой. Допустим, мой помощник заметил это, ну и что дальше? Тру ведь не знает, что я сирена, а даже если бы и знал... Всем известно, что сирены способны манипулировать людьми, и только мы с Майрой такие особенные, что можем командовать неодушевленными предметами.

– Кто хоть раз увидит, как ты плаваешь, запомнит это навсегда, – с чувством произносит Тру.

Надо же, а ведь я совсем недавно подумала, что никогда не забуду о том, что он для меня сделал. Тру буквально излучает тепло. Мне бы так хотелось, чтобы это тепло окружило меня со всех сторон, чтобы он взял мое лицо в ладони и согрел всю, до последней клеточки.

Дикая мысль, но я страшно замерзла и устала, так что у меня разыгрались нервы. Да еще приходится постоянно контролировать свой голос. Сделав над собой усилие, я отвечаю спокойно:

– Кто хоть раз увидит твои чудеса техники, тоже запомнит их навсегда. Ну что же, по-моему, испытания прошли успешно. Я скажу Альдо, чтобы он назначил дату заплыва. Через три дня.

Это будет настоящее зрелище. Нет, это будет больше чем зрелище.

Это будет торжество.

Тру вдруг начинает смеяться, легко и беззаботно, как в детстве. Со мной такого никогда не было. Я всегда завидовала другим детям, когда они смеялись так, будто никак не могли остановиться. У Тру такой красивый смех, а глаза при этом превращаются в щелочки.

– Ты чего? – спрашиваю я. – Что это тебя так развеселило?

– В том в ведре с листьями, которые ты мне подарила, – говорит он. – В общем, там также была голова тигра. От одного

из богов. Ты специально ее туда положила?

– Нет, что ты! – Я в шоке. Удивительно, что я не заметила такую вещь, пусть даже и в полумраке. Хотя боги часто ломаются. – И где теперь эта голова? Что ты с ней сделал?

– Расплавил вместе с листьями, – отвечает Тру. – Теперь она стала рыбкой. Той, которая с ключом.

Я прикрываю рот ладонями: то ли от ужаса, то ли от радости – сама не знаю. И шепчу в ответ только одно слово: «Святотатство». А Тру обнимает меня одной рукой за плечи, как будто мы старые друзья. В общем-то, так оно и есть – Тру мой самый старый (и единственный) друг. Я чувствую, как его тело все еще трясется от смеха.

– Ты разве не веришь в богов? – спрашиваю я.

– Конечно верю, – говорит Тру. – Я верю в них настолько сильно, что не думаю, будто они ради утверждения собственного могущества нуждаются в том, чтобы повсюду ставили их статуи. Эти статуи ничего не меняют.

Тру ждет меня у раздевалки, а я переодеваюсь и вдруг ловлю себя на том, что тоже смеюсь, только беззвучно. Я почти счастлива. И в то же время сильно огорчена: я ведь так много узнала о сиренах, о том, на что они способны, о древней Атлантии и о себе самой тоже, но не могу поделиться этим с Тру. Нехорошо получается: он же мой единственный друг, а я столько всего от него скрываю.

Хотя есть одно открытие, которым я могу поделиться с Тру. Неправильно было бы уйти Наверх, не рассказав ему правду о Невио.

– У меня есть один секрет, – говорю я, выходя из кабинки.

– Какой?

Тру не удивлен, но видно, что ему не терпится услышать, что я ему расскажу. В его глазах ясно читается: «Ну, наконец-то!» Заметив это, я на некоторое время озадаченно замолкаю. Интересно, что он ожидает от меня услышать?

Я собираюсь сказать Тру, что наш Верховный Жрец – сирениус. О таком непросто говорить равнодушным голосом, без всяких эмоций. Но мне надо держать себя в руках.

А еще это не должен случайно услышать кто-нибудь посторонний.

Поэтому я наклоняюсь ближе к Тру.

Он немного опускает голову, чтобы я могла сказать ему на ухо. Со стороны это должно выглядеть вполне нормально – парень и девушка секретничают на Нижнем рынке.

– Невио, наш Верховный Жрец, – шепчу я, – он – сирениус.

Тру не отстраняется от меня, но, когда он отвечает, тоже шепотом, я понимаю, что мой друг потрясен. Он явно ожидал услышать все, что угодно, но только не это.

– Как ты узнала? – Похоже, он мне не верит.

– Невио солгал, а я поняла это, потому что видела, как все было на самом деле. Иначе бы и я тоже могла ему поверить. Но как только он соврал, я сразу сообразила, а потом уже почувствовала, что он манипулирует голосом, когда говорит. Невио – сирениус. Я уверена.

– Из этого следует, что он постоянно скрывает свою силу, – заключает Тру. – Если у него это получается, значит он действительно очень могущественный.

– Знаю.

И это самое страшное. Невио отлично владеет своим голосом, он умеет говорить как обычные люди и способен вложить в свой голос ровно столько силы, чтобы его проповеди достигали своей цели и все шли бы за ним, ни о чем таком не подозревая. Для этого необходим просто невероятный самоконтроль.

Невио очень, очень сильный.

– Как по-твоему, ваша мама знала, что Невио сирениус? – спрашивает Тру.

Я сама ломаю над этим голову. Похоже, что нет. Мама не рассказывала мне всего, она частенько скрывала свои планы. Это больно сознавать, но многое из того, что мама делала, она делала ради того, чтобы защитить меня. Я не могу представить, чтобы мама поселила меня при школе или позволила бы работать в храме, если бы думала, что Невио опасен. И наверняка, узнав, что он сирениус, она бы тут же переселила нас с Бэй в другое место.

А вдруг в ту ночь мама пришла к Майре, чтобы рассказать ей об этом? Что, если она узнала тайну Невио?

Страх разоблачения – вполне достаточная причина для убийства.

Судя по выражению лица Тру, наши с ним мысли текут в одном направлении.

– Трудно сказать, – говорю я. – Если даже мама что-то и узнала, то не успела рассказать мне об этом.

– Интересно, а другие жрецы догадываются, кто он? – задает Тру следующий вопрос.

– Нет, конечно. Ведь предполагается – и моя мама всегда это подчеркивала, – что люди должны приходить в храм исключительно по своей доброй воле. А если Верховным Жрецом станет сирениус, он начнет манипулировать чувствами прихожан.

Хотя наверняка среди жрецов далеко не все такие, как наша

покойная мама, вполне могут найтись и те, кто предан Невио.

– Как ты думаешь, а в Совете знают? – спрашиваю я Тру. – Может, нам следует рассказать им?

– Не уверен, – говорит он. – Возможно, именно поэтому члены Совета и захотели, чтобы Невио стал Верховным Жрецом. – Тру качает головой. – Чем больше мы узнаём, тем запутаннее все становится. Получается, что никому верить нельзя.

– Но хоть мне-то ты веришь?

– Да, – кивает Тру. – Тебе верю.

Он смотрит мне в глаза – взгляд напряженный, губы плотно сжаты. Впервые со времени нашего знакомства я с трудом могу назвать его лицо добрым, в эту секунду оно становится очень спокойным, холодным и даже замкнутым.

С рынка мы возвращаемся молча. Я слушаю, как переговариваются и смеются люди, и пытаюсь уловить в паузах дыхание Атлантии.

Проходя мимо палатки Кары, мы замечаем кучку людей, которые собрались посмотреть на кольцо моей мамы.

– Не волнуйся, – говорит Тру. – Мы обязательно вернем его.

Я снова чувствую себя виноватой. Тру даже не подозревает, что я откладываю деньги вовсе не на кольцо, а на баллон с воздухом.

Он не знает, что я собираюсь оставить его.

Какая-то женщина платит Каре, чтобы та позволила ее маленькой дочери прикоснуться к кольцу Океании. Я начинаю нервничать. Вдруг девочка уронит кольцо? Или вдруг ее мать мошенница и собирается подменить украшение?

Но потом я вижу, с каким благоговением малышка дотрагивается до реликвии.

– Может, не так уж и плохо, если кольцо побудет здесь какое-то время, – говорю я Тру. – Оно не дает людям забыть о моей маме.

И тут мне в голову приходит интересная мысль: а что, если Бэй с Фэном ради этого и продали мамино украшение? Ведь если бы кольцо осталось у нас, оно бы не могло послужить этой цели.

Или же сестренке нужны были деньги, чтобы помочь мне?

Скорее всего, и то и другое.

От облегчения у меня на глаза наворачиваются слезы. Я еще знаю Бэй и по-прежнему способна понять логику ее поступков. Пусть не до конца, но все-таки.

– Раз уж мы заговорили о секретах, признаюсь: у меня тоже есть один, – говорит Тру.

– Да ну? И какой же?

– Я невосприимчив к сиренам, у меня врожденный иммунитет. Но это почти никому не известно. Об этом знают только мой отец и Фэн. Ну а теперь вот и ты тоже.

Мне следовало бы догадаться. Тру улыбочивый, у него ласковый взгляд, но есть в нем что-то несгибаемое. Это нельзя ни отнять, ни изменить. Любопытно: сможет ли Тру противостоять мне, если я заговорю с ним своим настоящим голосом? Но я тут же отгоняю шальную мысль и вместо этого беспечно говорю:

– Ну, значит, в один прекрасный день ты сможешь стать Верховным Жрецом.

Обычно мои попытки пошутить занудным голосом проваливаются, но Тру улыбается.

– Боюсь, этого будет маловато, – отвечает он. – Знаешь, какая там у них конкуренция!

Мой друг весело смеется, а потом вновь становится серьезным:

– Любому, кто неуязвим для сирен, следует в обязательном порядке сообщить о своем иммунитете Совету, но я этого не сделал.

– Почему? – спрашиваю я.

– Мама считала, что о таких вещах лучше помалкивать, – говорит Тру. – Отец не возражал, потому что очень любил маму. А когда она умерла, было уже слишком поздно. Наверняка в Совете бы поинтересовались, почему мы так долго держали это в тайне.

Как же много в Атлантии секретов. Может, именно это и привлекло меня в Тру: я подсознательно чувствовала, что этот парень что-то скрывает. Мы с ним товарищи по несчастью, хотя, конечно, его тайна и не такая опасная, как моя собственная.

– Отцу по большому счету на меня плевать, – продолжает Тру. – Я с ним больше не живу, ушел из дома, когда стал работать полный день на ремонте гондол. Мы с ним, считай, чужие люди.

– Сочувствую, – говорю я. Жаль, что я не могу сказать это своим настоящим голосом. – Наверное, это тяжело?

– Да, – вздыхает Тру. – С тех пор как умерла мама, отца интересует только его работа.

Я не успеваю спросить, отчего умерла его мама, – не знаю, хватило бы у меня духу вообще задать такой вопрос, – Тру говорит сам:

– У мамы было очень редкое заболевание – легочная вода. Не знаю, слышала ли ты про такое.

– Слышала, – говорю я. – Мой отец тоже умер от этой болезни.

– Ну, тогда Совет никогда не позволит нам пожениться, – задумчиво произносит Тру. – Есть ведь специальный закон...

Я изумленно смотрю на него, и Тру спохватывается:

– Это так, мысли вслух. – И спешит разъяснить: – Я просто подумал, что теоретически это могло бы стать причиной для ухода Бэй и Фэна. Если бы кто-то из его родственников, как и твой отец, тоже страдал этой болезнью. Но я точно знаю, что в семье моего друга легочной воды никогда не было. Его родители, дедушки и бабушки живы и здоровы, да и с братом тоже все в порядке.

– А у тебя есть братья или сестры? – спрашиваю я.

– Нет.

– Понятно.

Мне жаль Тру, и не только потому, что у него нет ни сестры, ни брата, хотя я всегда думала, что расти в одиночестве очень тяжело. Но это еще и означает, что Тру никогда не сможет подняться Наверх. У него нет права выбора.

– Значит, ты всегда знал, что не сможешь уйти, – говорю я.

Тру кивает:

– А ты всегда мечтала о том, что сможешь, да?

Я удивленно смотрю на Тру. Как он узнал?

– Я просто это вижу, – улыбается он.

Тру – хороший парень, он мне нравится, и я бы с удовольствием с ним еще поболтала, но силы у меня уже на исходе.

– Что ж, – говорю я. – Не все наши желания исполняются.

– Да уж, это точно.

Глава 15

Для того чтобы мой костюм Океании был завершен, мне не хватает одной детали, и я не вижу причин отказываться от нее.

Мне нужен орден с изображением волн, которые превращаются в деревья.

Невио никогда не снимает свой орден, но я знаю, что у Верховного Жреца их два. Один он носит, а второй, запасной, держит в сейфе в своем кабинете. И только у него самого есть ключи и от кабинета, и от сейфа.

Но теперь это для меня не проблема.

Я беру в храме кусок мыла и, пока Верховный Жрец и остальные священнослужители ужинают, проскальзываю внутрь и иду по коридорам. Времени у меня более чем достаточно: всего-то надо вдавить орден в мыло, получить слепок, а потом изготовить дубликат. Я расплавлю серебряные листья при помощи украденной из храмовых мастерских паяльной лампы и сделаю свой собственный орден.

– Откройся, – шепотом приказываю я двери.

Дверь не слушается.

Может, для того чтобы отдавать приказы, я должна находиться под водой?

Я почти слышу, как Майра говорит: «Ты и так под водой. Весь наш город находится под водой».

Потом я представляю, как вся масса океана давит на Атлантию. Я не могу контролировать воду, но, похоже, она служит сиренам подспорьем, вода – канал для нашей силы.

– Откройся, – повторяю я.

На этот раз срабатывает.

Я потихоньку закрываю за собой дверь кабинета.

В какой-то момент меня охватывает детское желание взять и переломать, изорвать все вещи Невио: его книги, всякие безделушки, картины, которые он развесил тут вместо маминых. Я бы вырвала страницы из фолиантов, разодрала холсты, разбила статуэтки, зачиркала бы все его записи и прочитала его личный журнал, а все, что принадлежало маме, оставила бы нетронутым.

Но я не могу себе этого позволить. Надо держать себя в руках.

Сейф находится за картиной, которую повесил Невио. На картине молится, стоя на коленях, какой-то мужчина. Я подхожу ближе и замечаю то, чего не видела раньше.

Этот мужчина – Невио. Он стоит в тени и к тому же вполоборота, так что с первого взгляда и не поймешь, но если

приглядеться – это точно наш новый Верховный Жрец.

Невио повесил на стену картину со своим изображением. Как будто он какое-то божество. Жаль, что Тру этого не видит.

Я снимаю картину со стены. Интересно, что Невио сделал с той, которую повесила мама? Это была простая картина – только вода и свет.

Вода.

– Откройся, – приказываю я.

Щелкает замок, и дверца распахивается.

В сейфе шкатулка. Я открываю ее и нахожу внутри запасной орден. Я сильно вдавливаю орден в мыло. Все получается просто отлично.

Но тут из коридора доносится какой-то шум. Неужели кто-то идет к двери?

Но ведь все жрецы сейчас еще должны ужинать.

Я вытираю орден рукавом, чтобы на нем не осталось следов мыла, потом быстро закрываю шкатулку и убираю ее обратно в сейф. В этот момент я случайно натыкаюсь пальцами на какой-то предмет. Любопытство берет верх, и я, несмотря на шум в коридоре, достаю его из сейфа.

Еще не взглянув на предмет, я узнаю его на ощупь.

Раковина.

По форме точно такая же, как та, что подарила мне Майра, только абсолютно белая.

Шум в коридоре усиливается. Я кладу раковину обратно, закрываю сейф и вешаю картину на место. Жду.

Снаружи разговаривают двое. Но Невио среди них нет.

Они проходят дальше по коридору, а я выскальзываю из кабинета и поднимаюсь в свою комнату. Там я сажусь на кровать. И спохватываюсь, заметив, что мыло в руке размякло – я почти о нем забыла.

У меня не было времени проверить свое предположение, но нетрудно догадаться, кто ответил бы, если бы я спросила о чем-нибудь белую раковину в кабинете Верховного Жреца.

Майра.

Моя тетя поддерживает связь с Невио.

– Мы с тобой уже давно не общались. – Я стараюсь говорить как можно спокойнее, но черная блестящая раковина дрожит у меня в руке. – Где ты?

– Опять в тюрьме, – отвечает Майра. – И похоже, пробуду здесь еще какое-то время.

– Но ты ведь можешь заставить предметы двигаться. Почему не откроешь замок и не уйдешь оттуда?

– Я решила, что Совету лучше не знать об этом моем таланте, – говорит Майра. – Еще очень давно я обнаружила, что лучшие голоса можно услышать именно в тюремных стенах. А совсем недавно поняла, Рио, что заключение – это не самый плохой способ держаться подальше от тебя. Тюрьма служит своего рода дополнительным защитным барьером между нами. Ты не представляешь, как сложно мне было удержаться от того, чтобы не попытаться формировать тебя, не экспериментировать с твоим голосом. Вот почему я и дала тебе эту раковину. Чтобы ты могла самостоятельно контролировать процесс своего обучения.

– Скажи, а ты связываешься с Верховным Жрецом Невио?

– Конечно.

Майра ни секунды не колеблется. Судя по голосу, совесть ее совершенно не мучает. Она ничего не объясняет, и мне от этого совсем тошно. Невио занял место мамы. Он украл ее личные бумаги и прочитал их. А Майра все равно с ним общается. Неужели не знает, что он сирениус? Или ей плевать?

Я не собираюсь вникать во все это. Я не позволю тете удержать меня от побега на поверхность, и я не хочу слышать ее голос, когда все идет по плану. Но я ничего не могу с собой поделывать. Есть еще два вопроса, на которые я должна получить ответы.

– Это ты убила маму?

– Нет.

– Ты знаешь, кто ее убил?

– Да.

Майра знает. Но она не собирается ничего добавлять. Она хочет, чтобы я задавала ей наводящие вопросы.

– Кто?

На секунду наступает тишина. Я плотнее прижимаю раковину к уху.

– Члены Совета.

– Кто именно?

– Все вместе.

– Каким образом?

– Они пригласили вашу маму на встречу. Когда Океания пришла, ей, как это у них принято, дали какой-то напиток. И каждый из членов Совета положил в ее чашу яд. Они все вместе сделали это.

– Но почему?

– Океания слишком много знала.

Я не хочу верить Майре.

Но я верю.

Значит, Совет нижнего мира убил мою маму.

Неукротимая ледяная злость захлестывает меня, как вода в шлюзах. Майра не убивала маму. Но она знала, кто это сделал. И никому об этом не рассказала. Она не стала кричать об этом страшном злодеянии на всю Атлантию, хотя и могла бы. Моя тетя не поведала людям правду о том, что совершил Совет, не призвала восстановить справедливость. Она вообще ничего не сделала.

– Как ты об этом узнала?

– Невию рассказал мне. Он помог им это организовать.

И после этого Майра еще продолжает с ним общаться. Она дала этому типу раковину. Я не могу говорить, потому что мой голос будет полон ненависти.

– И она сама тоже мне рассказала. Ваша мама. Она поняла, что произошло.

– Почему Совет позволил ей уйти? – спрашиваю я. – Они ведь понимали, что мама может с кем-то поделиться?

– Да потому, что члены Совета точно знали, с кем она может этим поделиться. Только со своей сестрой. Они хотели, чтобы ее смерть стала для меня предупреждением. Когда я нашла Океанию, я первым делом убедилась, что она умерла, а потом стояла над ее телом и ждала, когда придут из Совета и заберут ее. Я получила предупреждение. Больше я ничего не могла сделать.

У меня комок подкатывает к горлу, когда я слышу все это.

– Ты знала, что это они сделали, и позволила им забрать маму? Как ты могла?

– Я сделала то, что должна была сделать.

Единственным достойным ответом Майре сейчас может быть только моя выработанная годами выдержка. Я не позволяю эмоциям вырваться наружу.

– Ты знаешь, кто убил твою сестру, но ничего не сделала для того, чтобы злодеи за это ответили. Ты продолжаешь работать с Советом и с Невией. Почему? Скажи мне, Майра, что тому причиной?

– Любовь.

Ну конечно: Майра ведь никогда не скрывала, что любит в целом свете лишь одного-единственного человека, ради которого готова на все. Себя саму.

Поэтому Майра время от времени спокойно сидит в своей камере и не открывает замки. Порой ты не можешь говорить, но не потому, что другие тебе не позволяют, а потому что боишься того, что можешь сказать. Ты не доверяешь собственному голосу. Не доверяешь себе самой. И предпочитаешь помалкивать ради собственной безопасности.

Самое удивительное, что я ее прекрасно понимаю: мне бы и самой сейчас хотелось выйти на улицу и закричать во весь голос, рассказать всем и каждому о том, что сотворил Совет. Однако я проявлю благоразумие и не сделаю этого. Потому что тогда может сорваться мой план побега.

Я, ну в точности как Майра, забочусь о собственной безопасности.

Но я хотя бы не уйду Наверх вместе с ней. Я поднимусь сама. Так, как это сделала моя мама.

Никогда не думала, что Майра сможет заменить мне маму или сестру. Но где-то в глубине души я все-таки надеялась, что смогу полюбить тетю. Теперь я понимаю, как глупо было рассчитывать на то, что и она тоже сможет полюбить меня.

Пока ты не умер, всегда есть что терять.

Сама того не ожидая, я задаю Майре еще один, последний вопрос:

– Если ты сирена, то значит ли это, что ты всю жизнь будешь одинока?

– Да, – отвечает Майра.

Она права.

Я всегда была одинока.

Даже когда Бэй еще была здесь, я часто чувствовала себя одинокой.

Чего уж греха таить, даже когда я испытываю симпатию к другому человеку и мне хорошо с ним, какая-то часть меня все равно остается сама по себе. Может быть, правы те люди, которые говорят, что у сирен нет души.

Ведь если у тебя есть душа, значит у тебя есть пара.

Но потом я понимаю, что даже если бы у меня была душа, это вовсе не означало бы, что рядом со мной появился кто-то еще. Просто меня стало бы больше.

Глава 16

– Итак, ты готова выступить сегодня вечером? – спрашивает Альдо.

Я киваю в ответ. После нашего последнего разговора с Майрой я полностью сосредоточилась на подготовке к сегодняшнему вечеру. К зрелищу. К торжеству. Так я называю свое выступление, когда беседую с Тру. Это придает мне сил, делает более похожей на Океанию. Я много тренировалась на дорожках и работала с рыбками и угрями Тру. А еще я, ориентируясь на слепок, сделала орден, хотя, честно говоря, у меня получилось не очень хорошо, я ведь не мастер. Одним словом, я готова на все сто процентов.

Альдо смотрит на бирюзовую ткань у меня в руках.

– Это для твоего костюма?

– Да.

Я потратила несколько монет на покупку этой ткани и заплатила швее, чтобы та пришила ее к моему обрезанному гидрокостюму. Получилось больше похоже на ленты, чем на платье, но в воде они должны сливаться друг с другом, благодаря чему, когда я поплыву, будет казаться, будто я одновременно часть воды и нечто отдельное от нее. Я представляю, что мой костюм – мантия Верховной Жрицы Океании. Мама всегда выходила на кафедру в мантии бирюзового цвета. И точно в такой же мантии мы провожали ее тело из шлюзовой камеры.

Альдо открывает шкафчик, где я собираюсь хранить свой костюм. До работы я уже приходила сюда и оставила кое-какие нужные для сегодняшнего выступления вещи. С минуты на минуту должен подойти Тру с ведрами, полными рыбок и угрей. Думаю, Альдо постарается, чтобы все было в целости и сохранности, но допустить, чтобы кто-то трогал замки или ту единственную рыбку, которая принесет мне ключ, я не могу. Поэтому до самого последнего момента они будут у меня в комнате.

– Толпа сегодня точно соберется приличная, – говорит Альдо. – Игроки просто как с ума сошли. Уже интересовались: что ты придумаешь в следующий раз?

– Там видно будет, – неопределенно отвечаю я.

На Нижнем рынке развешены плакаты с объявлениями о моем сегодняшнем выступлении. Когда я прохожу по торговым рядам, люди начинают меня узнавать. Известность принесет больше денег, но в то же время именно из-за нее я должна

действовать как можно быстрее. Внимание людей для меня – реальная угроза.

Но одного без другого не бывает. Сегодня вечером я вернусь на дорожки. А потом на заработанные деньги куплю у Эннио баллон с воздухом и отнесу его домой.

Если мой план сработает, очень скоро у меня будет все, что нужно для побега.

После сегодняшнего вечера останется только ждать, когда кто-нибудь умрет.

К нам подходит Тру с тележкой. Он кивает Альдо и снимает с тележки два ведра. Одно – с рыбкой, ключом и замками – он отдает мне, а второе оставляет себе.

Все это время губы у моего друга плотно сжаты, один раз я уже видела его таким.

– Ну, стало быть, вы готовы? – еще раз уточняет Альдо.

– Да, – говорю я. – Увидимся вечером.

Мы с Тру идем обратно на рынок. Идем молча, и я не уверена, что знаю, о чем он сейчас думает. А потом он берет меня за руку и увлекает за собой в пустую палатку.

– Это тебе, – говорит Тру и подает мне ведро.

Он не улыбается.

– Что-то новенькое придумал? – интересуюсь я.

– Нет. Это не для выступления. Тут пять сотен. Теперь тебе не обязательно участвовать вечером в заплыве.

У меня даже дыхание перехватывает. Он это серьезно? Я опускаюсь на колени и аккуратно снимаю с ведра крышку. Тру не шутил. В ведре пять больших дисков чеканного золота, каждый достоинством в сотню монет.

– Где ты это взял? – спрашиваю я.

– Благодаря твоим заплывам люди стали проявлять огромный интерес к моим рыбкам, – объясняет Тру. – Как говорится, спрос превышает предложение. Но это я отложил специально для тебя, и теперь ты можешь выкупить кольцо. Прямо сейчас. И отменить сегодняшнее выступление.

Я прикидываю в уме: эти деньги, а также те, которые оставила мне Бэй, да плюс еще то, что я успела заработать на дорожках, – сумма получается приличная, я вполне смогу купить баллон с воздухом. Тру прав. Если бы все упиралось в деньги, вполне можно было бы отменить сегодняшнее выступление.

Но мне нужно тренироваться. Необходимо усложнить программу и больше времени провести под водой.

А ведь Тру даже не подозревает, что я делаю все это не ради кольца.

– На эти деньги ты мог бы купить палатку на рынке, – говорю я. – Или запастись материалами для производства рыбок.

– Я хочу, чтобы ты их взяла. Пожалуйста.

– Почему ты это делаешь? Мы же все как следует заранее просчитали и убедились: никакого риска нет.

– А что, если случится нечто непредвиденное? Вдруг слишком много угрей тебя ужалят? Или замки подведут, а я вовремя не успею прийти тебе на подмогу?

– У нас все получится, – говорю я.

Свет пробивается через жалюзи, как бы я хотела, чтобы это был свет с поверхности океана.

А еще я бы очень хотела рассказать Тру правду о том, что должна сбежать из Атлантии. И было бы здорово заговорить с ним своим настоящим голосом. Но я помню, какое было лицо у Джастуса в храме в тот день, когда ушла Бэй. Я не могу открыться Тру. Не хочу, чтобы он смотрел на меня другими глазами.

– Ты не можешь знать наверняка, – возражает он.

– Я знаю.

– Неужели ты все равно поплывешь? – удивляется Тру. – Даже сейчас, когда деньги больше не проблема?

– Да.

– Рио, – говорит Тру.

Он смотрит на меня, и я вижу в его глазах злость и боль; присущие моему другу оптимизм и смешливость исчезли без следа. Он хочет что-то сказать мне и в то же время отчаянно борется с этим желанием. Что бы это ни было, Тру знает: его слова могут что-то серьезно изменить или даже вообще все погубить.

– Что такое? – спрашиваю я. – Ты что-то хотел мне сказать, Тру? Я слушаю тебя. – Я произношу это шепотом, потому что если заговорю сейчас громче, то выдам себя.

Тру в ответ лишь качает головой и опускается на колени. Я тоже опускаюсь на колени рядом с ним, а он проводит пальцами по монетам в ведре. Я доверяю его рукам. Доверяю его сердцу. Я хочу, чтобы он ко мне прикоснулся. Тру опасен для меня.

Он слишком много знает. Никто не знает меня так хорошо, как он, потому что близкие оставили меня. Сначала мама, а потом Бэй.

– Извини, но я не собираюсь менять свои планы, – говорю я и стараюсь, чтобы мой голос звучал как обычно, то есть равнодушно и неискренне.

Это причиняет боль нам обоим.

Я знала, что так будет.

– А я не собираюсь в этом участвовать, – заявляет Тру. – Не стану объявлять тебя сегодня. Но ты можешь все забрать, Рио. Замки и ключи. Рыбок и угрей. И монеты тоже.

– Спасибо. Ты будешь на трибуне?

Я хочу увидеть его еще один раз. Ничего в своей жизни я не хотела так сильно, если не считать желания найти сестру и сбежать Наверх. Это трудно выразить словами.

– Я не собираюсь в этом участвовать, – повторяет Тру.

– Ты уже в этом участвуешь, – говорю я.

– К сожалению. – И с этими словами Тру разворачивается и уходит. Он уходит быстро, потому что идет налегке. Он все оставил мне.

На меня падают полосы света, а я стою и отчаянно душу в себе слезы. Плакать опасно. Слезы о многом могут рассказать. У меня есть все, что мне нужно: рыбки и замки, костюм и ключ. У меня есть орден. И у меня есть деньги: в ведре монеты Тру, а в сумке с кислородной маской – остальные.

Я потрачу их прямо сейчас. Куплю баллон с воздухом и отнесу его в свою комнату при храме. И все – я готова к побегу, останется только подождать, когда кто-нибудь умрет.

Я понимаю, что это неправильно, но все равно надеюсь, что ждать придется недолго.

Меня больше ничего не держит в Атлантии.

Когда я передаю Эннио слова Майры и называю имя Аши, он бледнеет и молча достает баллон с воздухом. Баллон тяжелый, с виду из старинного железа. Эннио аккуратно заматывает баллон в кусок ткани, так чтобы он был похож на большой куль, но при этом не привлекал бы излишнего внимания.

– Работает точно так же, как кислородные маски на учениях, – объясняет Эннио. – Ты же знаешь, как с ними обращаться. Надеваешь маску и дышишь. Только с баллоном дышать можно гораздо дольше. И воздух в баллоне сжатый, рассчитан на всплытие с большой глубины.

– Откуда ты об этом знаешь, – спрашиваю я, – если еще никому не удавалось выбраться на поверхность?

– Я нашел старый склад с воздухом, – говорит Эннио. – Еще тех времен, когда строили Атлантию. Иногда строителям приходилось работать за стенами города и подниматься обратно.

Баллон слишком старый, чтобы гарантировать безопасное всплытие. И говорить в маске тоже будет сложно. Воды уж точно наглотаются.

Может, я задумала невозможное? Сошла с ума?

Я никогда не знала, правда ли то, что обо мне говорят: действительно ли я забитая, или странная, или просто принадлежу к другому миру. Но когда я доберусь Наверх, то наконец-то стану собой.

Я надеялась на это всю свою жизнь.

– А теперь иди, – напутствует меня Эннио, – и не возвращайся обратно.

Он говорит это по-доброму, как будто действительно желает мне выбраться на поверхность живой. Мне больше нечего ему сказать, и я ухожу, не попрощавшись. По дороге с рынка я, с тяжелым свертком за спиной, прохожу мимо палатки Кары и вижу множество зевак, которые собрались посмотреть на кольцо моей мамы.

Несмотря ни на что, Океания еще способна привлекать толпы людей.

Надеюсь, сегодня вечером и у меня тоже это получится.

У себя в комнате я прячу баллон с воздухом, рыбку, замки и оставшиеся деньги. Сегодня я заработаю еще больше, но я собираюсь все отдать Тру. Он столько всего для меня сделал, и нужно его отблагодарить: пусть купит себе побольше материалов для работы и палатку на Нижнем рынке. Может быть, когда-нибудь, на досуге, когда ему больше не нужно будет мне помогать, Тру сконструирует механических летучих мышей. Хотела бы я это увидеть.

Я смотрю на раковины Бэй и Майры, но подавляю искушение приложить к уху одну и задать вопрос в другую. Я решила, что впредь буду доверять только Тру и себе самой, и не хочу, чтобы хоть малейшее сомнение закралось ко мне в душу.

Пока я еду на гондоле на работу, дыхание Атлантии давит на меня со всех сторон: оно становится все громче и громче, но, кажется, никто, кроме меня, этого не замечает.

А когда я прохожу на рабочее место, дыхание города переходит в крик.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не зажать уши ладонями. И снова никто ничего не замечает. Я оглядываюсь по сторонам и вижу, что Бьен внимательно за мной наблюдает. Она тоже это слышит?

Почему Атлантия кричит? Или это сирены? Майра сводит меня с ума? Она говорила, что хочет помочь мне, но не станет делать это вопреки моей воле. Может, тетушка передумала и решила сломить меня?

А потом все вдруг разом смотрят наверх, а некоторые даже затыкают уши. Но дело не в крике, люди реагируют на другой

звук. Пронзительный свист заполняет коридоры и нашу рабочую комнату. Это сигнал учебной тревоги.

Все тянутся за кислородными масками, и я тоже, но вот только маски-то у меня и нет.

За последнее время столько всего произошло – я готовилась к выступлению, Тру отдал мне свои деньги, я купила баллон с воздухом – одним словом, я забыла взять маску на работу, оставила дома с остальными вещами.

Я и раньше не всегда носила ее с собой – как и остальные жители Атлантии, – но впервые оплошала во время учебной тревоги. Теперь мне, конечно, объявят выговор или наложат какое-нибудь более серьезное взыскание. Я тихонько чертыхаюсь себе под нос. Надо же, решили устроить учения именно сегодня, ни раньше ни позже. Вот только этого мне еще не хватало для полного счастья.

Бьен натягивает маску, все остальные тоже. Я слышу, как окружающие начинают вдыхать кислород. Девушка, которая стоит рядышком, перед тем как надеть маску, передергивает плечами и говорит своей подруге:

– Ненавижу все это.

Потом она замечает меня и спрашивает:

– А где твоя маска?

– Дома забыла, – отвечаю я.

– Ай-ай-ай, – качает головой девушка. – Хорошо еще, что это учебная тревога, а то бы ты погибла.

Знаю. Я теряю чувство времени. Но нет худа без добра: теперь свист, по крайней мере, заглушает крики в стенах.

Кажется, сегодня я единственная в «Комнате океана» забыла взять с собой кислородную маску. Наверное, вода за порталной дверью постоянно напоминает работникам о том, как близки мы к тому, чтобы остаться без воздуха.

Видимо, порядок действий в случае тревоги предписывает всем собраться в «Комнате неба». Потому что именно сюда все и устремляются. Меня это радует. Я высматриваю Элинора и подхожу к ней.

Тут в комнату вбегает Джосайя, уже в маске. Он оглядывает присутствующих и останавливает взгляд на мне.

– Мне нужна запасная маска, – говорю я.

Джосайя кивает. Мы хоть и должны носить маски с собой, в каждом учреждении всегда имеется несколько запасных. Джосайя выходит из комнаты.

Странно стоять тут просто так, но, вообще-то, мне так больше нравится. Не надо притворяться, что дышу воздухом. И еще забавно слышать, как работники переговариваются друг с другом.

Из-за масок у них такие монотонные, искусственные голоса. Мне всегда было интересно: мой голос тоже так звучит для окружающих?

Спустя несколько минут дверь распаивается, и в комнату возвращается Джосайя.

– Не нашел ни одной, – говорит он. – В кладовке пусто. Прямо ума не приложу, что теперь делать.

– Ничего страшного, – успокаиваю его я. – Я сама виновата.

Джосайя смотрит на меня, в глазах у него страх и тревога. И что он так разволновался из-за какой-то несчастной маски?

Я понимаю, в чем дело, за секунду до того, как смолкает свист и к нам через динамики обращается какая-то сирена, абсолютно точно не Майра.

– Это не учебная тревога, – говорит она приятным, убедительным голосом. – Пожалуйста, неукоснительно следуйте инструкциям. Если вы еще не находитесь в месте сбора, отправляйтесь туда и оставайтесь там. Не снимайте маски, дышите ровно и спокойно. Угроза безопасности будет устранена в самые короткие сроки.

Теперь уже все в комнате смотрят в мою сторону.

– Может, нам поделиться с Рио воздухом... – говорит Элинор и делает движение, чтобы снять маску.

– Нет, – останавливает ее Джосайя. – Это подвергнет риску жизни вас обеих. Ни к чему нарушать правила.

Мастер лишь озвучивает инструкцию, но по глазам видно, что ему неловко.

Все продолжают смотреть на меня.

Чего они, интересно, ждут? Что я побегу? Расплачусь? Закричу? Спасаться бегством смысла нет, потому что я не знаю, в каком именно районе Атлантии случилась брешь, и запросто могу прибежать как раз туда. А начну плакать или кричать – так только потрачу больше драгоценного воздуха, который, если авария серьезная, в комнате очень скоро закончится.

Сердце у меня бьется так сильно, что, клянусь, я чувствую его не только в груди, но и в ладонях. Я вдруг понимаю, что стала для всех присутствующих таким отвлекающим моментом. Драма «Умрет ли Рио?» на время отодвинула в тень главный вопрос: «Неужели мы все погибнем?»

Может, рискнуть поставить все на карту и приказать им выпустить меня из комнаты? Тогда я смогу побежать на поиски кислородной маски.

Но тут снова начинают кричать голоса в стенах Атлантии, и в этот раз они обращаются ко мне. Они кричат, чтобы я осталась.

Кто они? Сирены? Майра слышала, как они обращались к ней из городских стен. Неужели теперь я тоже их слышу? Но этого не может быть. Майра сказала, что они все давно исчезли.

Элинор хочет положить руку мне на плечо, но все эти голоса снаружи и внутри изводят меня, и я отхожу в сторону.

День еще в разгаре, а в комнате темнеет. Похоже на какой-то зловещий знак. Зачем понадобилось приглушать свет? Может быть, брешь как-то повлияла на систему энергоснабжения?

На моей памяти такого еще не случилось.

А что с Тру? Где он сейчас? В безопасности или нет?

Становится холодно.

Я не хочу по-глупому умереть – утонуть или задохнуться. Внизу, так и не увидев мир. Наверху. На секунду у меня появляется искушение приказать дверям шахты распахнуться и прямо сейчас убежать отсюда.

Но тогда я точно погибну.

«Подожди еще немного, – говорю я себе. – Ты сделаешь это, когда сюда начнет поступать вода. У тебя будет шанс умереть в океане, а не в этой запертой комнате. А если ты выживешь, больше не откладывай – беги немедленно. Забери баллон с воздухом и беги. Не жди, когда в морге появится труп, с которым ты сможешь поменяться местами. Иди к шлюзам и поднимайся наверх».

Крики сирен постепенно смолкают. Люди в комнате больше не разговаривают, а я чувствую, что теряю силы. Почти все дрожат от холода.

В помещении остается не так-то много воздуха.

Мы ждем, когда в комнату хлынет вода или когда в помещении закончится воздух, а может, и то и другое.

Однажды наступает момент, когда ты понимаешь, что тебе уже нечего терять.

И тогда ты умираешь.

Мы следим за минутной стрелкой на часах, я дышу и надеюсь, что каждый мой вдох не последний, но я не плачу.

Я не плачу, когда некоторые из собравшихся в комнате начинают чаще на меня поглядывать, а кое-кто, наоборот, старается не смотреть в мою сторону. Я понимаю – они думают, что воздуха почти не осталось и я скоро умру. Одни предпочитают этого не видеть. А другим интересно понаблюдать, как все произойдет.

«Мы надеемся наблюдать момент нашего ухода, а не проживать его».

Так написала моя мама. Невио не хотел, чтобы я это

прочитала, но я запомнила каждое слово.

Я не плачу, когда сирена через динамики объявляет, что брешь устранили, опасность миновала и все могут снять кислородные маски. Поток воздуха врывается в комнату, и я делаю глубокий вдох.

Я не плачу, когда сирена говорит нам, что вскоре мы сможем разойтись по домам, надо только еще чуть-чуть потерпеть.

После смерти мамы бывали моменты, когда я плакала, как Бэй: заливалась слезами и никак не могла остановиться. Но сейчас я не могу позволить себе этого. Если хочешь выжить, плакать нельзя.

– Где была брешь? – спрашивает кто-то.

– Пока неизвестно, – отвечает Джосайя.

– Она была очень большая?

– Этого мы тоже пока не знаем. Нам сообщат, когда это станет возможным.

Кто-то говорит мне:

– Ты такая смелая.

Теперь все мне улыбаются, люди рады, что я держала себя в руках все это время.

Я улыбаюсь:

– Все хорошо, что хорошо кончается.

– Но ты не знала, чем все это закончится, – возражает Элинон. – Мы должны были поделиться с тобой воздухом. Даже если это против правил. – Элинон бледнеет. Похоже, ей очень стыдно. – Но мы не поделились.

– Ничего страшного, – говорю я. – Не стоит извиняться.

Я бы тоже так поступила. Лично я бы не поделилась воздухом ни с кем из окружающих. Даже с Элинон. Бэй, мама и Тру – вот три человека, ряды которых я готова рисковать своей жизнью.

– Никогда не думала, что я такая бессердечная, – продолжает сокрушаться Элинон.

– А вот Рио не удивляется, – замечает Бьен. – Она знает, на что люди способны.

В этот момент из стен начинает говорить сирена:

– Мы очень сожалеем, но вынуждены сообщить, что на Нижнем рынке была обнаружена брешь. Для безопасности остальных районов города властям пришлось его загерметизировать.

Я хочу спросить: что это значит? Но внезапно все понимаю, и мне становится холодно.

– Они загерметизировали рынок, – ахает какой-то мужчина. – Это значит, что выживших не будет.

Люди на Нижнем рынке погибли. Альдо. Игроки. Кара и тот

мужчина, который с ней работал.

Я больше никогда не буду участвовать в заплывах на дорожках рынка.

А как же Тру? Вдруг он вернулся на рынок, чтобы продавать рыбок?

Вот Майра точно в безопасности: сидит себе в запертой камере ближе к поверхности океана.

Но Тру, Тру!

Элинор опускается на колени. Бьен забыла о моем существовании, в ее глазах застыл ужас.

Кто-то говорит шепотом, кто-то кричит, но все люди в комнате задают одни и те же вопросы: как велика была брешь? Что это было – вода или воздух? Утонули несчастные или задохнулись? Какая из этих двух смертей мучительнее?

– Гондолы временно не работают, – продолжает сирена. – Но вы можете пойти домой пешком. Остальные районы города не пострадали. Как только это станет возможным, мы предоставим вам более подробную информацию.

После этого из динамика слышится пение. Пение сирен. Они успокаивают нас, говорят, чтобы мы подождали немного, а потом шли домой, домой, домой. Но это укрошенные голоса, совсем не такие, как те, что кричат из стен. Эти сирены лишь озвучивают то, что нам хочет внушить Совет.

И большинство людей им подчинятся и отправятся по домам. Но только не я. Мне еще надо кое-что сделать. Я быстро подхожу к двери, однако, едва ступив за порог, останавливаюсь.

Снаружи густой туман.

Вообще-то, у нас тут не бывает плохой погоды.

Меня догоняет Элинор. И тоже замирает на месте.

– Ты когда-нибудь видела такое? – шепотом спрашиваю я.

– Только однажды, – отвечает она. – Когда умерла твоя мама. Этот туман – одна из причин, почему некоторые люди считают, что Океания была богиней.

– Я не выходила в ту ночь на улицу. – Тогда я сидела в комнате Бэй и снова и снова обещала сестренке, что никогда ее не оставлю. – Впервые такое вижу.

Мы срываемся с места и бежим. Пробегаем мимо пруда желаний, а когда нагоняем толпу людей, которые тоже куда-то спешат, я теряю Элинор из виду.

Ноги несут меня к храму, где я впервые встретила Тру, и меня никто не останавливает, потому что я действительно иду домой. Я иду домой сквозь туман, а над моей головой поют вырвавшиеся на волю голоса сирен.

Я беззвучно молюсь, и моя молитва обращена не к Эффраму

и вообще ни к одному из богов. Это не их лица я сейчас представляю себе, а лицо мамы.

Люди вокруг меня произносят ее имя. Они вспоминают ту ночь, когда на город опустился туман. Они вспоминают Океанию.

Я святотатствую, так же как те люди на Нижнем рынке, которые боготворили мою маму. Молились ли они Океании, когда их начала заливать вода или стал заканчиваться воздух? Помогла ли она им? Может ли мама помочь мне? Я иду в храм, и мне нужно, чтобы случилось чудо.

Пожалуйста, пусть Тру будет там.

Пожалуйста, пусть Тру будет жив.

Глава 17

И чудо случается: я его вижу.

Тру идет через толпу в храме и оглядывается по сторонам. Ищет меня. Он в противоположном конце нефа, слишком далеко, между нами столько людей, а я не могу позвать его, потому что не доверяю своему голосу.

Часть меня хочет выкрикнуть его имя, потому что если Тру услышит меня сейчас, то все поймет. А я бы хотела, чтобы он понял.

Тут он останавливается и поворачивается к входу, будто я и вправду его позвала. За всеми этими скорбящими и растерянными людьми под наблюдающими за ними неподвижными богами он видит меня.

– Рио! – кричит Тру.

Он идет ко мне так быстро, что сбивает какого-то мужчину с ног и помогает ему встать, но при этом ни на секунду не отрывает от меня взгляд. Он идет ко мне против движения толпы, и я иду ему навстречу, проталкиваясь мимо людей, мимо скамеек и всего, что возникает у меня на пути.

Я думала, что мы остановимся, когда окажемся рядом, но Тру прижимает меня к себе и продолжает идти дальше.

– Ты цела, – шепчет он, и его губы касаются моих волос.

А потом я замечаю свет, витражи, свечи и людей, я вижу все это, потому что отворачиваюсь от Тру и пытаюсь сдержать слезы, слезы радости оттого, что он жив.

В храме очень много людей, и с каждой минутой их становится все больше. Сирены велели нам идти домой, а для многих дом – это храм, по крайней мере, в духовном смысле. Моя мама всегда так и говорила: «Это дом их веры».

Я беру Тру за руку и вывожу из храма.

Когда он видит, каким густым стал туман, глаза у него округляются от удивления. Он смотрит на меня так, будто это я сотворила, словно бы я не такая, как остальные, а всемогущая.

И я вспоминаю, как наблюдала за Тру, когда он стоял на коленях у ведра с монетами и боролся с искушением что-то мне сказать.

Я увлекаю его под одно из деревьев. В просветах между клочками тумана я вижу лишь отдельные фрагменты: тыльную сторону ладони со шрамами от порезов металлом; его лицо совсем близко от своего.

– Пожалуйста, расскажи мне все, – шепчу я.

Мы невидимы в густом тумане, и только мой голос, если

не считать шороха листьев, нарушает окружающую нас тишину.

И Тру решается.

– Я слышал тебя, – говорит он. – В тот день в храме.

Где-то рядом с нами с тихим металлическим звуком падает на землю лист.

– Ты подумала, что я слышал, как ты плакала, но на самом деле я совсем другое имел в виду. Понимаешь, о чем я?

Ну конечно понимаю.

Тру слышал меня в тот день, когда ушла Бэй.

Он знает, что я сирена.

Тру берет мое лицо в ладони, прикасается пальцами к моим губам.

– Никак не разберу, что ты там шепчешь, – с нежностью говорит он.

Надо же, а я и не заметила, что шепчу. Я почему-то произношу «пожалуйста», хотя и совершенно не понимаю, к чему это относится.

– Когда случилась брешь, я не слышал ничего, только твой голос, – объясняет Тру. – И в нем звучала такая же мучительная боль, как в тот день, когда ушла Бэй. Только сегодня ты звала не ее, а меня, но я ничего не мог сделать, чтобы помочь тебе.

Тру придвигается ближе, чтобы я могла его видеть, но я не говорю ни слова. Я смотрю на него. У него под глазами синие тени, точно такие же я заметила в нашу первую встречу. Он беспокоился. Обо мне.

– Ты цела, – говорит Тру. – Ты здесь.

Он целует меня.

Целует прямо здесь, под деревьями, в губы, а потом – в шею. Его сильные руки крепко обнимают меня. Мы почти одного роста, и мы очень подходим друг другу.

Мне хорошо с Тру. Тру хорошо со мной. Нам хорошо вместе.

Я закрываю глаза и слушаю. Слушаю его дыхание и свое.

– Пойдем на Нижний рынок, – предлагает Тру. – Посмотрим, не надо ли чем-нибудь помочь.

Сирены продолжают говорить жителям Атлантии, чтобы те шли домой, но Тру неуязвим для их голосов, а я чувствую, что они уже не так сильны, чтобы им нельзя было противостоять. Я становлюсь сильнее.

Возможно, это потому, что я не слышу среди их голосов голос Майры.

Мы с Тру идем между деревьев к ближайшей остановке гондол. Там стоит одна лодка, пустая и сухая. Туман становится плотнее, а свет – более тусклым. Но мы рядом, и я вижу лицо Тру,

его добрые глаза, его губы.

– Бежим, – шепотом говорит Тру.

Он тянет меня за собой, и мы бежим сквозь белую пелену. Потом Тру резко останавливается, и мы оказываемся у самого канала. Он отпускает мою руку и прыгает в канал прямо перед лодкой. Я следую за ним.

К тому моменту, когда я присаживаюсь на корточки рядом с Тру, он уже успевает открыть панель. Так непривычно видеть металлические внутренности гондолы.

– Я могу ее завести, – говорит Тру. – До самого рынка она нас, может, и не довезет, но все равно так будет быстрее.

– Стражи порядка увидят гондолу, – возражаю я, – или услышат ее.

– Ну и пусть. Если во всей Атлантии туман сегодня такой же густой, как в ночь после смерти твоей мамы, они вряд ли смогут нас поймать.

Двигатель заводится, начинает урчать.

– Забирайся, – командует Тру. – И пригнись. Я сейчас.

Я забираюсь в лодку и опускаюсь между скамейками. Тру почти сразу же появляется рядом, и гондола трогается с места.

Мы скользим сквозь белый туман.

И храним молчание.

Когда мы целовались под деревьями, на нас кто угодно мог случайно натолкнуться, а мы все равно стояли там, обнявшись, и не могли друг от друга оторваться. А теперь мы одни, но мы ничего такого не делаем, только смотрим. Даже когда между нами проплывают клочки тумана, я все равно чувствую на себе взгляд Тру, такой же уверенный и нежный, как его поцелуи.

Нашу гондолу никто не останавливает. В этой части Атлантии так безлюдно, что даже жутковато становится. Но потом, когда мы оказываемся ближе к Нижнему рынку, я слышу чьи-то крики. Возле заграждения собралось несколько дюжин людей. Они либо невосприимчивы к голосам сирен, либо так волнуются за тех, кто остался внутри, что пока могут им противостоять. Одна женщина закрыла ладонями уши, она качает головой и рыдает, а тело ее бьет дрожь.

Стражи порядка кричат, чтобы мы уходили.

– Вы сейчас все равно уже ничего не сможете сделать, – говорят они. – Выживших нет. Идите домой, если не хотите, чтобы вас арестовали.

– Пожалуйста, расскажите нам, как все произошло! – просит какой-то мужчина. – Они очень страдали? Это была вода

или воздух?

– Вода, – говорит кто-то.

Все поворачиваются, чтобы посмотреть, кто это сказал.

Майра.

Она выходит из-за заграждения, одежда на ней сухая, но зачесанные назад волосы мокрые.

А я-то думала, что моя тетушка в тюрьме. Что, интересно, она здесь делает?

– И воздух тоже, – добавляет Майра. – Они утонули, но если сначала упало давление воздуха, а мы считаем, что так все и было, то, когда прибыла вода, люди уже были без сознания.

Майру слушают все, даже стражи порядка, хотя она не использует свой голос так, как обычно это делает. Она не манипулирует, просто сухо сообщает известные ей факты.

По крайней мере, мне так кажется.

– Сейчас восстанавливают то, что еще возможно восстановить, – продолжает Майра. – А завтра надеются идентифицировать тела.

Кто-то кричит от злости и боли.

Майра закрывает глаза. Она собирается использовать свой голос. Я уже поняла, что она всегда перед этим словно бы подает окружающим своего рода знак. Чтобы это не было для них полной неожиданностью.

– Сюда направляется подкрепление: стражи порядка, несколько членов Совета и Верховный Жрец Невио. – В голосе Майры отчетливо слышно предостережение. – Если вы не уйдете, вас арестуют за нарушение порядка и отправят в камеры. Поверьте: тюрьма – не самое подходящее место, чтобы оплакивать близких.

Кое-кто из толпы начинает расходиться, но большинство собравшихся уступать не собираются.

Тогда Майра начинает петь: она присоединяется к голосам сирен, которые звучат из динамиков и призывают нас разойтись по домам.

Давно ли мою тетушку выпустили из камеры? Члены Совета раньше делали это, чтобы она им помогала. А сейчас? Интересно, ее освободили в связи с трагедией на Нижнем рынке или еще раньше?

Может, Совет попросил Майру сделать для них что-то еще?

У меня в голове мелькает страшная, темная мысль.

Члены Совета убили мою маму. Они способны на любое преступление, если им это на руку.

А Майра?

Ее взгляд останавливается на мне. На лице мелькает

удивление. До этого момента тетушка меня не замечала. Продолжая петь, Майра движется в нашу сторону. Проходит мимо Тру и наклоняется, чтобы сказать что-то мне на ухо.

– Береги свой голос, Рио, – шепчет она. – Что бы ты сейчас ни делала, главное – не говори.

После этого Майра поворачивается ко мне спиной и подходит к женщине, которая все еще пытается сопротивляться. Несчастную бьет крупная дрожь. Майра наклоняется к этой женщине совсем близко и поет, обращаясь к ней. То, что делает моя тетя, плохо, ведь она заставляет людей поступать против их воли, но я вижу доброту и сострадание в ее глазах, и от этого мне становится больно.

Нет, Майра не стала бы устраивать брешь на Нижнем рынке. Она не такая, она просто не может быть источником зла. Как и я сама.

Тру берет меня за руку:

– Идем отсюда, Рио. И тебе, и мне лучше держаться от тюрьмы подальше.

Он прав. У нас обоих хватает секретов.

Гондолу мы находим там же, где и оставили. Тру заводит лодку, и мы плавно едем обратно к храму. Туман укрывает нас, а крики людей – до них уже добрались члены Совета и Невио – заглушают шум мотора.

– Когда в Атлантии в последний раз был густой туман, некоторые называли его «дыхание Океании», – говорит Тру. – Кое-кто даже считал, что это может быть третьим чудом.

– Я так не думаю.

– И я тоже, – соглашается Тру, а потом добавляет: – Мне жаль, что так получилось с кольцом.

– С кольцом?

Ах да, вспоминаю я, Тру ведь думал, будто я участвую в заплывах, потому что хочу выкупить мамино кольцо.

– Кольцо – это пустяки, – говорю я. – По сравнению с тем, сколько народу сегодня погибло.

Перед моим мысленным взором предстают Альдо, Кара, игроки на трибунах.

На глаза у меня наворачиваются слезы, но я, наверное, просто ужасный человек, потому что плачу сейчас не только из-за гибели людей, а еще и потому, что я больше никогда перед ними не выступлю, никогда не почувствую, какой сильной и стремительной могу быть на плавательной дорожке. Я никогда не предстану перед зрителями в мантии Океании. Лишь сейчас я понимаю, что тренировалась не только ради подготовки к побегу. Я еще и хотела выступить перед людьми, доказать им, что могу

чего-то добиться, не прибегая к помощи своего настоящего голоса. А сейчас мне очень обидно, что никаких заплывов уже никогда больше не будет. Мне стыдно, что я такая эгоистка. Мама была права, когда говорила, что мне несвойственно думать о всеобщем благе.

– Мне жаль, что я больше не увижу, как ты плаваешь, – говорит Тру.

– Ты же сам сказал, что сегодня не придешь, – напоминаю я.

– Да куда бы я делся, пришел бы. – Тру касается моей руки. – Ты планируешь сбежать Наверх, да?

– Я хочу найти сестру, – отвечаю я. – Я хочу быть с ней.

– А просто узнать, почему Бэй ушла, для тебя недостаточно?

– Нет, – решительно заявляю я. Мне жаль говорить ему такое, но это правда, и пора уже в этом признаться. – Недостаточно. Я должна ее увидеть.

– Зачем?

В день, когда ушла Бэй, я произнесла в храме единственное слово, и Тру услышал и понял меня. Теперь я слышу все в одном его слове. Тру волнуется за меня. Может, он даже любит меня. И он действительно недоумевает, почему я не могу остаться в Атлантии.

Я должна ему объяснить, чтобы он понял и простил меня, когда я уйду.

– Я очень скучаю по сестре, – говорю я. – Так скучаю, как будто осталась одна в океане, который накрыл всю землю. Мне так тяжело без Бэй, что иногда кажется, что я уже не человек: меня нет, осталась одна только боль.словно бы мое израненное тело, месиво из органов, мышц и костей, лежит на берегу, а на него все накатывают и накатывают соленые волны – просто невероятно больно.

– Вот, значит, как ты себя без нее чувствуешь, – с горечью произносит Тру.

– Да.

В тот момент, когда я заговорила в храме, Тру понял, что я – сирена. Он знал, кто мои мама и тетя, и должен был догадаться, что я не простая сирена, а необычная. Но он никому ничего не сказал. Он все это время хранил мой секрет.

Как все будет, если мы останемся здесь, в этой гондоле? Вокруг туман, в небе слышны хлопки крыльев летучих мышей, и дыхание Атлантии убаюкивает нас.

Губы Тру прикасаются к моим, я отвечаю на его поцелуй. Мы крепко обнимаемся. До этого, под деревьями, мы были голодны и утоляли голод, прикасаясь друг к другу.

И мы все еще чувствуем его, этот голод.

Гондола останавливается. Нам надо выйти и отправиться домой, пока нас не нашли стражи порядка.

– Я пойду с тобой в храм, – говорит Тру.

Туман постепенно рассеивается. Когда мы подходим к храму, становится светлее. Деревья хорошо видны, они голые: все листья опали и устлали серебристым ковром землю. Боги, ничем не прикрытые, сидят на ветках, их сломанные руки и сверкающие зубы словно бы выставлены напоказ. Летучая мышь садится на плечо Эфраму.

Никогда еще я не видела Атлантию в таком беспорядке – одни деревья без листьев чего стоят. Чтобы Атлантия четко функционировала, то есть чтобы мы все чувствовали себя в безопасности, требуется много и упорно работать. Но именно работа и составляет смысл нашей жизни. Этот город – наш корабль, он был герметичен, а теперь дал течь и приходит в упадок.

– Как такое могло произойти? – удивляется Тру. – Мы ведь совсем недавно здесь были. Час назад с деревьями все было в полном порядке.

– Майра права, – говорю я. – Нам надо идти домой.

– Так мы и сделаем, – соглашается Тру.

У него удивительный голос, такой глубокий и ясный. И необыкновенные руки – сильные и нежные одновременно. Но больше всего меня изумляет другое: прекрасно зная, кто я такая, он спокойно целует меня, как будто это его совсем не пугает.

Я не говорю Тру, что сегодня мы с ним видимся в последний раз.

Мама была права: всего одно-единственное слово способно разрушить то, что создавалось годами, одно слово может быть услышано многими.

Сначала Джастус, потом – Майра, а вот теперь – Тру. Кто из них троих опаснее?

Я знаю ответ на этот вопрос. И знаю его уже какое-то время.

Глава 18

Рано утром повсюду транслируют специальное обращение Верховного Жреца к жителям Атлантии. Невио сообщает, что брешь на Нижнем рынке стала результатом страшной аварии. Вода хлынула с такой силой и прибывала с такой скоростью, что пришлось загерметизировать рынок, во избежание угрозы затопления соседних районов.

Погибли сотни людей. Количество жертв настолько велико, что у Совета нет возможности предоставить родственникам время на подготовку тел своих близких для погребальной церемонии. Жрецы будут с утра и до поздней ночи молиться за усопших и укутывать их тела в саваны. Тела решено отправлять Наверх через шлюзы партиями. Времени для того, чтобы попрощаться с каждым погибшим в отдельности, нет. Невио сообщил, что прощание с первой группой состоится завтра утром.

Из-за брешы, образовавшейся на Нижнем рынке, мы потеряли за один день больше людей, чем за целый год во всей Атлантии. Это ужасная трагедия.

А я – ужасный человек, потому что рассматриваю эту трагедию как свой шанс, благоприятную возможность бежать через шлюзы.

Да я на такое даже рассчитывать не могла.

Массовые похороны – идеальное прикрытие для моего побега Наверх.

Вместо одного тела туда одновременно отправятся дюжины. Я надену гидрокостюм Бэй, тот, который, в отличие от моего, остался целым, и подыщу мантию, чтобы замотаться самой и замаскировать баллон с воздухом.

Пришел мой черед уйти Наверх.

Я жду до поздней ночи, когда даже жрецы позволяют себе лечь спать, и прокрадываюсь в морг. Там я выбираю из кучи саванов один и заматываю его поверх гидрокостюма и баллона с воздухом. Трупы лежат рядами, я тоже ложусь и, предварительно убедившись, что ремни баллона с воздухом надежно закреплены, натягиваю саван на лицо.

Я лежу на холодном полу и жду. Все время прикидываю: правильно ли рассчитала время и, вообще, сработает мой план или нет.

А потом в покойницкую начинают заходить люди. Они переходят от одного тела к другому. Скоро и моя очередь. Я замерла и стараюсь не дышать.

Меня переносят из морга в другое помещение. Гулкое эхо и запах соленой воды подсказывают мне, что это шлюзовая камера. Работники морга несут меня на носилках, так что мне повезло – к баллону они не прикасаются, а потом перекалывают на каменный пол. Я слышу, как рядом укладывают тела погибших. Каменный пол очень жесткий.

У меня появляется дурное предчувствие, и холодок пробегает по спине.

Что, если все закончится здесь? Вдруг я утону, так и не выбравшись из этой шлюзовой камеры?

«Думай о чем-нибудь другом, – говорю я себе. – Думай о Тру».

Наблюдает ли он вместе с остальными за проводами погибших? Тру не знает, что я здесь, лежу среди мертвых тел, но очень скоро он поймет, что я каким-то образом покинула Атлантию. Я хотела оставить ему записку, но потом передумала. Во-первых, это рискованно (кому доверить передать записку?), а во-вторых, просто ни к чему.

Вчера вечером, в гондоле, я во всем ему призналась. Правда, я не рассказала ему, когда именно собираюсь уйти, но он знает, что я всегда хотела это сделать, и он знает, как сильно я скучаю по своей сестре.

В конце концов Тру решит, что я люблю Бэй больше, чем его. Правда ли это? Ну, в определенной степени. Я люблю ее значительно дольше.

Проходит несколько минут, и жрецы начинают читать над нами молитвы. Они произносят их в унисон, и я не могу различить в общем хоре голос Джастуса.

Я изо всех сил стараюсь не выдать себя. Жрецы повсюду, они ходят между телами покойников. Может ли кто-нибудь из них заметить, как я дышу? Маску я уже надела, баллон еще не открыт, регулятор подачи воздуха я сжимаю в руке. Чтобы включить подачу воздуха, потребуется лишь одно движение, и я надеюсь, что никто его не заметит. А когда я все подключу, мне останется только надеяться, что воздух в баллоне качественный, а подъем будет не очень быстрым и мои легкие не разорвутся.

Жрецы заканчивают читать молитвы; я слышу, как они уходят. За ними закрывается дверь, и в шлюзовой камере остаются только покойники. И еще я.

Откуда-то сверху за происходящим наблюдают члены Совета и Невио. А Майра? Она с ними?

Вода из ртов богов льется на каменный пол. Я думаю о Тру. Простит ли он меня, когда узнает о моем решении? Надеюсь,

он догадывается о моих чувствах к нему, и понимает, что я совсем не хотела, чтобы все было именно так. Но разве у меня был выбор?

Саван очень быстро намокает.

В последний раз я была здесь вместе с Майрой. Именно тогда мне и пришла в голову идея сбежать через шлюзы.

Это идеальный способ побега. Но это еще и идеальный способ избавиться от последней дочери Океании, Верховной Жрицы, которая слишком много знала. Члены Совета убили мою маму. Могли ли они попросить Майру убить и меня тоже?

«А вдруг побег через шлюзы – вовсе не моя идея? Что, если эту мысль мне внушила Майра?»

Нельзя позволить даже капельке страха просочиться в твою душу. Это как с течью на Нижнем рынке. Появляется маленькая брешь, и очень скоро вода заливает все вокруг, а потом уже никто не знает, что будет дальше.

«Не паникуй. Не бойся. Ты предназначена для мира Наверху. Твой внутренний голос всегда об этом говорил. Доверься ему».

Хорошо, что я тренировалась на плавательных дорожках. Когда вода начнет поднимать меня, мое тело закрутит и надо будет высвободиться так, чтобы движения оставались незаметными. Я стараюсь поднять голову и надеюсь, что среди стольких трупов наблюдатели этого просто не увидят. Потом подключаю воздух, и он начинает поступать из баллона в маску.

Я поднимаюсь все выше и выше, я ухожу Наверх.

Когда тела отрываются от пола, напор воды увеличивают. Искусственные потоки отталкивают нас от стен к центру. Тела налетают друг на друга и на меня.

К горлу, хотя я сегодня ничего и не ела, подкатывает тошнота.

«Не думай ни о чем. Просто дыши».

Вода холодная. Это чувствуется даже через гидрокостюм. Я знаю, что в океане у меня от переохлаждения может случиться шок и никакой костюм тогда не поможет.

Вверх. Вверх.

Саван соскальзывает с моего лица. Наверное, я не очень плотно его замотала. Теперь уж ничего не поделаешь. Я открываю глаза.

Створки наверху начинают распахиваться, а мне остается только смотреть, ждать и сдерживать себя, чтобы не поплыть к выходу.

Какой яркий свет. Очень яркий. Интересно, он настоящий или искусственный? Не думаю, что солнечные лучи способны пробиться на такую глубину, хотя я, конечно, могу и ошибаться.

Некоторые тела поднимаются к выходу из шлюзовой камеры раньше меня.

Они словно бы светятся, просто сверкают, а потом исчезают.

Может, это и есть третье чудо? А верю ли я в чудеса?

Да, верю. Я верю в сирен, потому что они существуют и потому что я – одна из них. Я верю в летучих мышей, потому что я их видела. Я очищала за ними деревья при храме и восхищалась тем, какие красивые у них крылья. И поэтому то, что происходит сейчас, вполне может оказаться третьим чудом.

Но что это? Становится темнее. Темнота. Она засасывает, засасывает меня всю, пожирает мою душу.

Неужели я умираю?

Створки начинают сдвигаться к центру, они не открывают выход, они его закрывают.

«Открывайтесь, – говорю им я. – Не смейте закрываться. Выпустите меня».

Но это не срабатывает. Почему? Из-за того, что я в маске? Потому что я слишком далеко от выхода?

Вода опускается.

Это члены Совета опускают меня обратно.

Они все знают.

Глава 19

Но откуда они узнали?

Неужели Невио каким-то образом сумел меня вычислить?

Или я сама себя чем-то выдала? Кто-то заметил, как соскользнул саван, или увидел, как я двигаюсь?

Мне хочется натянуть саван обратно, но я не могу так рисковать. Вдруг шлюз закрыли по какой-то другой причине. Может, это вовсе даже не из-за меня.

Опускаясь вниз, я вижу, как потоки воды, закручиваясь, устремляются к полу. Моя голова раскачивается, и вода попадает в маску. Похоже, я недостаточно плотно ее надела. Я начинаю захлебываться, мое тело конвульсивно дергается. Мне нечем дышать, и я слишком резко двигаюсь. Дотягиваюсь рукой под саваном до маски, пытаюсь все исправить и по-прежнему еще надеюсь, что никто этого не заметит.

Вода уходит, я оказываюсь на полу шлюзовой камеры. Лежу неподвижно, словно труп.

У меня даже не получилось подняться к выходу.

Несколько долгих минут я лежу среди замотанных в саваны мертвых тел и стараюсь не сделать глубокий вдох или выдох. Я заставляю себя не дрожать от холода и слушаю, как последняя вода уходит через пол шлюзовой камеры.

Стражи порядка сразу препровождают меня в изолятор. Это маленькая комнатка с черным стеклом в окне, со столом и двумя стульями. Больше здесь ничего нет. Но стулья очень красивые, из дерева, резные – это настоящее сокровище из мира Наверху. Кому нужна такая мебель в изоляторе?

Воздух из вентиляции поступает просто ледяной, но мне все равно не дали никакой одежды. Я стою в центре комнаты вся мокрая в своем гидрокостюме и дрожу от холода.

«Я жива, – думаю я, – и меня поймали».

В комнату входит Майра, за ней из коридора врывается поток теплого воздуха.

Сейчас тетя выглядит совсем не так, как в нашу последнюю встречу. Тогда Майра была такая измотанная, что казалось, ей плевать на свою внешность. А сейчас она выглядит очень ухоженно. Волосы заплетены почти как у нас с Бэй в тот день в храме и перевязаны лентой из коричневого бархата. Одежда тщательно выглажена, ни единой морщинки.

– Сделайте в комнате нормальную температуру и принесите девочке сухую одежду. И побыстрее, – приказывает Майра

охранникам своим выразительным и очень опасным голосом.

Потом она поворачивается ко мне:

– Рио, меня специально послали поговорить с тобой. Садись.

Я остаюсь стоять. Во-первых, не собираюсь ей подчиняться. А во-вторых, боюсь испортить старинное дерево, из которого сделан стул. Соленая вода может его повредить.

– Члены Совета собирались допросить тебя, – начинает Майра. – Они хотели узнать, почему ты пыталась бежать через шлюзы. Я сказала, что в этом нет необходимости. Что ты просто очень скучала по сестре, вот и решила на такую глупость.

Я молчу.

– Что-то ты совсем притихла, Рио, – замечает Майра. – Не хочешь нам ничего рассказать? – Она показывает на затемненное окно в конце комнаты.

Интересно, сколько людей нас слушает?

Я знаю, к чему меня подводит Майра.

Не уверена, что слышу это в ее голосе или вижу в глазах, но я знаю. Она не приказывает, она меня просит.

Тетя хочет, чтобы я сказала, что я – сирена.

Чтобы я призналась прямо сейчас, стоя перед нею и перед теми людьми, которые наблюдают за нами сквозь черное стекло. Майра хочет, чтобы я себя выдала, хотя до этого постоянно твердила, что я не должна растрачивать понапрасну свой голос.

В дверях появляется охранник. Он принес одежду: рубашку, брюки, белье, носки. Все сухое. Я так замерзла, что у меня даже зубы стучат, и хочу поскорее переодеться. И еще охранник принес одеяло. Майра берет одеяло и, как ширмой, закрывает меня им от окна.

– Давай переодевайся, – командует тетя.

Одно дело не подчиниться Майре, когда та предложила мне сесть. И совсем другое сейчас. Мне так холодно, что я не спорю и быстро, как только могу, надеваю белье, потом – брюки и рубашку. Окоченевшие пальцы с трудом справляются с пуговицами.

– Закончила? – спрашивает Майра и, не дождавшись ответа, опускает одеяло. – Ну вот так-то лучше.

Потом она берет меня за подбородок и смотрит прямо в глаза.

– Рио, время пришло. – Тетя наклоняется и шепчет мне на ухо: – Ты должна сказать нам, кто ты.

Потом она отстраняется и продолжает сильным, ясным голосом:

– Люди Наверху устали нам помогать. Наши шахты опустошены и теперь для них бесполезны. Они перестали

поставлять нам продукты. Наши ресурсы на исходе. И ты знаешь, что произошло на Нижнем рынке.

Неужели она намекает, что люди из мира Наверху каким-то образом устроили на рынке ту брешь?

Открывается дверь, и в комнату входит Невио. Значит, это он был там, за черным стеклом.

– Ты слишком много всего наговорила, – пеняет он Майре. – Как всегда.

– Я права. Как всегда, – отвечает ему моя тетушка. – Рассказав Рио о том, что происходит, я дала Атлантии шанс.

Она кивает в мою сторону и одними губами говорит: «Скажи это». Но она по-прежнему не приказывает мне. Почему? Почему даже сейчас Майра хочет, чтобы у меня оставался выбор?

Я ничего не понимаю. Они работают вместе, это ясно, но я не чувствую в их отношениях теплоты или хотя бы намек на взаимное уважение. Больше того, когда Майра обращается к Невио, я слышу, как внутри ее закипает ненависть, которую она даже не пытается как-то скрыть.

Мы встречаемся взглядами.

– Рио, это последняя возможность, – говорит Майра. – Наше время заканчивается. Если хочешь подняться на поверхность, это твой шанс.

Моя мама доверяла Майре. И Бэй тоже. Майра дала мне раковину и рассказала много такого, о чем я и понятия не имела. И в любом случае у меня нет другого способа выбраться отсюда. Придется ей поверить.

Я хочу заговорить, хочу подняться на поверхность.

Моя попытка уйти самостоятельно провалилась. И поэтому я делаю это. Я говорю своим настоящим голосом. Я говорю то, что хотела сказать вслух всю свою жизнь:

– Я – сирена.

Майра закрывает глаза.

Это правда. Я говорю, кто я, и заявляю об этом во весь голос.

Мой голос звучит так мощно, что кажется, сердце у меня сейчас разорвется. Или выскочит из груди.

Я – сирена.

Глава 20

Невио изумленно смотрит на меня.

– Но это невозможно, – заявляет он. – Ты же кровная родственница Майры.

– И тем не менее она сирена, – подтверждает Майра. – Ты слышал ее.

Невио продолжает смотреть на меня. Потом он улыбается.

– Отведи Рио в мой кабинет, – говорит он и выходит из комнаты, а мы с тетей остаемся одни.

– Почему именно сейчас? – спрашиваю я, как только за Невио закрывается дверь.

Я спрашиваю своим фальшивым голосом, а это не просто, после того как я воспользовалась настоящим.

Майра берет меня за руку. Я пытаюсь вывернуться, но хватка у нее крепкая.

– Так, хорошо, – кивает Майра. – Продолжай и дальше говорить своим старым голосом. Настоящий побереги. Он тебе еще понадобится Наверху.

А потом нас догоняют стражи порядка, и Майра меня отпускает.

Я думала, что они отведут нас в кабинет Невио в храме, но вместо этого нас ведут по длинному коридору к другой двери. Значит, у Невио есть также кабинет и в одном из зданий Совета. Маме тоже предлагали такой, но она никогда им не пользовалась. Ей нравилось делать всю работу в храме.

Страж порядка распахивает перед нами дверь, а я стою с открытым ртом и не могу сдвинуться с места.

Вот это кабинет! Я в жизни еще ничего подобного не видела. Инкрустированный стол просто громадный, а все стены обшиты деревянными панелями. У меня такое ощущение, что я стою внутри дерева, в самой сердцевине, и мне это не нравится.

– Мы должны взять ее с собой Наверх, – говорит Майра.

– Мне следовало догадаться. – Невио обходит меня кругом. – Этот невыразительный голос – явный признак того, что человек что-то скрывает. – Он смеется, вот уже действительно противный звук: в нем есть злость и высокомерие, но нет ни капли веселья. – Давно ты узнала?

– Недавно, – отвечает тетя. – Я услышала Рио в храме в тот день, когда ее сестра ушла Наверх.

– И скрыла это от меня?

– Скрыла, – признает Майра.

– Еще кто-нибудь тебя слышал? – спрашивает меня Невио.

– Джастус слышал, – говорит Майра.

– Джастус, – повторяет Невио с таким пренебрежением в голосе, словно Джастус – пустое место. – Больше никто?

Верховный Жрец с высокомерным видом рассказывает по кабинету, Майра хладнокровно предаёт меня, и оба не обращают на меня никакого внимания. Я сказала им, кто я, но ничего не изменилось...

– Ещё тот парень, с которым Рио везде ходила, – говорит Майра, и я вскидываю голову. – Его зовут...

– Хватит! – Я не сдерживаю себя и говорю это в полную силу.

На одну очень, очень долгую секунду они оба действительно замолкают, а Невио к тому же перестаёт ходить по кабинету.

Потом Майра заканчивает фразу:

– Тру Бек.

Нет. Только этого ещё не хватало. Как она узнала?

– Впечатляюще, – говорит Невио.

Верховный Жрец разглядывает меня так, словно я не живой человек, а какая-нибудь необычная статуэтка или строчка из священной книги, которую следует расшифровать.

– Она сказала нам: «Хватит!» – и мы подчинились. Сколько это продолжалось? – спрашивает он Майру.

– Со мной – несколько секунд, – отвечает она. – А с тобой?

– Столько же, – кивает Невио.

Выходит, я на несколько секунд подчинила их обоих своей воле.

Невио разглядывает меня и что-то прикидывает в уме. Изменил свое решение на мой счёт? Хотя с какой стати он должен это решать. Он ничего не решает.

– Я уйду Наверх, – говорю я своим настоящим голосом.

Я всегда это знала, с тех самых пор, как только начала думать и чувствовать. Теперь, когда я произнесла это вслух и услышала свой голос, у меня не осталось никаких сомнений. Майра осуждающе качает головой. Она не хочет, чтобы я понапрасну растрачивала свой голос. Но для чего я должна его беречь? Почему теперь это вдруг стало так важно? И я повторяю:

– Я уйду Наверх.

– Хорошо, – соглашается Невио и обращается к Майре: – Позаботься обо всем. Как только они пришлют транспорт, мы уходим.

Стражей порядка нигде не видно. Здания Совета соединяют петляющие проходы. Раньше я видела их только снаружи – оштукатуренные стены песочного и карамельного цвета и очень красивая лепнина.

– Я знаю: ты меня ненавидишь, – произносит Майра, когда мы с ней идем по коридору.

Я не собираюсь это отрицать.

– Ты говорила, что у меня будет выбор.

– Наше время заканчивается, – поясняет Майра. – Если ты не уйдешь с нами сейчас, то останешься Внизу навсегда. И потом, ты ведь сама приняла окончательное решение: ты только что произнесла это вслух. И очень хорошо. Потому что против твоей воли *это* не сработает.

– Что не сработает? – спрашиваю я. – Что я должна буду сделать Наверху? Зачем ты рассказала Невио о Тру?

Майра не отвечает. Она притягивает меня к окну в одном из длинных коридоров:

– Посмотри. Здесь все разваливается.

Площадь затопило. Не очень сильно, всего на несколько дюймов. Это так красиво, просто глаз не оторвать. Площадь блестит, как озеро на картинах, где был запечатлен мир еще до Великого Раздела. Голые серебристые деревья отражаются в воде, и кажется, что их стало в два раза больше: одно дерево в воде, а второе – над водой.

– Еще одна проблема, – говорит Майра. – Началось вчера вечером. Небольшая течь, вода поступает медленно, но мы пока не в силах ни залатать дыру, ни осушить площадь.

– Как ты можешь работать с Невио? – возмущаюсь я. – Он ведь был среди членов Совета, которые убили нашу маму.

– Рио, ты ведь знаешь, кто он.

Значит, и Майре тоже известно, что Невио – сирениус. Ну что же, меня это не удивляет.

– Да, знаю, – отвечаю я, не скрывая ненависти. – И еще я знаю, что ты дала Невио раковину. Я видела ее в сейфе у него в кабинете. Ты – предательница и его соучастница.

– Я никогда не разговаривала с Невио таким способом, – говорит Майра. – Кроме тебя, я разговаривала через раковину только с одним человеком, со своей сестрой Океанией.

За окном стражи порядка подсказывают людям, как обойти затопленную площадь. Майра прикасается к стене возле окна, а я думаю: интересно, есть ли и в этих стенах голоса?

– Та раковина, которую ты нашла в его кабинете, она была белая? – спрашивает Майра.

– Да.

– Через эту раковину мы переговаривались с Океанией. Уже ближе к концу, когда они начали за ней следить, – объясняет тетя. – Раковина была с ней, когда ее отравили. Никогда не забуду, как сестра шептала мне о том, что они сделали.

А потом наступила тишина. – Глаза у моей собеседницы сухие, но голос звучит прерывисто и печально. – Невио забрал у нее раковину, перед тем как она убежала. Он понимал, что раковина непростая, но не знал, для чего она служит и как ею пользоваться. Думаю, что Невио не видел, как Океания говорит в раковину. Так что неудивительно, что он оставил ее у себя. Невио не любит загадки.

– Мама пыталась оградить тебя от опасности, – говорю я. – Но ты ничего для нее не сделала. Хороша сестра!

Майра отворачивается от воды, а я делаю шаг назад. Впервые я замечаю, как они с мамой похожи. У мамы тоже бывали такие усталые глаза, но сейчас Майра кажется мне вконец измотанной.

– Мне надо, чтобы ты на секунду забыла обо всем и сделала то, что умеешь делать лучше всего, – просит Майра. – Просто послушай.

– Тебя?

– Город.

И я слушаю. Против своей воли, но слушаю. Атлантия больше не кричит, она дышит, как ребенок, который очень долго плакал и выплакал все слезы, а теперь совсем обессилен и только тихонько всхлипывает. Я слушаю звуки Атлантии и смотрю на нее в окно: цветные дома, металлические заклепки, серебристые деревья, небо и люди, такие уверенные в том, что боги им благоволят.

– Когда я впервые тебя услышала в тот день в храме, – говорит Майра, – то поняла, что нам без тебя не обойтись. Я поняла, какой могущественной ты можешь быть. Тебе приходилось скрывать свой голос, а это значит, что, когда ты заговоришь в полную силу, ты будешь обладать неограниченной властью, которую мы все успели утратить.

– А мама знала об этом? – спрашиваю я.

Может, она пыталась не только спрятать меня, но и сделать сильнее?

Майра улыбается:

– Да, конечно. Правда, если заставлять сирену скрывать свой голос, это может привести к обратному эффекту. Если ребенок недостаточно силен, это может его уничтожить.

Вот это я ненавижу в Майре больше всего. В тот момент, когда она говорит о чем-то, что я отчаянно хочу узнать, она дает мне страшные ответы на вопросы, которые я никогда и не думала ей задавать.

– Я долго ждала, когда ты примешь решение, – говорит Майра. – Но больше я ждать не могу. Время на исходе. Если ты к нам присоединишься, у нас может все получиться. Мы очень

во время тебя нашли. – Она качает головой и печально улыбается. – Как могла Океания так долго скрывать тебя от меня, своей родной сестры? Особенно после того, как мы снова стали друзьями, уже ближе к концу, когда она рассказала мне обо всем остальном?

Майра говорит о моей маме, я слышу в ее голосе нежность, и это просто невыносимо.

– Не говори о ней.

– Ты не позволяешь мне говорить о своей родной сестре? – В глазах тетушки вспыхивают недобрые искры, но она сдерживается и не повышает голос. – Хорошо. Тогда давай продолжим беседовать о тебе и твоём невероятно полезном голосе. Он такой чистый и нетренированный. Самый сильный голос из всех, что я слышала.

Это никак не может быть правдой.

– Но Верховный Жрец... – начинаю я.

Майра качает головой:

– Невио не такой сильный, как ты. Но у него необычный талант, я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из нас мог маскировать свой настоящий голос так, как это делает он. Все в мире постепенно меняется. Верховный Жрец способен прятать и использовать свой голос. Ты и я из одного рода, и мы можем манипулировать не только людьми, но и неодушевленными предметами. Похоже, даже чудеса со временем приобретают новые качества.

Тут я полностью с ней согласна. Взять, например, летучих мышей. Их крылья в Атлантии стали голубыми, как стекло и вода. Они изменились, чтобы соответствовать новой среде обитания. А теперь мыши умирают.

– Сейчас Верховный Жрец как раз беседует с остальными сиренами, – продолжает Майра. – Он рассказывает им о том, что мы – последний шанс Атлантии. Видишь ли, Рио, мы отправляемся Наверх, чтобы напомнить людям из того мира об их месте в этой жизни и о нашем тоже. Невио скажет сиренам, что люди Наверху устали поставлять нам все необходимое и решили положить этому конец. Верховный Жрец скажет им, что наша миссия жизненно важна для Атлантии. И это чистая правда.

– Атлантия погибнет без нас?

– Да, – кивает Майра. – Так и будет. Две недели назад нам перестали поставлять продукты, и наши склады почти опустели. Город разрушается, а у нас нет материалов, чтобы его отремонтировать.

Майра не использует свой голос, чтобы убедить меня. Ей это

и не нужно. По-моему, она говорит вполне разумные вещи, я только не могу понять, почему люди Наверху так долго терпели. Я вполне допускаю, что они могут нас ненавидеть. Почему они должны заботиться о том, чтобы мы жили лучше их самих? А еще у меня такое ощущение, как будто Майра чего-то недоговаривает. Я уверена в этом.

– Они хотят забрать Атлантию себе? – спрашиваю я. – Им нужен наш прекрасный город?

– Они хотят нашей смерти. – Майра говорит очень тихо, ее голос звучит так, как звучал в раковине. – Это они установили мины, чтобы мы не могли подняться на поверхность. Им безразлична судьба Атлантии.

Значит, Джосайя меня обманывал либо сам не знал правду. Люди из мира Наверху установили в воде мины, чтобы никто из нас не смог бежать из Атлантии.

Им плевать на нас и плевать на наш город.

Я всегда хотела уйти из Атлантии, но я никогда не хотела, чтобы она погибла.

Храм с деревянными дверями цвета морской волны и ржавые петли на этих дверях. Площадь, которая теперь блестит от воды. Боги на ветках деревьев и листья, которые мы так заботливо прикрепляли обратно; дома, выкрашенные в розовый, голубой, белый и оранжевый цвета. Шахтные отсеки, чудесные дроны, темная «Комната океана» и кусочки металла, поблескивающие в «Комнате неба». Заостренные носы и гладкие корпуса гондол, их плавное движение по каналам. Жрецы в мантиях одного цвета и советники в мантиях другого. Рабочие, которые бросают золотые монетки в пруды желаний, и дети, которые, распевая песни, быстро бегут через площадь, широко раскинув в стороны руки.

И Тру. Ну конечно же, Тру.

– Все это мы можем потерять, – заключает Майра. – Нам нужно, чтобы ты была с нами. Ты пойдешь с нами, Рио?

Она так задает этот вопрос, что я могу дать на него только один ответ.

Глава 21

Стражи порядка проводят меня и Майру по тоннелю за зданиями Совета прямо к транспорту. Ждут только нас, все сирены уже прибыли. Я быстро пересчитываю их по головам. Включая Майру, двадцать семь: гораздо меньше, чем я ожидала. Одна из сирен спрашивает, кто я такая, и я сразу узнаю ее по голосу. Это она обращалась к горожанам по радио во время затопления Нижнего рынка.

– Это Рио, тоже сирена, – представляет меня тетя. – Она сумела остаться незамеченной до сегодняшнего дня.

– Мы можем послушать, как она говорит? – спрашивает мужчина-сирениус.

– Нет, – решительно заявляет Майра. – Невио хочет, чтобы она поберегла свой голос, так он будет сильнее.

Я вижу, что сирены заинтригованы, но тон, которым отвечает Майра, удерживает их от дальнейших расспросов.

Я – самая молодая сирена на транспорте.

– Так, значит, я – последняя? – шепотом говорю я Майре.

– Насколько я знаю – да, – отвечает она. – Но я думаю, что, если Атлантия уцелеет, появятся и другие.

Нам раздают голубые мантии. На секунду я даже теряю дар речи от такой красоты. Ткань переливчатая, бирюзового цвета с золотыми, серебряными, зелеными, белыми и даже черными нитями. Такое ощущение, что я надеваю на себя океан. Мантия на ощупь старинная, сохранилась еще с лучших времен.

– Сирены надевали их, когда поднимались на поверхность, – объясняет Майра. – Ткань сделана по уникальной технологии нашего мира, теперь секрет ее изготовления уже утерян.

Я продеваю руки в рукава. А еще всем гримируют лица, в том числе и мужчинам-сирениусам. Скулы и контур лица затемняют. Теперь мы напоминаем удивительных остроголовых существ, которых Наверху называют птицами. Я видела их изображения в книгах.

Нетрудно догадаться, что для людей из верхнего мира мы должны выглядеть как сверхъестественные существа, сильные и ни на кого не похожие. Это необходимо, чтобы произвести на них впечатление и подчинить их своей воле.

– А маски нам не нужны? – спрашиваю я. – Разве там безопасно дышать?

– Сегодня мы обойдемся без масок, – отвечает Майра. – Так наши голоса будут сильнее.

Сирены решили соблюдать вежливость. Правда, некоторые

держатся настороженно, но большинство смотрят на меня даже с некоторым уважением.

– Дочь Океании – сирена, – говорит одна из них.

Значит, они догадались, кто я.

– Видишь? – улыбается Майра. – Не ты одна считаешь ее.

Все говорят о моей маме, а я не могу перестать думать о Бэй. Вполне возможно, что она поднялась Наверх именно на этом транспорте.

«Я тоже отправляюсь на поверхность».

Жаль, что здесь нет окон. Мне бы хотелось посмотреть, как это – подниматься Наверх.

– Тебе понравится, – говорит сирена, которая наносит мне на лицо переливающуюся всеми цветами радуги пудру. – Знаешь, что они там думают о нас? – Сирена улыбается. – Люди Наверху полагают, что мы – боги. – Она достает черный карандаш и подводит мне глаза. – Это так опьяняет.

– Настоящая магия, – добавляет другая сирена.

– Откуда вы это знаете? – спрашиваю я. – Кто-нибудь из вас прежде уже бывал Наверху?

И вообще, что им известно об истории мира Внизу, о той женщине, чей голос давала мне послушать через раковину Майра?

Все сирены смолкают.

– Нет, – говорит Майра. – Никто из них никогда не бывал Наверху.

– Но Невио и члены Совета рассказали нам о том, как это будет, и мы готовы, – объясняет еще одна сирена. – После этого люди Атлантии снова нас полюбят. Мы подарим им третье чудо.

Майра улыбается, но улыбка у нее безрадостная. Она не верит в то, что люди Наверху до сих пор думают, будто мы боги. Она не верит в то, что люди Внизу будут нам поклоняться и снова нас полюбят.

Тетя встречается со мной взглядом, а я думаю: «Люди Внизу никогда не узнают о том, что сегодня сделают сирены. Невио попросту им этого не расскажет. Если ничего не выйдет, Атлантия погибнет, а если все получится, наш город продолжит жить своей жизнью. Невио никогда не признает, что спасение Атлантии – заслуга сирен».

– Мир Наверху – это большой остров, окруженный островами поменьше, – говорит Майра. – Док для транспорта расположен на одном из этих маленьких островов. Мы высадимся на платформу и подождем, когда придут встречающие.

– Это то же самое место, куда поднялся транспорт с Бэй? – спрашиваю я.

– Да, – кивает Майра. – Это место встречи представителей двух миров со времен Великого Раздела.

– Как все должно пройти? – интересуюсь я.

– Считается, что наши голоса на поверхности звучат еще сильнее, – объясняет сирена с Нижнего рынка; у нее очень чистые, успокаивающие интонации. – Когда мы заговорим, они будут распространяться намного дальше и звучать дольше. Как только мы прикажем что-то, никто не сможет нам противостоять, у жителей верхнего мира не бывает иммунитета против сирен. Если они попробуют уклониться, то наши голоса будут звучать у них в головах даже после нашего возвращения в Атлантию. Наши голоса будут преследовать их повсюду. Вот почему люди когда-то, еще давно, решили не пускать нас Наверх. Но Совет постановил, что теперь для нас пришло время вернуться.

– Кто вам все это рассказал? – спрашиваю я.

– Это знание передавалось из поколения в поколение, – отвечает Майра. – От сирены к сирене.

Если бы я могла быть уверена в том, что она говорит правду. Как бы мне хотелось ей верить. Как бы мне хотелось полюбить ее.

Я задаю следующий вопрос:

– Но если мы действительно способны на такое, как же нам позволили снова подняться Наверх?

– Это Невио все организовал, – говорит Майра.

Дверь в транспорт открывается, и появляется Верховный Жрец собственной персоной. Все сразу замолкают.

Невио проходит перед сиренами, словно мы прислужники в храме, которые выстроились в ряд в ожидании его распоряжений.

– Сирены, – говорит Невио, – наш долг – напомнить людям из мира Наверху об их месте в существующем порядке.

Значит, сиренам известно, кто он. Невио сказал «наш долг», и он произнес это, не скрывая свой настоящий голос.

– Мы должны напомнить жителям этого мира об их обязанности чтить богов. Между прочим, да будет вам известно, члены Совета верхнего мира и сами считают, что люди Наверху стали слишком пренебрегать собственной религией. И они дали согласие на то, чтобы мы поднялись сюда и напомнили здешним обитателям о справедливости Великого Раздела.

Невио смотрит на Майру. Та ему улыбается, но это самая холодная улыбка, какую мне только доводилось видеть.

– Мы тут пытались решить, что нам следует делать: приказывать или убеждать, – говорит одна из сирен. – И еще, как нам лучше говорить: хором или по отдельности?

– Понятно, – отвечает Невио. – Я думаю, надо приказывать.

Как иначе мы сможем быть уверены в том, что они нас слушают? Что же касается второго вопроса... Давайте я вас послушаю.

Сирены с готовностью кивают. Давно ли они знают о том, что Невио – один из них? Давно ли они попали под его влияние?

– Что даровано нам, живущим Внизу? – спрашивает Невио, этот могущественный сирениус.

Его голос как мед и кровь, в нем есть мрак и тепло, он золотой от света и полон теней. Это прекрасный и очень страшный голос, он одновременно вдохновляет и парализует. У меня перехватывает дыхание. Невио это замечает и улыбается.

– Долгая жизнь, здоровье, сила и счастье, – отвечают сирены, а я боюсь даже пошевелиться.

Никогда ничего подобного не слышала. Мое сердце наполняет радость. Их голоса так прекрасны, в них чувствуется столько силы. Они – ангелы, которые поют своему богу, в их голосах звучат надежда и вера.

Но их вера направлена не в то русло.

Невио забрал их силу и обратил ее на себя. Неужели сирены этого не понимают?

– В чем проклятие живущих Наверху? – спрашивает Невио.

– Короткая жизнь, болезни, немощь и нужда.

– Справедливо ли это?

– Справедливо. Так предопределили боги во время Великого Раздела. Кто-то должен оставаться Наверху, чтобы человечество могло выжить Внизу.

Они проговаривают все это до конца. И только мы с тетушкой не присоединяемся к общему хору.

– Майра и новая сирена не сказали ни слова, – замечает кто-то, когда ритуал заканчивается.

– Все правильно, – поясняет Невио. – Они получили указание беречь свои голоса. Некоторые сирены, те, которые в отличие от вас не так хорошо подготовлены, могут использовать свой голос только один раз за несколько часов. – Верховный Жрец улыбается. – Но это не значит, что они нам не пригодятся.

Я понимаю, что это оскорбление, а еще понимаю, что Невио лжет. Он знает, что мы с Майрой могущественные сирены. Почему он изображает, будто это не так?

– А теперь, – говорит он, – давайте попробуем по-другому.

На этот раз сирены говорят каждая на свой лад. Они говорят одно и то же, но вразнобой, каждая сирена использует индивидуальную силу своего голоса – они кричат, визжат, поют, шепчут, зовут.

Теперь все звучит совершенно иначе: столь мощный натиск вызывает тревогу и вселяет ужас. У меня словно кости

выворачиваются из суставов и скребут друг о друга, мозг зудит и кровь закипает.

– Хором, – выносит свое решение Невио. – Вы будете говорить хором. Вы все хорошо подготовлены и знаете слова ритуала.

Я тоже знаю слова, потому что прежде слышала их в храме, но теперь они, как литания, отпечатались у меня в мозгу.

– Мы готовы, – заключает Невио. – Увидимся на поверхности.

– Разве вы не пойдете вместе с нами? – растерянно спрашивает одна из сирен.

– Я поднимусь сразу после вас на другом транспорте, – успокаивает ее Невио. – Как Верховный Жрец, я должен еще совершить богослужение. Один, на благо нашего общего дела. Но я очень скоро встречу с вами Наверху. И я благословляю вас.

Невио кивает всем нам и исчезает за дверью транспорта. Как только он уходит, дверь плавно закрывается, и я слышу, как щелкает замок. Теперь, когда дверь закрыта, трудно определить, где ее границы, настолько идеально она сливается со стенами. Внутри не имеется ни ручки, ни замка.

– Теперь обратного пути нет, – говорит одна из сирен. – Дверь закрыта и откроется, только когда мы окажемся на поверхности.

Другая сирена, по виду ровесница моей мамы, садится напротив меня.

– У тебя грим потек, – говорит она, достает платок и вытирает мне щеки.

Похоже, она совсем не удивлена, я даже думаю, что она все понимает. Разве я могла не заплакать от пения сирен, которое было жутким и прекрасным одновременно?

– Мне кажется, все это неправильно, – заявляю я. – К чему этот грим? Нам, наоборот, следует стараться как можно больше походить на людей. И мы должны не приказывать обитателям верхнего мира, а попробовать поговорить с ними. Нам надо умолять людей, убеждать их в том, что они сами хотят этого. Будет лучше, если мы сперва используем свои голоса, а потом позволим им самим сделать выбор. Тогда люди Наверху не будут нас ненавидеть.

Сирены смотрят на меня так, как будто я говорю на каком-то незнакомом им языке.

– Это твоя идея, Майра? – спрашивает одна из сирен. – Очень на тебя похоже.

– Не понимаю, почему Верховный Жрец и Совет вообще позволили тебе пойти с нами, – с нескрываемым презрением говорит мужчина-сирениус моей тете.

Я ушам своим не верю. Как он может так пренебрежительно обращаться к Майре? Неужели не знает, на что она способна?

– Потому что я могущественная сирена, – отвечает ему Майра. В ее голосе нет злости, только грусть. – И Верховный Жрец, и члены Совета знают об этом. До сегодняшнего дня я всегда была нужна им живой.

До сегодняшнего дня? Что Майра имеет в виду?

Почему она постоянно чего-то недоговаривает?

Я вспоминаю то, что она сказала мне раньше: «Сейчас Верховный Жрец как раз беседует с остальными сиренами. Он рассказывает им о том, что мы последний шанс Атлантии. Видишь ли, Рио, мы отправляемся Наверх, чтобы напомнить людям из того мира об их месте в этой жизни и о нашем тоже. Невио скажет сиренам, что люди Наверху устали поставлять нам все необходимое и решили положить этому конец. Верховный Жрец скажет им, что наша миссия жизненно важна для Атлантии. И это чистая правда».

Ну и о чем же моя тетя умолчала? Любопытно, что Майра не упомянула о том, что Невио рассказал сиренам всю правду. Она только заметила, что эта миссия и впрямь жизненно важна для Атлантии.

Что-то здесь не так, но я не могу понять, что именно. А вот Майра наверняка все знает. Знает и скрывает от меня.

Это просто невыносимо. Я встаю и иду в противоположный конец транспорта.

Майра идет за мной.

– Прибереги свои слезы и гнев, Рио, – говорит она. – И то и другое понадобится тебе, когда мы окажемся на поверхности.

– Почему я должна верить хотя бы одному твоему слову?

– Потому что я была нужна твоей маме. И твоей сестре тоже. Поверь, когда я говорю это, я не обманываю тебя.

Майра вытягивает из рукава за уголок лист бумаги. Я знаю, что там написано.

Это письмо от Бэй.

– Сестра просила меня передать тебе это письмо только в том случае, если ты попытаешься бежать Наверх, – говорит Майра.

Я выхватываю у нее письмо, прежде чем она успевает произнести еще хоть слово.

Рио, если ты читаешь это письмо, значит я ушла Наверх и у меня получилось сохранить свое решение в секрете от тебя.

И еще это означает, что ты пытаешься сбежать Наверх. Я знаю тебя. Я знаю, что ты не сдашься, пока не найдешь способ это сделать. Но ты должна остаться Внизу.

Не знаю, с чего начать, но в любом случае я должна рассказать тебе все, чтобы ты поняла, почему тебе надо остаться.

Наша мама буквально за несколько недель до смерти сказала мне, что ты никогда не сможешь уйти Наверх. Возможно, она начала подозревать, что ты всегда об этом мечтала. Она рассказала мне историю сирен. Раньше они действительно поднимались Наверх, но уже давно, не одно поколение, им это запрещено. Люди Наверху ненавидят сирен, Рио, они убьют тебя, как только узнают, кто ты. Ты думаешь, что сможешь свободно говорить Наверху? Не больше, чем Внизу.

Я спросила маму, почему она не рассказала тебе об этом. Она ответила, что боялась разбить тебе сердце.

А спустя несколько недель она умерла. И после этого я могла думать лишь об одном (если не считать размышлений относительно того, кто убил нашу маму) – как уберечь тебя.

Поэтому, Рио, я и заставила тебя пообещать, что ты останешься Внизу. А для себя решила, что, когда придет время, поднимусь Наверх сама. Я не хотела покидать Атлантию, но это был лучший способ защитить тебя – гарантия того, что ты никогда не уйдешь в мир Наверху. Я должна была хранить свой план в тайне от тебя. До чего же мне было тяжело. Ты же знаешь, мы никогда ничего не скрывали друг от друга.

Но я не оставляю тебя в одиночестве.

Я передаю Майре это письмо, а еще кое-какие деньги, на всякий случай, вдруг они тебе зачем-нибудь понадобятся.

Майра присмотрит за тобой, проследит, чтобы ты была в безопасности. Теперь, когда мамы больше нет, держись рядом с ней.

Мне очень жаль, Рио, но я должна уйти ради тебя.

Люблю тебя,

Бэй.

От злости и боли у меня сжимается горло, даже сглотнуть тяжело.

Бэй с мамой сроду были такими. Вечно меня оберегали.

– Они всегда тебя недооценивали, – говорит Майра.

Я не хочу ее слушать. Я все еще злюсь на нее. Она должна была передать мне это письмо до того, как я отправлюсь Наверх.

А теперь я заперта в транспорте, и отсюда уже не выбраться.

– Ты меня обманывала, – возмущаюсь я. – Как я могу тебе верить?

– Я обманываю, только когда это необходимо, – отвечает Майра. – Но то, что я сказала тебе сейчас, – правда. Твоя мама и сестра любили тебя, но они никогда не понимали, какими возможностями ты обладаешь. А я понимаю.

Я слышу, как открывается дверь. Сирены удивлены.

– А я думала, что, после того как дверь закроется, сюда уже никто не войдет, – недоумевает одна из них.

– Точно, нам именно так и говорили, – соглашается другая.

– Интересно, может, кого-то из нас решили выпустить? – предполагает третья.

Но это не так.

Дверь открывается. Стражи порядка бдительно следят, чтобы никто из нас не смог выйти. Они не собираются никого выпускать – наоборот, они привели еще одного человека.

Это Тру.

Транспорт начинает движение.

Глава 22

Весь мой мир приходит в движение. Транспорт плавно поднимается, а все отдельные детали занимают свои места и складываются, словно частички головоломки, в единое целое. Нет, похоже, нескольких фрагментов все-таки не хватает.

Мама знала, что я хочу уйти Наверх.

Сестра ушла, потому что пыталась спасти меня.

Я поднимаюсь на поверхность вместе с единственной оставшейся у меня родственницей и совсем не уверена в том, что могу ей доверять.

И Тру здесь, со мной. Почему? Он ведь не сирениус.

Я не видела его после того вечера, когда случилась трагедия на Нижнем рынке. Еще и двух суток не прошло, а кажется, что это было очень давно. Знает ли Тру о том, что я пыталась предпринять в шлюзовой камере?

Мы встречаемся взглядами. Свет в транспорте на мгновение гаснет, а потом снова включается, и я вспоминаю, как свет просачивался сквозь жалюзи палатки на Нижнем рынке. Как Тру целовал меня под голыми серебристыми деревьями возле храма и как мы потом плыли в гондоле сквозь белый туман.

– Кто это? – спрашивает сирена с Нижнего рынка.

– Еще один сирениус, – отвечает Майра. – Невио нашел его в самый последний момент. У этого парня большие способности.

Тру кивает, подтверждая ее слова.

– Надеюсь, это правда, – вздыхает сирена. – Чем больше народу, тем лучше. Наша миссия должна пройти идеально. – Потом она обращается к нам с Тру: – А вы знаете, что обещал нам Верховный Жрец в случае успеха?

Я отрицательно качаю головой.

– Если у нас все получится, – оживляется сирена, – Невио сделает нас членами Совета. Можете себе такое представить?

Лично я не могу. Да Невио никогда не допустит, чтобы такое случилось. Он же обманывает сирен, а они по какой-то причине ему верят. Я мельком смотрю на Майру, она едва заметно улыбается. Значит, тетя знала об обещании Невио. И снова она не сказала мне всю правду.

Одна из сирен подает Тру голубую мантию, и он надевает ее поверх одежды. Чтобы никто не мог нас услышать, мы – я, Майра и Тру – садимся в дальнем конце транспорта. До чего же мне хочется прикоснуться к нему, но тут слишком много любопытных глаз, и я не могу себе этого позволить.

– Как ты сюда попал? – спрашиваю я Тру.

Я произношу это без выражения, скрывая не только свой настоящий голос, но и свои подлинные чувства.

– Меня отыскал Верховный Жрец, – отвечает он.

Я даже на секунду зажмуриваюсь, так мне нравится звук его голоса. Вообще-то, это я виновата в том, что Тру здесь. И Майра, потому что она назвала его имя.

– Невио сказал мне, что ты уходишь Наверх. Он хотел знать: вдруг я тоже сирениус под прикрытием? Я сказал, что нет, но сообщил ему о своих способностях, и он позволил мне отправиться вместе с вами.

Я чувствую, как транспорт начинает медленно подниматься через толщу воды, слышу, как меняется воздух, чувствую, как устанавливается давление внутри транспорта. Конечно, я порядком переволновалась из-за всего этого: из-за Майры, Бэй и Тру, – но все равно не могу не испытывать радостного возбуждения оттого, что наконец-то смогу увидеть мир Наверху. Я так давно этого ждала. На что это будет похоже?

И Тру тоже со мной.

Для него было бы безопаснее остаться в Атлантии, но я не уверена, что хотела бы расстаться с ним.

– О каких способностях ты сообщил Невио? – спрашиваю я Тру.

В самом деле, не мог же Верховный Жрец заинтересоваться металлическими рыбками, угрями и замками. Но потом я понимаю, что мой друг, конечно же, имел в виду совсем другое. Тру, наверное, рассказал Невио о том, что он неуязвим для голосов сирен. Но почему тот решил отправить его вместе с нами? В Атлантии немало людей, которые обладают иммунитетом, но их оставили Внизу.

– Видишь ли, Рио, – говорит Тру и делает глубокий вдох. – Вообще-то, я не обо всем тебе рассказал.

Ну абсолютно все что-то от меня скрывали! Тру неуязвим для сирен, он слышал мой настоящий голос, но, оказывается, что и это еще не все!

Я выжидательно смотрю на него.

– Я умею различать, когда сирена говорит неправду. – Голос Тру слегка дрожит от волнения. – Когда я узнал, кто такой Невио, я стал внимательно прислушиваться к тому, что и как он говорит. Когда он вещал по трансляции, что затопление Нижнего рынка якобы произошло в результате несчастного случая, я понял, что он нас обманывает. Кто-то все это специально подстроил.

– Кто? – спрашиваю я.

– Не знаю.

Я смотрю на Майру и вспоминаю, как внезапно увидела ее

в тот вечер на Нижнем рынке. Я еще подумала тогда: уж не имеет ли она к этому отношения?

– Я им не помогала, – говорит Майра. – Это подстроили Невио и члены Совета. Они умышленно повредили систему герметизации рынка. Они хотели его уничтожить.

– Рио, твоя тетя говорит правду, – вставляет Тру.

Майра улыбается. Похоже, ее не удивил его секрет. А вот меня удивил. И я говорю:

– Никогда не слышала о таких способностях, как у тебя.

– Я тоже, – кивает он.

– Итак, ты неуязвим для голосов сирен, – резюмирую я, чтобы все расставить по своим местам. – И ты понимаешь, когда они обманывают?

– Да.

– Но как ты можешь быть в этом уверен? – Лично у меня такое просто в голове не укладывается.

Тру пожимает плечами:

– Просто слышу это, и все.

Лучики морщинок от смеха возле карих глаз, солнце на смуглой коже – ничего не изменилось. Тру не изменился, он такой, что и прежде. Ну почему я раньше не догадалась? Он сопереживал мне, как человек, который понимает, что такое хранить тайну. Как человек, который знает, каково это – быть не таким, как все, и не иметь возможности поделиться с окружающими, потому что это опасно.

– Значит, я должна поверить тебе на слово?

Тру кивает.

Я пытаюсь привести последний, весьма шаткий аргумент:

– Несмотря на то, что ты меня обманывал.

– Я тебя не обманывал, – возражает Тру. – У меня был секрет, и я не был уверен, что могу рассказать тебе о нем. Ты, между прочим, чувствовала то же самое.

Разумеется, он прав. Я не собиралась рассказывать ему о своих планах сбежать Наверх через шлюзы.

– А эта твоя способность распространяется на обычных людей?

Тру отрицательно качает головой:

– Нет, только на сирен. Когда я внимательно их слушаю, то слышу по их голосам, что они обманывают. Это похоже на фальшивую ноту в песне. Не знаю, как еще объяснить.

– Ты говорил, что обладаешь иммунитетом. Но тем не менее ты попал под мое влияние. – Я не отступаю, потому что хочу разобраться. – Ты сказал, что слышал, как я зову тебя своим настоящим голосом, когда затопило рынок.

– Да, – кивает Тру. – Я действительно попал под твое влияние. Но дело тут вовсе не в твоём голосе. Ты мне веришь?

– Я очень хочу верить тебе.

– Невио устроил мне проверку, чтобы убедиться самому. Произнес несколько фраз, а потом спросил, что правда, а что нет. Думаю, я выдержал экзамен, раз он решил послать меня Наверх вместе с вами. Верховный Жрец сказал, что я могу пригодиться, потому что сумею понять, если кто-то из сирен решит сорвать миссию. Он сказал, что мой долг – остановить их.

– И ты поверил, что Невио прислал тебя сюда по этой причине? – вступает в беседу Майра.

Тру смотрит ей прямо в глаза и говорит:

– Нет. Я притворился, будто поверил. Но понял, что меня обманывают. Мы все знаем, в чем настоящая причина того, что я здесь.

– И в чем же? – спрашиваю я.

Я хочу услышать, как он это скажет. Я хочу этого почти так же сильно, как и оказаться Наверху.

– В тебе, – отвечает Тру. – И я очень рад, Рио, что мы вместе.

Он сидит рядом, я чувствую тепло его руки и хочу повернуться к нему лицом, хочу, чтобы, поднимаясь Наверх, мы обнимали друг друга. Но я не хочу, чтобы это увидели сирены, они не должны заподозрить, что Майра сказала им неправду. Я готова на все, чтобы защитить своего друга, но, возможно, уже слишком поздно.

Невио послал Тру Наверх и таким образом избавил себя от риска быть разоблаченным: никто не должен уличить во лжи Верховного Жреца Атлантии. И еще он дал обещание сиренам, потому что уверен: его не придется исполнять.

Вывод напрашивается сам собой: в планы Верховного Жреца не входит наше возвращение обратно.

Я все это понимаю, но по-прежнему хочу подняться на поверхность. В глубине души я чувствую, что это выход. А еще я чувствую, как вода снаружи становится светлее. Темно-синий океан обретает оттенки неба и солнца. Если бы я каким-то чудом покинула транспорт и вернулась домой, я бы ничего этого не увидела. Зачем я поднимаюсь? Делаю это ради Бэй? Потому что Тру здесь, со мной? Или потому, что я всегда хотела оказаться Наверху?

– Мы не сможем остаться на транспорте, когда поднимемся, – понизив голос, говорит Майра нам с Тру. – Они не отправят его обратно, если кто-то будет на борту. Мы здесь в ловушке. У нас будет шанс сбежать, только если мы выйдем вместе со всеми и сделаем все, что сможем.

– Сирены совсем не такие, как я ожидала, – замечаю я. – Они такие... ручные. Внушаемые. Совсем не похожи на тебя.

– Раньше сирен было больше, – говорит Майра. – И большинство были такими, как я.

– И что случилось?

– Их отсеяли и уничтожили, поскольку они были слишком опасны.

– А тебя почему не тронули?

– Я думаю, Океания сделала все, что было в ее силах, чтобы спасти меня, – отвечает Майра. – К тому же я тебе уже говорила, что и сама всегда делала все, чтобы любой ценой остаться в живых.

Голос ее звучит резко. Мне интересно, что тетушка такого совершила, но я не хочу ее об этом спрашивать.

– Когда поднимемся, не отходи от меня, – говорит Майра. – Делай, что я скажу. Я обещала сестре, что позабочусь о тебе, и я выполняю свое обещание.

В этот момент я ей верю, и по лицу Тру вижу, что он тоже верит.

Если пришло время умереть, то я, по крайней мере, увижу перед этим мир Наверху. Я беру Тру за руку, он крепко сжимает мои пальцы. Я представляю, как выглядит наш транспорт, когда поднимается из темноты к свету мимо равнодушных рыб и мертвых кораллов навстречу миру, которого я никогда не видела. Однако я запросто могу представить себе, например, песчаный берег и плавающих по воде птиц, которые ныряют за добычей.

Транспорт останавливается, и сирена с Нижнего рынка обращается к нам всем:

– Помните, наши голоса – лучшее оружие нашего мира. Мы – чудо, и мы созданы именно для этого момента.

Уж не знаю, можно ли меня назвать чудом, но я верю, что создана именно для этого момента, и не важно, как долго он продлится.

Глава 23

Дверь плавно открывается, и впервые в жизни я вижу небо и землю. Все окрашено в синие и серые, зеленые и коричневые цвета. И здесь настолько больше света, чем на глубине океана, что даже голова кружится.

Я – Наверху.

Мерцающий подвижный воздух опускается с неба, он отражается в воде и на металлическом мостике, который перекинут с транспорта на берег. Теплый воздух касается каждого дюйма моей кожи. Солнце – оранжевый круг – похоже на опускающуюся в океан раскаленную монету. Чтобы устоять на ногах, я хватаюсь за поручни, а потом чувствую, что меня вот-вот стошнит. Это так странно – стоять над водой и видеть поверхность океана, мне трудно определить свое положение в пространстве. Возможно, так же почувствовали бы себя люди из мира Наверху, если бы могли встать над небом.

Майра берет меня за руку и помогает пройти по мостику.

– Все в порядке, – говорит она.

Я делаю свой первый шаг на настоящую землю, на песок. Песок чудесный, он белый и коричневый, с вкраплениями травы и ракушками, он такой разный, намного разнообразнее, чем деревянные предметы в храме и вообще все, что я прежде видела.

Воздух теплый и насыщен кислородом. Я знаю, что воздух Наверху загрязнен, но все равно вдыхаю его полной грудью. После неудачной попытки сбежать через шлюзы руки у меня все еще соленые от морской воды. Неужели это было всего лишь несколько часов назад?

– Рио, – говорит Тру, – смотри, деревья.

И точно. Всего в нескольких футах перед нами из песка растут серебристо-серые деревья, а с их веток свисает пепельный мох. Надо же, цвета точно такие же, как у нас Внизу, но это совсем другие деревья – они живые, и, когда листья отрываются от веток, никто не заботится о том, чтобы приделать их обратно, потому что вырастут новые. Да никто и не смог бы этого сделать, даже если бы и захотел: ведь они такие тонкие и хрупкие, как бумага. Я подбираю несколько листьев и разминаю их в руках. Просто не могу удержаться.

А потом у меня в ушах звучит голос Майры. Она берет меня за руку и уводит прочь от опавших листьев. Я оборачиваюсь и не могу поверить своим глазам – транспорт уже исчез под водой.

Я даже не услышала, как он погружался.

Мы идем к низкой деревянной платформе, на которую уже поднялись остальные сирены. Похоже, платформа сделана из древесины тех самых деревьев, которые растут на этом острове.

– Я знаю, как вам с Тру можно сбежать, – торопливо говорит Майра.

Я вся обращаюсь в слух.

– За теми камнями, слева, – продолжает тетя, – есть узкий залив. Плывите вдоль его берега, пока не найдете пещеру. Спрячьтесь там и по возможности дождитесь темноты. А потом плывите на главный остров и идите в храм. Вы увидите его, как только подниметесь вон на тот холм. – Она указывает на берег главного острова.

– Откуда ты все это узнала? – спрашиваю я.

– Один из голосов рассказал мне, – с грустью отвечает Майра. – Рио, ты бы ни за что не выжила, если бы сбежала через шлюзы. У тебя бы легкие разорвались на подъеме. Я должна была любой ценой тебе помешать. Вот почему я рассказала Невио о том, что ты задумала. Мы успели как раз вовремя.

Так, значит, это тетушка меня заложила. Но как она узнала?

Мы подходим к платформе. Сирены выстроились в ряд, их голубые мантии раздувает ветер.

Недалеко от берега видны лодки, в них – люди, они явно ждут нас.

– Что это у них там? – спрашиваю я достаточно громко, чтобы услышали другие сирены. – Часом, не оружие?

– Даже если и так, это не важно, – говорит одна из сирен. Она произносит это так убежденно, что я почти ей верю.

Единственное оружие сирен – их голоса. А вдруг глупая затея Невио закончится смертью и голоса умолкнут навсегда? Зачем он это делает? Хочет стать последним сирениусом там, Внизу? Что-то я сомневаюсь, что этот тип вообще хочет спасти Атлантию.

Самого Невио нигде не видно. Сирены растерянно оглядываются по сторонам.

– Все в порядке, – говорит одна из них. – Верховный Жрец наверняка где-то рядом. И он же не обещал, что будет говорить вместе с нами.

Люди в лодках ждут. Лодки серые, как деревья.

Сирена с Нижнего рынка поднимает руки к небу. Остальные смотрят на нее. Они готовы.

– Что даровано нам, живущим Внизу? – спрашивает она.

Точно так же спрашивала мама в годовщину Великого Раздела; и Невио в тот день, когда ушла Бэй; а потом я слышала

это еще раз на транспорте.

Ну и где, спрашивается, наш Верховный Жрец?

И зачем он устроил затопление Нижнего рынка? Чтобы сирены подумали, будто это провокация со стороны людей из мира Наверху, поднялись на поверхность и попытались спасти Атлантию? Интересно, он сказал жителям Атлантии, что сирены добровольно решили пожертвовать собой? Или представил все таким образом, будто бы Совет решил очистить город от нашего зловещего присутствия?

В любом случае он надеется, что мы все тут погибнем.

Неужели мы и впрямь погибнем?

– Береги свой голос, – шепчет мне Майра. – Но шевели губами, чтобы другие ничего не заметили. И не пытайся бежать, пока я не скажу, что пора.

После секундной паузы сирены начинают отвечать. Их голоса такие же богатые и разнообразные, как мир Наверху. И действительно, здесь они звучат еще сильнее, чем в Атлантии. У меня покалывает ладони, а горло сжимается от желания ответить вместе с остальными:

– Долгая жизнь, здоровье, сила и счастье.

– В чем проклятие живущих Наверху? – задает следующий вопрос сирена с Нижнего рынка.

– Короткая жизнь, болезни, немощь и нужда.

– Справедливо ли это?

– Справедливо. Так предопределили боги во время Великого Раздела. Кто-то должен оставаться Наверху, чтобы человечество могло выжить Внизу.

– Так возблагодарим же богов за это.

Я не присоединяюсь к хору сирен.

Я не говорю от имени богов. Единственное, чего я всегда хотела, это говорить от своего имени.

Сирена снова начинает задавать вопросы. И на этот раз Майра отвечает вместе с другими.

В жизни не слышала песни печальнее. Сирены поют хором, Майра повторяет те же слова, но голос ее звучит отдельно. Он окрашен в синий и коричневый цвета, в нем есть все: деревья без листьев и затопленный рынок; свечи, зажженные в память о погибших, и выдуманные боги; возносимые им молитвы и просьбы, обращенные к людям Наверху, чтобы те позволили нам жить в Атлантии. Она не приказывает, как остальные, она просит.

Но даже голос Майры не срабатывает. Не берусь объяснить откуда, но я это знаю наверняка. Я не вижу лица людей в лодках. Лодки раскачиваются на волнах и с каждой секундой подплывают

все ближе. Люди наблюдают за сиренами. Они чего-то ждут. Какие странные у них лица: пустые, лишённые всякого выражения. Я различаю неподвижные рты и бессмысленно вытаращенные глаза. А потом понимаю, что все эти люди – в масках. Для чего они их надели? Чтобы защитить себя от отравленного воздуха? Или для того, чтобы спрятать от нас свои лица?

Голоса сирен набирают силу, они поднимаются и опускаются, как волны; одни приказывают, другие льстят; в одних голосах – мед, а в других – яд.

Сирена с Нижнего рынка поет, стоя лицом к воде, а потом снова поворачивается к нам, чтобы продолжить литанию.

Она открывает рот и поднимает руки, но не успевает произнести ни слова. Потому что падает как подкошенная.

Сначала я ничего не понимаю. Другие сирены тоже. Одним голосом стало меньше. Они продолжают петь.

– И да будут боги милостивы к нам.

– А также к тем, кто живет Наверху.

Упавшая сирена не двигается.

Почему-то мы в Атлантии всегда думали, что превосходим тех, кто живет Наверху, и имеем над ними власть.

Но мы ошибались.

Каким-то образом чудесные голоса сирен перестали воздействовать на обитателей мира Наверху.

Сирены начинают кричать, приказывая людям в лодках, чтобы они уходили, уходили, уходили.

– Почему наши голоса не действуют? – в панике спрашивает одна сирена.

Ее товарка пытается обратиться в бегство, но не успевает сделать и нескольких шагов. Она падает. Ее тоже подстрелили. Испуганно вскрикнув, Тру опускается рядом на колени, надеясь хоть как-то помочь. Но это, конечно, бесполезно. Бедняжка уже не дышит, только кровь хлещет из раны.

Я в ужасе смотрю на ее обмякшее тело, на разлетевшиеся в стороны полы голубой мантии.

«Как летучая мышь», – думаю я.

Чудеса умирают. Сирены больше не имеют власти над тем, что происходит Наверху.

Я открываю рот, чтобы попросить за Тру. Может, у меня получится объяснить людям в лодках, что он не сирениус, и убедить их сохранить ему жизнь.

Но тут рядом со мной возникает Майра. Она тихо и настойчиво говорит мне на ухо:

– Рио, береги голос. Он понадобится тебе позже. – Тетя

улыбается. – У меня хватит сил, чтобы отвлечь их, пока вы бежите. Я могу заставить их забыть о том, что сегодня на острове было на два человека больше.

– А как же ты? – спрашиваю я.

Еще одна сирена падает на землю, но мы трое неуязвимы.

Майра берет мою руку и вкладывает в ладонь что-то твердое и хрупкое. Я, даже не глядя, догадываюсь, что это раковина. Еще одна.

– Пусть она обо всем тебе расскажет сама, – говорит Майра. – Ты поверишь, если услышишь это от нее. Но я слишком долго хранила эту раковину. Постарайся услышать. Она заговорит только один раз.

– Кто *она*? – Я даже не смею надеяться.

– Ваша мама, – поясняет Майра и закрывает глаза. – Моя сестра Океания.

Ее голос наполнен гордостью и любовью. У меня на глаза наворачиваются слезы. Хотела бы я, чтобы мы с Бэй так говорили друг о друге.

– Ты любила ее, да?

– Всю свою жизнь, – отвечает Майра. – И я до сих пор люблю ее.

Она стоит с закрытыми глазами, и у нее такой мягкий голос: в этот момент Майра невероятно похожа на нашу маму, свою родную сестру.

– И она тоже любила тебя?

– Конечно любила. А меня так волновала собственная жизнь, я была такой страшной эгоисткой, что теперь с радостью расплачусь за все, что сделала.

Я не успеваю спросить Майру о том, что все это означает, что же такого страшного она сделала и верит ли она, в конце концов, в богов. Тетя открывает глаза и смотрит прямо на меня.

– Тебя не волновало мое существование, пока ты не услышала мой голос, – говорю я.

– Твой голос – часть тебя самой. Так что, когда я говорю, что люблю твой голос – а это чистая правда, Рио, – это означает, что я люблю тебя.

– Но ты бы никогда не полюбила меня, не будь я, как и ты, сиреной.

– Почему? Полюбила бы. Хотя, наверное, и не так сильно. – Майра секунду молчит, а потом спрашивает: – А ты полюбила бы меня, если бы не мой голос?

Мне в голову приходит странная мысль: возможно, я любила бы тетю гораздо больше, если бы та не была сиреной.

Майра догадывается, о чем я думаю.

– Да, – вздыхает она. – Со мной всегда так было. Но это не важно. Рио, мы должны спасти Атлантию.

У меня по щекам текут слезы.

– Майра, – спрашиваю я, – но откуда ты знаешь, что можешь сделать это? Откуда ты знаешь, что я могу сделать это?

– Дорогая, единственный шанс победить – поверить в свои силы. Когда придет твое время заговорить, ты сама это почувствуешь.

Потом она жестом приказывает нам бежать, а сама отворачивается и обращается к людям в лодках.

– Слушайте, – говорит Майра.

Ее голос полон силы, но еще в нем звучат надежда и доброта, тогда как проклятий или страха нет и в помине. Это золотой, солнечный, прекрасный и чистый голос. Когда я его слышу, я верю Майре безоглядно, так же как верила маме. Я знаю, что у Майры хватит сил спасти нас.

Но нам пора уходить.

Я тянусь к тете, чтобы на прощание прикоснуться к рукаву ее мантии, но она не оборачивается. Тру хватает меня за руку, и мы бежим. Наши ноги утопают в песке, дыхание сбивается. Я оглядываюсь только один раз, но Майру не вижу.

Что с ней произошло? Она исчезла? Она умерла?

Мы с Тру стягиваем с себя мантии и оставляем их на берегу. Я захожу в воду, крепко сжимая в кулаке раковину, которую дала мне Майра. Ее совершенный голос до сих пор звенит у меня в ушах. А потом, в первый раз в жизни, я плыву в море под открытым небом мира Наверху.

Глава 24

Мы с Тру сидим, прижавшись друг к другу, в пещере и ждем. Здесь тихо, слышно только, как снаружи накатывают волны. Этот постоянный повторяющийся звук напоминает мне дыхание Атлантии.

У нас получилось.

А сирены на берегу умирают.

Радость оттого, что наш побег удался, постепенно испаряется.

Что я наделала?

Я оставила там Майру, потому что хотела увести Тру подальше от людей в лодках. Но теперь, в пещере, он в безопасности.

– Я должна вернуться, – говорю я.

– Тогда они и тебя тоже убьют, – возражает Тру. – Мы должны доверять Майре и делать все так, как она сказала.

– Не уверена, что у меня получится.

– Ты должна, Рио. И не вздумай возвращаться на берег. Ты предашь Майру, если вернешься. Ты должна позволить тете спасти тебя. – Тру придвигается чуть ближе ко мне и почти со злостью в голосе спрашивает: – Почему ты пыталась бежать через шлюзы? Ведь Майра сказала тебе, что есть другой способ. Ты же могла погибнуть.

– Ну, не все мы настолько талантливы, чтобы угадать, когда сирена говорит правду.

– Но почему ты не доверилась мне? – продолжает Тру. – Почему не рассказала мне о том, что собираешься сделать?

– Ты бы попытался отговорить меня, – отвечаю я. – Ты мог бы даже, ради моего спасения, сдать меня Совету.

Тру молчит: ему нечем крыть.

И тут я вспоминаю, что Майра отдала мне раковину. В этой раковине голос нашей мамы. Я очень хочу услышать его. Я прожила без мамы больше полугода, а сейчас я Наверху, и мне страшно.

Я смотрю на раковину. Пока мы плыли до пещеры, я крепко сжимала ее в кулаке и теперь боюсь, что время могло стереть мамин голос, что внутри остался только шум моря и ветра.

– Я должна послушать, что в этой раковине, – говорю я Тру. – Это можно услышать только один раз.

Он смотрит на меня так, как когда-то смотрел на дорожках Нижнего рынка, словно бы не понимает, в чем дело, но все равно готов остаться со мной. А потом молча кивает.

Я прикладываю раковину к уху.

Через секунду я слышу ее голос, и у меня начинают дрожать руки. Тру замечает это, он поддерживает мою руку, но сам отворачивается, чтобы не мешать мне слушать.

– Итак, это все, что я узнала о сиренах, Великом Разделе и наших богах.

Да, это она, никаких сомнений. Это действительно мамин голос. Наверное, она говорила это Майре, а Майра все сохранила. Но зачем? Как Майра узнала, что это может потом понадобиться?

– На самом деле Великий Раздел произошёл не совсем так, как нам рассказывали.

С кафедры в храме мама проповедовала совсем иначе. Сейчас я слышу тихий, настойчивый, доброжелательный голос: таким она беседовала с теми, кого любила и кому доверяла.

– Людей разделили на тех, кто будет жить в мире Наверху, и тех, кто будет жить Внизу. Их отбирали таким образом, чтобы у каждого оставшегося Наверху обязательно был кто-то близкий Внизу: это служило гарантией того, что первые будут заботиться о поддержании жизни вторых. Тут нам рассказали правду.

Но остальное: религия, чудеса – это пришло позже.

Храм, боги – все это было лишь фасадом, метафорой. Таким способом наши предки хотели привнести красоту в мир Внизу и вернуть к жизни старую культуру в мире Наверху. Поначалу никто не верил в тех богов в религиозном смысле этого слова. Люди полагали, что это лишь красивая сказка, своего рода декорация.

Но потом начали происходить чудеса.

Сначала появились сирены, потом – летучие мыши.

И постепенно люди пришли к истинной вере. Они выстроили свою веру вокруг этих чудес.

Да ты и сама все это знаешь.

Спасибо тебе за то, что открыла для меня дверь тайной библиотеки Совета. Спасибо, что дала мне возможность прочитать эти документы и позволила поддержать в руках эти свидетельства.

Я сожалею, что не поверила, когда ты рассказывала мне о голосах в стенах.

Ты была права.

Я должна была тогда к тебе прислушаться.

Потому что теперь, возможно, уже слишком поздно.

Есть еще кое-что, о чем я прочитала в тех бумагах.

Ты знала, что воздух Наверху уже несколько лет как стал достаточно чистым? Он еще загрязнён, но сейчас уже не так опасен для жизни, как раньше. И к тому времени, когда воздух

очистился, люди из мира Наверху уже не хотели иметь с нами ничего общего. Они ненавидели нас из-за сирен, но терпели, поскольку мы добывали для них руду. Поэтому они решили, что будут поддерживать жизнь Внизу, пока работают наши шахты.

Но теперь руда в шахтах иссякла.

Совет нижнего мира постановил, что Верховный Жрец должен быть истинно верующим, именно по этой причине они и выбрали меня. Разве могла бы я убедить людей в истинности веры, если бы не верила сама? А люди Внизу должны были поверить в то, что жизнь их прекрасна и они в полной безопасности. Все это требовалось для того, чтобы наши соотечественники продолжали добывать руду и поддерживать в рабочем состоянии все системы Атлантии. Если бы руда не закончилась, то нас бы не оставили умирать. У людей из мира Наверху нет желания самим работать под землей. Они считают нас грязными и убогими, но до определенного времени жители Атлантии были им нужны.

Мы и они – не единственные Наверху и Внизу. Мы – аванпост, один из многих, разбросанных между великими островами в океане. Городам нижнего мира когда-то благоволила судьба, но теперь мы поменялись местами.

Сирены появились во всех городах Внизу. Наши шахты работали дольше всех остальных. А те, кто Наверху, они... мне даже страшно это произнести...

Обитатели верхнего мира задались целью уничтожить всех сирен. Они обнаружили, что это очень просто. Дело в том, что даже если кто-то из сирен не погибнет, когда затонут подводные города, даже если никто не сумеет их отловить или убить, сирены все равно не смогут прожить Наверху дольше нескольких дней. Они принадлежат к миру Внизу.

Что? Я настолько потрясена, что отнимаю раковину от уха и совсем забываю, что так не услышу мамин голос. Но быстро спохватываюсь и снова прикладываю ее обратно. Сердце тяжело бухает в груди.

Я не могу жить без мира Внизу. Я не могу жить здесь – Наверху. И все остальные, такие как я, уже мертвы или будут убиты.

Чтобы не закричать, я крепко зажимаю рот ладонью.

– У нас в Атлантии остались последние сирены, – говорит мама, – и теперь это только вопрос времени, когда люди из мира Наверху скажут Совету нижнего мира, что и от них тоже пора избавиться. И члены нашего Совета их послушают. Они надеются выжить и готовы ради этого обманывать жителей Атлантии.

Мы должны спасти сирен. Мы должны обратиться к людям

из обоих миров, должны сделать все, чтобы они поняли – это неправильно.

И Атлантию мы тоже должны спасти. Жители мира Наверху позволяют нам один раз в двенадцать месяцев, на годовщину Великого Раздела, посылать к ним наших детей. Но я не знаю, скольким еще они разрешат подняться. Не думаю, что их волнует, выживет ли хоть кто-то в Атлантии. Они смотрят на нас как на нахлебников и паразитов. Коими, если говорить откровенно, мы и являемся вот уже много лет. Так вот, что касается сирен. Они лишь очень короткий срок могут прожить вне Атлантии. Сирены не выживут Наверху.

Ты мне поможешь? Я должна уберечь тебя, и я должна уберечь...

Мама запинаяется. Она не может произнести мое имя, а я думаю: не в этот ли момент Майра заподозрила, что я могу быть сиреной? Возможно, когда она услышала меня в храме, это стало для нее лишь подтверждением догадки.

– Может, если ты поговоришь с людьми из мира Наверху... Что? Это должна быть чистая сирена? Откровенно говоря, я не понимаю, что это значит.

Снова пауза. Похоже, мама задала вопрос, а теперь слушает, что ей отвечают.

– А... Кто-то, кто много лет хранил свой голос? Говоришь, это должна быть сирена, которая никогда прежде не манипулировала при его помощи людьми? Та, кто любит мир Внизу, как себя саму? Ну и где же, интересно, ее взять?

Я слышу мамино дыхание. Она думает обо мне.

– Нет, лично я не знаю ни одной такой сирены.

Мама лжет. Она не открывает правду обо мне даже родной сестре. Хотя, возможно, она просто не уверена, что я настолько сильно люблю мир Внизу.

– Я думаю, ты вполне могла бы подняться на поверхность и заговорить. Пусть они увидят, какие сирены на самом деле. Ты можешь использовать свою силу во благо, вместо того чтобы помогать Совету в его грязных делишках.

Я знаю, на что ты пошла ради того, чтобы выжить. Я не осуждаю тебя, ибо и сама делала то же самое.

Но сейчас мы должны решиться на нечто большее.

Вместе.

Нам придется пожертвовать собой ради спасения сирен.

Ради спасения Атлантии.

Мама всегда меня защищала.

И Майра была права. Мама действительно меня недооценивала.

И Бэй она тоже недооценивала.

Я прижимаю раковину к уху и напряженно вслушиваюсь, но голос мамы уже исчез.

Как рассказать обо всем этом Тру?

Он понимает, что все закончилось, отпускает мою руку, потом обнимает меня за плечи и, не говоря ни слова, притягивает к себе.

Его тело гораздо теплее моего, а дыхание ровное, как шум океана. Я стараюсь согреться и, чтобы успокоиться, пытаюсь дышать в таком же ритме.

Наш мир рушится – вода проникает в Атлантию, sireны погибают на берегу. Казалось бы, узнав правду о своем мире и о том, что не смогу прожить долго Наверху, я должна была бы буквально оцепенеть и потерять всякий интерес к происходящему. Но именно сейчас я необычайно остро ощущаю близость Тру и чувствую себя как никогда живой.

Тру прав – я должна делать то, что сказала Майра. Я ей верю.

– Думаю, пора нам снова поплавать, – говорю я. – На этот раз мы направимся вон к тому берегу.

Тру склоняет свою голову к моей. Он пойдет со мной куда угодно.

Но что нас ждет на том берегу? Будет ли у нас еще возможность побыть наедине, как сейчас? Тру, едва касаясь, скользит губами по моей щеке и находит губы, я отвечаю на его поцелуй. Меня одновременно наполняют печаль и радость победы. Мы можем здесь погибнуть, но мы добрались сюда, и мы вместе.

В конце концов все рано или поздно умирают. Но не у всех есть шанс увидеть то, что они хотели увидеть больше всего на свете. Я, по крайней мере, увидела мир Наверху. И еще я встретила Тру.

Глава 25

Заплыв к берегу большого острова значительно длиннее, чем наш быстрый бросок к пещере, вода в этот раз более темная и не такая спокойная. Волны бьют со всех сторон, вода проникает в рот, щиплет глаза, но у меня такое чувство, что я когда-то так уже плавала. Я откуда-то знаю, как справляться с такой водой.

Выходит, время на тренировках и выступлениях было потрачено не зря.

Я выхожу на берег. Тру не намного от меня отстал.

Я чувствую босыми ногами миллионы крохотных песчинок. Обувь тяжелая и может утянуть ко дну, так что мы решили оставить ее в пещере. Полосы из ракушек указывают самый высокий уровень, куда добирается вода. Мы не говорим друг другу ни слова, Тру просто берет меня за руку, и мы поднимаемся на холм. В свободной руке я сжимаю раковину, в которой еще недавно звучал голос мамы. Не могу с ней расстаться.

Из песка растут острая трава и какие-то низкорослые колючие кустики с плоскими зелеными листьями. Громко жужжат насекомые, этот звук наполняет теплый воздух вокруг нас.

Поднявшись на холм, мы сразу видим город.

Город под открытым небом сверкает огнями, шпиль храма возвышается над всеми остальными зданиями.

Мы с Тру босиком и в мокрой одежде, но тут ничего не поделаешь. Остается надеяться, что уже достаточно темно и это будет не так заметно.

– Нам надо торопиться, – говорю я.

Ночь наступает быстро, но она не такая непроглядная, как в Атлантии. Мне кажется, что в возникающих то тут, то там просветах между испарениями отравленного воздуха иногда видны звезды.

Мы входим в город. Я понимаю, что опасно привлекать к себе внимание, но не в силах сдержаться и разглядываю все вокруг: людей, улицы, магазины. Хорошо, что, пока мы плыли к острову, с моего лица смылся весь грим, но меня все равно не покидает чувство, что любой в этом городе может догадаться: я здесь чужая.

О чем, интересно, думала Бэй, когда впервые увидела все это? О чем сейчас думает Тру? Я мельком смотрю на него, но при таком освещении глаза у него темные, как земля.

В мире Наверху нет гондол, но есть другие средства передвижения, более быстрые и уродливые – повозки на колесах раскатывают на такой скорости, что я с трудом понимаю, когда

можно идти, а когда – нет. Некоторые повозки просто огромные. А еще вокруг очень много людей, и такое впечатление, что все они куда-то спешат. Воздух такой густой, горячий и влажный, что волосы у всех кажутся сальными. У одних одежда прилипает к потному телу, у других она грязная и влажная, как у нас с Тру. Но я все равно не могу расслабиться. Мы должны добраться до храма. Там – конец пути, туда велела нам идти Майра.

После пения сирен голоса людей вокруг звучат невыразительно и странно, я с трудом понимаю отдельные слова, хотя мы в Атлантии говорим на том же языке. Интонации непривычные, ритм речи хлесткий, как брызги волн на ветру, да и акцента такого я сроду не слышала. Что, в общем-то, неудивительно: ведь я никогда прежде не бывала Наверху.

Дома тут обшарпанные и тусклые, не то что наши разноцветные в Атлантии. Кто-то случайно задевает меня и извиняется, но не останавливается. Никогда не видела, чтобы такое количество народу двигалось с такой скоростью. Этот город просто кишит людьми.

Когда мы проходим мимо какого-то здания, судя по соблазнительным запахам – ресторана, оттуда слышится громкий смех; час поздний, но двери магазинов открыты.

Это место совсем не похоже на Атлантию. Я вообще не знаю, на что оно похоже.

Я чувствую легкость, потому что надо мной нет ничего, кроме воздуха. На меня не давит сверху вода, меня не окружают стены, которые должны выдерживать напор воды снаружи.

Это странное незнакомое место, и я знаю, что смогу прожить здесь лишь пару дней, но мне тут нравится. И я хочу остаться Наверху.

Мы с Тру несколько раз теряем и снова находим друг друга на темнеющих улицах. Чтобы хоть немного сориентироваться, мы выбираем место, где дома стоят не так близко друг к другу, и смотрим, в какой стороне виден шпиль храма. Я тороплюсь. Так странно постоянно ощущать, что идешь по земле, чувствовать под босыми ступнями пыль и песок, а временами – гладкие круглые камни. Мы не переговариваемся – кто-нибудь может услышать наш акцент и догадаться, что мы не из этого мира, – но мы прикасаемся друг к другу. Тру держит руку у меня на плече, я обхватила его за талию.

А потом мы, не сговариваясь, одновременно останавливаемся.

Майра сказала, что я узнаю их храм, и я его действительно узнаю, хотя он отличается от нашего.

Он сделан не из камня, а из металла и выглядит так, будто

построен из сваренных друг с другом глыб. Мне хочется пощупать пальцами заклепки, проверить, насколько хороши швы. Весь храм покрыт зеленой окисью и словно бы растет из земли. Я слышала о таком: загрязнение настолько сильное, что может пожрать даже металл, но сейчас храм кажется прекрасным.

Мы с Тру в мире Наверху, стоим перед храмом, грязные и насквозь промокшие. Дверь закрыта (возможно, чтобы внутрь не проникал воздух), но, когда я поворачиваю ручку, она легко открывается. Не заперто. Наверное, у них Наверху, как и у нас Внизу, храм должен быть доступен людям днем и ночью, чтобы любой, у кого возникнет желание помолиться, мог в него беспрепятственно зайти.

Я нерешительно замираю у входа. Мне страшно.

Кто-то протискивается мимо меня и недовольно бормочет, что я встала на дороге.

– Ну же, Рио, – говорит Тру.

Я вспоминаю про Бэй и решительно вхожу в храм.

Внутри довольнолюдно, и вроде бы никто не обращает внимания на наше с Тру появление.

Я делаю еще несколько шагов вперед. Здесь все иначе и в то же время похоже на наш храм Внизу: скамьи, тишина, приглушенные голоса молящихся. Мы с Тру проходим мимо плачущей женщины, которую успокаивает жрец.

За нами наблюдают боги-горгульи. Они не только на стенах, но и на некоторых скамьях: сидят, как прихожане, только приварены навсегда. Мне это сначала кажется странным, но потом я вижу их изъеденные коррозией лица и тела, которые позеленели, словно долгое время пробыли под водой, и понимаю: все дело в отравленном воздухе. Я, когда присматривала за богами у нашего храма, приваривала их к веткам деревьев, а здешние жрецы в те времена, когда воздух был особенно ядовит, принесли своих богов внутрь храма, да так до сих пор и не вынесли обратно.

Я останавливаюсь как зачарованная. Высоко надо мной морской конек сидит на скрученном хвосте на постаменте, его голова склонилась, словно в молитве, а шеей он поддерживает давящий сверху груз. Кит с круглой головой и вытаращенными глазами вырывается из стены, а на ближайшей ко мне скамье скалит зубы акула с остроконечным хвостом. Наверное, это такие же боги, как и наши Внизу, только в другом обличье. Они такие чужие и близкие одновременно. Скорее всего, местные жители изготовили их фигурки после прибытия сирен.

Каково это – создавать новую религию? Придумывать собственных богов?

Кафедра выложена ракушками из нижнего мира, только на кафедре в нашем храме волны постепенно переходят в деревья, а здесь деревья переходят в облака. Это так красиво. Я невольно задумываюсь, а вдруг в этих ракушках сохранились какие-то голоса, и крепче сжимаю свою раковину в кармане.

Подойдя к алтарю, я замечаю на том месте, где у нас стояла чаша с землей, чашу с водой.

На секунду я позволяю себе представить, будто это тоже мой дом, где я найду сестру и, возможно, маму. Мама встанет за кафедру и начнет читать проповедь, а потом увидит меня. Она подбежит ко мне, обнимет и скажет: «Рио, все это время мы были здесь. Мы ждали, когда же ты наконец придешь сюда».

У меня на глаза наворачиваются слезы. Я беззвучно оплакиваю маму и Майру. Я знаю, что тетя тоже умерла. Не могу объяснить почему, но я уверена: ее голос больше никогда не будет услышан – ни под водой, ни над землей.

Ее нет ни в мире Наверху, ни в мире Внизу.

И моей мамы тоже нигде больше нет.

Но сестру я еще могу найти.

– Бэй? – вдруг раздается у меня за спиной мужской голос.

При звуке знакомого имени сердце у меня начинает отчаянно колотиться от страха. Кто-то принял меня за сестру, Внизу такое постоянно случалось. Что мне сказать, чтобы не выдать себя?

– Бэй? – снова окликает мужчина. Судя по голосу, он слегка озадачен.

Я оборачиваюсь. Но он обращается не ко мне. Незнакомец обращается к настоящей Бэй. А она стоит в проходе, который ведет к алтарю, и смотрит на меня так, будто не может поверить своим глазам.

И я тоже не могу поверить своим глазам, хотя именно здесь надеялась ее найти. Разве не об этой встрече я так долго мечтала, разве не этого хотела больше всего на свете? Ведь практически все, что я делала в последнее время, я делала ради того, чтобы снова увидеть свою сестру.

И вот я наконец-то вижу ее.

Глава 26

Я хочу что-нибудь сказать, но не могу произнести ни слова.

Мне страшно, что Бэй покинет меня, как покинула в тот страшный день. Просто повернется ко мне спиной и уйдет.

Она может рассердиться на меня за то, что я пришла, потому что Наверху для меня небезопасно.

Но Бэй заключает меня в объятия. Она плачет. Я крепко прижимаю ее к себе.

– Ты здесь, Рио, – шепчет сестренка мне на ухо. – Как у тебя получилось?

Это такая длинная история, я даже не знаю, с чего начать. От невозможности говорить своим настоящим голосом у меня болит горло. Жрецы смотрят в нашу сторону. Боги сидят на скамьях вместе с прихожанами. А мама и Майра умерли. И мир Наверху совсем не такой, каким я представляла его всю свою жизнь, но мне это безразлично: я все равно люблю этот мир, и я не могу здесь жить. Я – сирена, и мне нет места ни Внизу, ни Наверху.

– Рио, – говорит Бэй, и я чувствую, как она гладит мои волосы.

Я девушка-сирена, в моих волосах слезы, а на коже – соль. Я с трудом могу дышать под тяжестью того, что случилось, однако чувствую огромное облегчение оттого, что наконец-то вижу сестру.

Бэй отводит нас с Тру в кладовую в задней части храма. Кладовая завалена коробками, книгами и всяким хламом. Бэй достает из шкафа пару старых мантий и говорит, чтобы мы надели их поверх нашей еще сырой одежды из мира Внизу. Все это время я не отрываю от сестренки глаз. Мы совсем недавно расстались, но, оказывается, я уже потихоньку начала ее забывать. Я думала, что помню все в мельчайших подробностях, но это не так. Я забыла, как Бэй двигается, когда хочет сделать что-то потихоньку. Забыла, как она выглядит, когда смотрит на меня вполоборота: надо же, в таком ракурсе ее маленькое красивое ушко напоминает ракушку. Я вдруг понимаю, что не помню точно, какой у нее цвет глаз.

Бэй обрезала волосы и загорела под солнцем. Руки у нее стали сильнее, я замечаю, что мышцы теперь выглядят даже рельефнее чем тогда, когда она тренировалась на плавательных дорожках. Под глазами у сестренки темные круги: такие появляются не от одной беспокойной ночи, а когда

не высыпаться неделями.

Голос у Бэй все такой же ласковый, только стал немного хриловатым – наверное, от здешнего воздуха, – и она переняла у местных жителей акцент. Однако я в точности узнаю все ее интонации. Этого я не смогла бы забыть никогда. Майра была права – я действительно умею слушать.

А потом у меня наконец получается сказать вслух хоть что-то:
– Майра.

Я должна рассказать Бэй о том, что случилось с нашей тетей.

Бэй слегка вздрагивает, когда слышит мой бесцветный голос. Уже забыла, какой он противный?

– Не в этом дело, – шепчет сестра, как будто прочитав мои мысли. – Просто, когда я представляла, как ты со мной заговоришь, то почему-то всегда думала, что ты воспользуешься своим настоящим голосом.

– Все сирены поднялись на поверхность, – говорю я, – и люди из этого мира их убили.

– Нет! – Бэй так крепко хватается меня за руку, что даже больно становится. – Не может быть. Ты уверена?

– Я видела это своими глазами. И Тру тоже видел.

Тут я понимаю, что еще их не познакомила, но не успеваю больше произнести ни слова: кто-то открывает дверь в кладовую.

Это жрец в скромной коричневой мантии. Именно он обращался к Бэй возле алтаря. Невысокий полный мужчина средних лет, ничем не примечательный, если бы не доброе лицо и копна седых волос. А следом за ним входит Фэн, тот самый парень из Атлантии. Выглядит он просто ужасно – глаза лихорадочно блестят, волосы спутались, – и еще он не переставая кашляет. Я даже пугаюсь и немного отступаю назад.

– Не бойся, – говорит Фэн. – Это не заразно.

Он прижимает кислородную маску к лицу, делает глубокий вдох, а потом глаза у него становятся круглыми от удивления:

– Тру.

Тру улыбается, и они обнимаются. Фэн снова заходится в кашле.

Бэй мельком смотрит на него, потом опять на меня:

– Кто убил сирен?

Могу ли я рассказать о том, что случилось, в присутствии Фэна и этого жреца? Можно ли им доверять? Похоже, Бэй считает, что да.

– Люди в лодках. Они убили сирен.

Это звучит так глупо. Я трясую головой от бессилия. Нужно столько всего рассказать, а времени у нас так мало.

– Мы все поднялись на одном транспорте. На поверхности нас

ждали люди в лодках. Они не стали высаживаться на берег и прямо с лодок начали убивать сирен. Спаслись только мы с Тру. Насколько я знаю. Майра нам помогла.

– Где она? – спрашивает Бэй.

Я не могу ответить на этот вопрос.

– Они убили Майру? – Сестренка потрясена, как будто такого никогда не могло случиться.

Я ее понимаю. Невозможно представить, что Майра спаслась, но так же невозможно представить, что она погибла.

– Скорее всего, – отвечаю я. – Хотя сама я этого не видела.

– Так, значит, вы их там бросили, – заявляет Фэн.

А вот этого ему говорить не стоило.

– Это вы нас бросили. – Я отвечаю ему, но на самом деле обращаюсь к Бэй.

– Не сердись на меня, Рио, – просит она. – Ты права – мы вас действительно бросили. Я тебя бросила... – Тут голос у нее срыгается.

Бэй знает, что будет дальше. Я просто не могу не задать ей этот вопрос. Пусть я уже и знаю ответ из ее письма, но я хочу, чтобы она сказала мне это лично. Услышать ответ от этой новой Бэй, у которой коротко подстриженные волосы, облупившийся на солнце нос и земля под ногтями, от Бэй, которая все это время жила Наверху вместо меня, в то время как я проживала ее жизнь Внизу.

– Почему ты ушла?

– Я думала, что это лучший способ уберечь тебя от опасности, – со слезами на глазах отвечает Бэй. – Все так запуталось. Я не знала, что люди из мира Наверху собираются убить сирен и прекратить поддерживать жизнь в Атлантии. Мама мне об этом не говорила.

– Она и мне об этом не сказала, – вздыхаю я.

– Мы должны вернуться на тот остров и проверить, вдруг кто-нибудь все-таки выжил, – заявляет жрец.

Он делает шаг в сторону, и я замечаю, что у него на шее поблескивает орден. Орден позеленел от окисления и блестит не так сильно, как реликвия моей мамы, но он зеркально отражает символику с кафедры здешнего храма – деревья, переходящие в облака.

Этот человек не простой священнослужитель. Он – Верховный Жрец.

Я вопросительно смотрю на сестру.

– Познакомься, Рио, – говорит Бэй. – Это Чиро, Верховный Жрец верхнего мира. – Она наклоняется ближе ко мне и шепчет: – Не волнуйся, он не такой, как Невио.

Почему она так в этом уверена? Мы знали Невио большую часть своей жизни и никогда представить себе не могли, что он способен на убийство. Этого Верховного Жреца Бэй знает всего несколько недель. Почему она решила, что ему можно доверять?

– Давайте я попробую узнать что и как, – предлагает Чиро, обращаясь к Бэй. – А вы оставайтесь здесь. Спрячь их. – Он ощупывает орден у себя на шее. – Может быть, боги будут на нашей стороне, – говорит он и быстро идет к двери.

– Почему ты должна нас прятать? – спрашиваю я Бэй.

– Храм – единственное место, где ты можешь быть в безопасности, – отвечает она. – Но даже здесь тебе надолго не спрятаться. Сиренам опасно оставаться Наверху.

Я знаю об этом. Мне небезопасно находиться в любом мире.

– Ты доверишься Чиро, – продолжаю я свои расспросы. – Почему?

– Потому что он возглавляет движение тех, кто хочет спасти мир Внизу. Чиро убежден, что их люди не должны позволить Атлантии погибнуть.

– Интересно, почему его заботит, выживет кто-то из нас или нет?

– Это все из-за ракушек, – говорит Бэй.

– А при чем тут ракушки? – недоумеваю я.

– Я ничего о них не знала, пока не поднялась на поверхность, – объясняет сестренка. – Но Чиро рассказал мне. И другие тоже. Годами ракушки появлялись на поверхности вместе с телами умерших Внизу. Они были у них в карманах или на шее, в виде амулетов. Поначалу сборщики – те, кто собирает все ценное, что можно найти на трупах, – выбрасывали эти ракушки прямо на берегу. Они валялись тут повсюду, поскольку не представляли никакой ценности. Но однажды кто-то поднял такую ракушку, приложил ее к уху и вдруг услышал голос. Это не был голос сирены, он ничего не приказывал; это был голос обыкновенного человека из мира Внизу.

Я начинаю понимать.

– Но голос исчез сразу после того, как его услышали, – продолжает Бэй. – И потому люди тогда подумали, что тот, кто нашел эту первую ракушку, все выдумал. Но потом и другие, прогуливаясь по берегу, стали подбирать ракушки и прикладывать их к уху. Случалось, что и они тоже слышали человеческие голоса. Сборщики постепенно поняли, что необычные ракушки – это те, которые они находили на телах мертвых из мира Внизу. Они перестали выбрасывать такие ракушки и начали приносить их Чиро. Звук этих голосов разбил

его сердце. Годами здесь находились люди, которые внимательно слушали голоса в ракушках. Поверь, Рио, не все Наверху хотят нашей смерти. Здешние жители верят, что эти говорящие ракушки – послание от богов. Никто не знает, как еще могло случиться такое чудо.

А вот я знаю.

Все произошло благодаря Майре, которая и сохраняла эти голоса.

«Еще очень давно я обнаружила, что лучшие голоса можно услышать именно в тюремных стенах», – так сказала мне тетушка. Не эти ли истории она посылала Наверх? Истории находящихся в заключении людей, которые хотят стать свободными.

Видимо, когда Майра сохраняла для меня голос Бэй в той, первой раковине, сестра об этом не знала. Тогда понятно, почему сестра не передала мне сообщение, а просто пела. Сохраненные в раковинах голоса были секретом Майры и Океании, а потом Майра поделилась этой тайной и со мной тоже, потому что я была сиреной.

Она не могла быть уверенной в том, что Чиро найдет эти ракушки, она лишь надеялась, что кто-то их найдет.

– Здешние люди слушали наши истории, – говорит Бэй, – и постепенно у них появилось такое чувство, будто они знают нас.

– Но они все еще не верят, что сирены – это люди, – возражает Тру. – Они их убили.

– Да, некоторые до сих пор ненавидят сирен. Но есть такие, как Чиро, и их много. Они убеждены, что сирены люди и убивать их неправильно.

– Что ж, это лучше, чем Внизу, – говорю я. – Там лишь очень немногие считают нас людьми.

– Рио, – начинает Бэй, но замолкает.

Что она может на это сказать? Я всю жизнь скрывала свой настоящий голос, а она всю жизнь старалась защитить меня, и это был не наш выбор. Мы обе страдали от того, кто я есть на самом деле.

Или нет. Мы страдали не из-за этого, а потому что люди боятся тех, кто от них отличается, хотя в действительности мы очень похожи.

– Есть кое-что, чего я так и не могу понять, – говорю я. – Если голоса сирен действительно так сильны на поверхности, то каким образом здешние люди смогли им противостоять там, на острове?

– Понятия не имею, – признается Бэй.

Как бы я хотела, чтобы нам с ней не нужно было говорить обо всем этом, чтобы нам не надо было думать о сиренах и о собственном спасении. Я бы могла рассказать сестренке о том,

как меня целовал Тру, и о том, как быстро, как действительно быстро я плавала по дорожкам. А она бы рассказала мне о своих чувствах к Фэну, о том, чем мечтает заняться в этой жизни, если не считать постоянной защиты сестры-сирены. Но времени на такие разговоры сейчас нет.

И будет ли оно у нас когда-нибудь?

Я вдруг чувствую приступ слабости и сажусь на пол. Кладу голову на руки. Дышать становится труднее, я не могу не думать о Майре.

Сестра опускает руку мне на спину.

– Есть люди, которые нам помогут, – говорит она. – Я со многими уже познакомилась. Они приходят к жрецу тех, кто, как и я, поднялся на поверхность и работает в трудовых лагерях.

– Что это за работа такая в трудовых лагерях? – спрашиваю я, а Фэн снова заходится в кашле. – Судя по всему, твой друг серьезно болен, ему не место в трудовом лагере.

Фэн в ответ только смеется:

– Им плевать на это. Наше здоровье никого не волнует.

– Жители этого мира позволяют нам подниматься на поверхность только потому, что им нужна дешевая рабочая сила, – поясняет Бэй.

– Они считают, что мы все сплошь тупицы, – говорит Фэн. – И, между прочим, правы. Мы и понятия не имеем о том, как устроен реальный мир.

– Они нас всех в гроб загонят, – жалуется сестренка. – Ночью нам дают пару свободных часов: за это время мы должны успеть добраться до города и решить все свои проблемы. Нам платят одну монету в день. Этого хватает только на еду и на самые необходимые мелочи.

– Ну, ты же знаешь свою сестру, – с улыбкой говорит мне Фэн. – В самый первый день, вместо того чтобы купить себе что-нибудь поесть, она напрямик отправилась в храм.

– Мы правильно сделали, что пошли сюда, – отвечает Бэй. – Ведь мы познакомились с Чиро и теперь бываем здесь каждый вечер.

Неудивительно, что у нее такой измученный вид – работает целый день, а потом приходит на службу в храм.

– Уверена: боги простят вас, если вы будете молиться не каждый вечер, – говорю я.

Фэн снова смеется:

– Мы не только с богами приходим общаться. Мы приходим сюда, чтобы люди из этого мира увидели: мы такие же, как они.

Фэн опять начинает отчаянно кашлять, и на этот раз приступ сильнее. Кашель у него просто жуткий – сухой, болезненный;

кажется, беднягу вот-вот вывернет наизнанку. Конечно, воздух здесь еще загрязнен, но, похоже, Фэн реагирует на это сильнее прочих.

Я смотрю на Бэй. Усталые глаза, коротко подстриженные волосы. Интересно, она подстриглась, потому что не могла заплетать без меня косички или чтобы меньше думать обо мне? А может, причина вообще не во мне, а в чем-то совершенно другом?

– Пожалуйста, надень ее, – говорит Бэй Фэну, и я понимаю, что она имеет в виду кислородную маску, которая висит у него на боку.

– Да когда я надеваю эту штуку, мне вообще становится нечем дышать.

– Но она помогает, даже если тебе так не кажется. Маска тормозит процесс.

– Этого мы не можем знать наверняка, – возражает Фэн, но маску все-таки надевает.

– Это все из-за здешнего воздуха? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Фэн. Теперь, в маске, его голос стал скучным и невыразительным, совсем как мой. – У меня легочная вода. Заболел еще до того, как сюда поднялся. Местный воздух, конечно, не способствует хорошему самочувствию, но мне так и так ничего не светит. А маска, по крайней мере, помогает дышать.

У меня сердце сжимается от жалости к сестре. Эта болезнь неизлечима.

– Давно ты об этом знаешь? – спрашивает Тру. Я вижу, что он потрясен не меньше меня.

– Догадался за несколько месяцев до годовщины Великого Раздела, – отвечает Фэн. – Просто почувствовал, что заболеваю.

– Ты мне не говорил.

– Я никому не говорил. На рынке продается средство, которое помогает от кашля, так что окружающие ничего не замечали. Именно тогда я и начал участвовать в ночных заплывах, чтобы как-то отвлечься. Да, это очень рискованно, но я рассудил: какая разница, если я все равно скоро умру. И там я встретил Бэй. А когда узнал, что она собирается Наверх, решил, что уйду вместе с ней.

– Уже потом мы узнали, что местные врачи могут помочь Фэну – за долгие годы жизни в отравленной атмосфере они в совершенстве научились лечить легочные заболевания, – но никто тут не станет тратить свое время на выходца из нижнего мира, – вставляет Бэй.

– Ну и ладно, – говорит Фэн. – Мы же не знали об этом, когда

поднимались. Я просто хотел быть рядом с тобой и надеялся увидеть этот мир до того, как умру.

Фэн улыбается Бэй, и она мгновенно отвечает ему теплой и яркой, как солнце, улыбкой. Она любит этого парня.

И Фэн тоже любит мою сестру. Это видно по тому, как он с ней говорит и как на нее смотрит.

Значит, Бэй призналась ему, что собирается уйти Наверх.

Но мне она об этом не сказала.

Потому что считала, что должна защищать меня.

На минуту злость обрушивается на меня, как волны на прибрежные камни. Я злюсь на маму и на сестру за то, что они любили меня и от всего на свете защищали. Злюсь на людей из мира Внизу, которые хотят держать сирен под контролем, и на людей из мира Наверху, которые хотят убить их. Но больше всего я злюсь на алчных людей из прошлого, которые довели своих потомков до того, что единственным способом выжить для них стал Великий Раздел. Эти люди бездумно израсходовали все ресурсы, они сожгли деревья, отравили воздух. Их не волновало, что будет потом, и теперь мы должны расплачиваться за их расточительность.

Думаю, у Бэй тоже есть повод для злости, и не один.

Она всегда вынуждена была себя сдерживать. Старалась не расстраивать меня, чтобы я вдруг не заговорила слишком громко, она вообще всю свою жизнь строила так, чтобы защищать меня. Вряд ли это то, чего она хотела, но она все равно это делала. Мы встречаемся глазами, и я понимаю, что хотя мы обе и злимся, но в то же время очень любим друг друга – так было и так всегда будет.

– Но Майра не должна была умереть. – Голос у Бэй дрожит и срывается. – Мы с ней говорили об этом накануне моего ухода. Она должна была удержать тебя Внизу. Предполагалась, что тетя использует свой голос, чтобы подняться на поверхность, и убедит здешних людей не губить Атлантию и сирен.

Майра должна была использовать свой голос.

Но вместо этого она научила меня пользоваться моим собственным.

Глава 27

Утром Чиро, Верховный Жрец, открывает дверь и снова входит в кладовую храма. По его лицу я сразу понимаю, что он принес плохие новости.

– Мне очень жаль, – говорит Чиро, – но мои люди в Совете подтвердили, что все сирены мертвы. – (Господи, как же я ненавижу его в этот момент.) – С острова вывезли двадцать семь тел.

Двадцать семь тел. На транспорте нас было двадцать девять, включая меня и Тру.

Мне столько всего хочется сказать. Но Майра велела ждать. Она постоянно повторяла, что я должна ждать.

До каких пор ждать?

Майра сказала, что я пойму, когда наступит время.

– Они уверены, что все мертвы? – спрашивает Бэй.

– Да, – отвечает Чиро и поглядывает на нас с Тру. Он, наверное, догадался, что мы прибыли вместе с сиренами. Как еще мы могли подняться на поверхность? Но вслух он об этом не говорит. – Мне очень жаль, но члены Совета абсолютно уверены в том, что на острове никто не выжил.

Голос Майры сработал. По крайней мере, на короткий отрезок времени. Она была самой могущественной сиреной, какую только знали в Атлантии. Почему тетя пожертвовала собой ради меня? С какой стати решила, что именно я должна буду спасти наш мир?

– Почему люди так жестоко расправились с сиренами? – спрашивает Бэй. – Сирены ведь и без того не могут здесь долго прожить.

– Некоторые люди все еще боятся, что сирены найдут способ выжить Наверху, – объясняет Чиро. – Вот поэтому они и решили навсегда от них избавиться, не оставив сиренам ни единого шанса.

– И они их убили, – говорю я.

– Но как это могло произойти? – недоумевает Бэй. – Я думала, что пение сирен Наверху становится еще сильнее. Я думала, тут ему никто не может противостоять.

– Члены Советов нижнего и верхнего миров сообща нашли способ, – отвечает Чиро. – Или, вернее будет сказать, его придумал ваш Верховный Жрец.

Я вся холодею.

– Невио? Он Наверху?

Чиро кивает. Лицо у него непроницаемое, и по голосу тоже

трудно сказать, что он сейчас чувствует.

– Невио и еще некоторые члены Совета вашего мира поднялись на другом транспорте незадолго до прибытия сирен. Очевидно, он сам и все те люди, которых он отобрал, неуязвимы для голосов сирен.

– Тогда понятно, – говорит Тру. Голос у него тихий, как шорох песка. – Это они убили сирен.

«Только не кричи, – приказываю я себе. – Молчи и жди. Время еще не пришло».

Теперь все становится на свои места. Невио не стал подниматься с нами. Мы решили, что он поднимется позже, но он сделал это раньше. А потом вместе с членами Совета, с теми, которые убили мою мать, он уничтожил всех оставшихся сирен. Не думаю, что Невио стал сам марать руки, он все организовал, так же как прежде подстроил убийство мамы. Я даже могу представить, как он сидит в одной из лодок и отдает команды остальным, а те стреляют в сирен.

Но ведь Невио знал, что я поднимаюсь Наверх. И про Тру он тоже знал. Он должен был сообразить, что двух человек не хватает. Почему он ничего об этом не сказал?

Бэй нащупывает мою руку и крепко сжимает ее.

«Потому что Майра победила».

Это Майра спасла нас.

Она настолько хорошо спрятала нас с Тру от Невио, что Верховный Жрец вообще забыл о том, что мы поднимались на поверхность.

Майра приказала людям в лодках слушать ее, и они ей подчинились. Это длилось всего мгновение, но этого мгновения хватило, чтобы спасти нам жизнь.

Она оказалась гораздо сильнее, чем члены Совета, которые считали себя неуязвимыми для сирен. Гораздо сильнее всех остальных сирен и самого Невио.

Почему же она не спасла себя?

Почему вместо этого она спасла нас?

Что Майра имела в виду, когда сказала: «Меня так волновала собственная жизнь, я была такой страшной эгоисткой, что теперь с радостью расплачусь за все, что сделала»? Она считала своим долгом спасти нас?

И означает ли это, что моя тетя верила в богов?

Сейчас я знаю лишь одно: Майра абсолютно точно верила в меня.

– Но как мог ваш Совет согласиться на такое? – спрашивает Бэй.

– Не все согласились, – говорит Чиро. – Я был против,

и многие члены Совета тоже. Мы ничего не знали о коварном плане убить сирен. В наших рядах произошел раскол. – Верховный Жрец глубоко вздыхает. – Невио и членам Совета, которые прибыли вместе с ним, гарантировали постоянное убежище в нашем мире. Это награда за помощь миру Наверху избавиться от сирен.

Мне следовало догадаться, что Невио всегда будет мало мира Внизу. Он хочет заполучить мир Наверху.

В этом мы с ним похожи, только я никогда не хотела править этим миром, я хотела просто увидеть его. Стать его частью.

Мне надо поговорить с Бэй. Я знаю секрет Невио. Я знаю, что он – сирениус, а Бэй не знает.

– Некоторые из членов Совета планируют сегодня вечером перенести в храм тела всех сирен и выставить их на всеобщее обозрение, – продолжает Чиро. – Думаю, так они хотят добиться публичного одобрения гибели вашего мира.

– А вдруг у них ничего не выйдет? – предполагает Бэй. – Наверняка люди, увидев тела сирен, поймут, что те ничем от них не отличаются.

– Можешь быть уверена: члены Совета сделают все, чтобы сирены как можно меньше походили на людей, – возражает Фэн.

«Им даже не придется прибегать к особым ухищрениям, – понимаю я. – Сирены сами постарались – грим, необычная одежда».

– И это еще не все, – говорит Чиро. – После того как народ посмотрит на тела сирен, по приглашению Совета наш почетный гость прочитает проповедь. Я имею в виду Невио.

Ну конечно, Невио. Этот тип ждет не дождется, когда можно будет использовать здесь свой голос.

Я понимаю: люди из мира Наверху вправе бояться сирен, которые способны манипулировать ими. Но они даже не подозревают, что именно этим Невио теперь и занимается.

Он использует свой голос, чтобы воздействовать на них, точно так же, как проделывал это с жителями мира Внизу. Верховный Жрец понял, что Атлантия гибнет, и решил спасти свою жизнь и жизни тех, кто привел его к власти, тех, кто помог ему убить нашу маму. Но как он собирается выживать здесь на протяжении долгого времени? Разве Невио не знает, что сирены Наверху неизбежно умирают? Разве он не чувствует то же, что чувствую я? Я здесь всего несколько часов, но уже понимаю, что теряю свою силу.

– А вы не можете помешать ему читать проповедь? – спрашивает Тру.

Верховный Жрец качает головой:

– Я устал бороться. Наш Совет уже не тот: как я уже объяснял, у нас произошел раскол. Я и мои сторонники оказались в меньшинстве.

У Чиро самый обыкновенный голос, голос человека, возможно, очень хорошего и даже мудрого, но не более того. Он на некоторое время замолкает, а потом поясняет:

– Я не знаю, как долго еще мне позволят занимать пост Верховного Жреца. Некоторые уже предлагают на это место Невио.

Да уж, Чиро не сможет соперничать с Невио.

Тру смотрит на меня, предлагая немедленно все рассказать Чиро. Я едва заметно качаю головой. Как мы можем доверить такую тайну человеку, которого почти не знаем? Да и поверит ли он нам? И что он сможет сделать?

Мысли мои текут в другом направлении. Если я выдам Невио, убьют ли его члены Совета верхнего мира? Вполне возможно. Но с другой стороны, если мне предстоит использовать свой голос так, как это задумала Майра, я должна сохранять его чистым. Он не должен послужить причиной смерти кого-либо. Пусть даже и такого негодяя, как Невио.

Эх, вот бы сейчас посоветоваться с Майрой. Но ее, увы, больше нет.

– Все сирены погибли, – говорит Фэн и трясет головой, как будто не может в это поверить.

Естественно, он тоже не в курсе насчет Невио.

– Этого мы не знаем, – возражаю я. – Майра надеялась, что в Атлантии еще остались сирены.

Я не рискую продолжить в присутствии Чиро, но Бэй понимает, о чем речь.

«Такие, как я. Скрытые сирены».

И в будущем наверняка родятся новые сирены. Я думаю обо всех тех голосах, у которых, возможно, никогда не будет шанса запеть.

– Боюсь, у нас нет времени их оплакивать, – говорит Чиро. – Сейчас мы должны сосредоточить все свои усилия на спасении Атлантии. В Совете уже начали обсуждать, сколько людей из мира Внизу следует спасти. Расклад следующий. Как известно, дважды сирены в одной семье на свет не появляются. Поэтому все, у кого в роду не было сирен, попадают под подозрение и должны оставаться Внизу. Такие, как вы, – он смотрит на нас с Бэй, – те, у кого были сирены среди кровных родственников, могут быть допущены Наверх и реабилитированы.

Верховный Жрец не знает, что я сирена.

Бэй рассказала ему о Майре, но не обо мне.

Она все еще беспокоится о моей безопасности.

Сестра утверждает, что доверяет Чиро, но тем не менее не сообщила ему всей правды. Что-то удержало ее от этого шага. А если так, то и мне лучше помалкивать и не говорить ему про Невио.

Я опять вспоминаю Майру: «Есть вещи, о которых ты можешь рассказать только сестре. А есть и такие, о которых ты больше никого не можешь попросить».

Чиро смотрит на Фэна:

– Есть и еще один нюанс. В Совете решили, что не подлежат спасению те, у кого кто-либо из родственников умер от легочной воды, а также те, кто сам инфицирован.

– Но таких людей в Атлантии большинство, – говорит Бэй. – Если вы твердо намерены соблюдать столь жесткие условия, то, боюсь, вообще некого будет спасать.

– Согласен, – кивает Чиро. – Члены Совета – перестраховщики. Но ими руководит страх.

– Они – убийцы, – заявляет Бэй. – Жители вашего мира – самые настоящие убийцы.

– И нашего тоже, – напоминает ей Фэн.

Он прав. Люди Атлантии не стали за нас бороться, и ими тоже руководил страх. Внизу уже давно не считают сирен за людей, а стоило только сиренам подняться Наверх, как их тут же убили.

– Но в любом случае кто-то должен отправиться в Атлантию, – говорит Бэй, и я замечаю, что она побледнела. – Кто-то должен рассказать людям из нашего мира о том, что Невио и члены Совета сделали с сиренами. И о том, что Совет решил бросить Атлантию на произвол судьбы, оставить ее умирать.

– Это может ни к чему не привести. – Я с трудом заставляю себя говорить без злости в голосе. – Нет никаких гарантий, что люди поверят этому. А если даже и поверят, что они смогут сделать?

– Рио права, – поддерживает меня Фэн. – Нет никакого смысла рисковать жизнью.

Он пытается защитить Бэй, и я слышу по его голосу, что он тоже злится.

– Неправда, – отвечает ему Бэй. – Смысл есть.

Сестра понимает, что я не выживу без Атлантии, но не может сказать об этом при Чиро. Она делает глубокий вдох и продолжает:

– Люди из нашего мира никогда не знали всей правды.

– Ладно, допустим, ты отправишься в Атлантию и расскажешь им всю правду. Ну и что это изменит? – спрашивает Фэн. –

Здесьшний Совет все равно приговорит большинство жителей нижнего мира к смерти.

– Майра действительно верила, что могут появиться новые сирены? – спрашивает Бэй.

Я киваю, не вдаваясь в подробности.

– Может, если Внизу еще остались какие-то сирены и они узнают, что теперь могут говорить открыто, то обратятся к богам, чтобы те помогли нам, – выдвигает предположение Тру. – Или вдруг их каким-то образом смогут услышать Наверху. В конце концов, сирены ведь всегда считались чудом.

– Мы обязаны рассказать обо всем людям Атлантии, – говорит Бэй. – Умрут они или останутся в живых, они должны узнать правду. Им надо обратить свои голоса – сирены они или нет – к богам и к людям из здешнего мира и молить о том, чтобы им сохранили жизнь. И им придется согласиться на перемены. – Бэй на секунду замолкает. – Но рассказать им правду должна не сирена.

Бэй права. Иначе и быть не может. Я знаю, что она рождена для этой миссии. Бэй всегда любила Атлантию, она всегда слышала дыхание нашего города. Думать о всеобщем благе – это у нее в крови. Если бы сестра не так заботилась о моей безопасности, она могла бы со временем стать Верховной Жрицей.

– И как ты собираешься спуститься в Атлантию? – спрашиваю я.

Бэй удивленно смотрит на меня, а потом улыбается.

– Сегодня вечером Вниз отправляют еще один транспорт, – говорит Чиро. – Там остались члены Совета, которым гарантировали убежище, но они не вошли в первую группу. Полагаю, я смогу помочь тебе пробраться на борт и спрятаться там. У меня есть такая возможность, и я могу ее использовать. Разумеется, если это окончательное ваше решение.

– Вы можете предложить какой-то другой вариант? – спрашивает Бэй.

Чиро задумывается на секунду, а потом отрицательно качает головой.

– Я попрошу жителей верхнего мира молиться за обитателей нижнего. Но возможно, боги не смогут ответить на наши молитвы, пока все люди не станут молиться вместе.

Какое-то время мы все молчим. В кладовой храма пахнет камнем, книгами и старой одеждой, точно так же, как в храме Атлантии.

– Тогда я отправляюсь Вниз, – решает Бэй. – Вы уверены, что сможете это организовать?

– Да, – отвечает Чиро. – Я пока что Верховный Жрец и уверен, что смогу переправить тебя в Атлантию. Но я не знаю, смогу ли вернуть тебя обратно.

– Понимаю, – говорит Бэй.

– И еще я не могу гарантировать тебе безопасность Внизу, – добавляет Чиро. – Как, по-твоему,отреагируют члены вашего Совета, когда увидят тебя?

– Я очень постараюсь не попадаться им на глаза. Незаметно выскользну из транспорта и как можно быстрее пойду прямо в храм. Там есть люди, которые мне помогут.

– А стражи порядка? – спрашивает Фэн. – И другие жители Атлантии? Представляешь их реакцию? Те, кто выбирает мир Наверху, исчезают навсегда. Когда люди поймут, что ты вернулась из этого мира, они могут испугаться и даже причинить тебе вред.

– Может быть, когда люди увидят меня, они подумают о Верховной Жрице Океании, – говорит Бэй. – О нашей маме.

– Я пойду с тобой, – заявляет Фэн.

– Ну уж нет. Ты помнишь, как перепад давления повлиял на твои легкие при подъеме? Тебе нельзя снова так рисковать.

– Брось, ничего со мной не случится.

– Нет, я сказала.

По лицу Тру, по его доброму, улыбчивому лицу, которое знало солнце еще до того, как он ступил на песчаный берег здешнего мира, пробегает тень.

Он тоже должен вернуться.

Мы с Тру оба понимаем это.

Вернувшись, он расскажет жителям Атлантии о своем даре и, возможно, сумеет найти еще людей, обладающих такими же способностями. В Атлантии все постоянно скрывают друг от друга свое настоящее «я». Если там могут быть такие, как я, то вполне могут найтись и такие, как Тру.

Захотят ли люди из нашего мира, чтобы среди них жили сирены, если у них всегда будет возможность выяснить, правду говорят эти сирены или лгут?

Ни для кого не было секретом, что Тру любит Атлантию. И он всегда знал, что принадлежит к миру Внизу.

Даже когда мы с ним вместе ехали на той гондоле сквозь туман, у каждого из нас был свой путь. Я знала об этом с самого начала. Просто чувствовала, и все.

Возможно, именно поэтому я так боялась его полюбить.

Тру вопросительно смотрит на меня, и я говорю:

– Это лучшее, что ты можешь сделать, чтобы спасти нас.

Он стискивает зубы, я вижу слезы в его глазах.

– Не сомневайся, у тебя получится.

Я не использую свой настоящий голос, но знаю, что Тру слышит его, как слышал всегда. При всех, не стесняясь, он берет меня за руку, подносит ее к губам и целует ладонь. А потом поворачивается к Бэй:

– Я вернусь в Атлантию вместе с тобой.

– Что? – удивленно переспрашивает Фэн.

– Тогда пошли прямо сейчас, – говорит Чиро. – До отправки транспорта остается не так много времени.

Бэй смотрит на меня, и я знаю, что в эту секунду нам в голову пришла одинаковая мысль. Не будет ли разумнее и мне тоже пойти с ними? Мы не знаем, сколько я смогу прожить здесь, Наверху. А если сейчас она и Тру вернутся, то все, кого я люблю, окажутся в Атлантии.

Я вижу понимание в глазах сестры и чувствую его сердцем. Мы становимся ближе, время и расстояние нашей разлуки сокращаются с каждой минутой, которую мы проводим вместе. Мы были порознь, но теперь мы снова вместе, у нас одинаковые мысли, у нас одна цель.

И мы обе знаем, что я должна остаться здесь.

Майра пожертвовала всем ради того, чтобы переправить меня Наверх. Она поступила так, чтобы я могла что-то сделать Наверху. И я еще не выполнила свою миссию.

– Сегодня вечером, – говорю я Чиро, – в храме, когда заговорит Невио, я должна попробовать обратиться к людям.

Верховный Жрец кивает:

– Я тебе помогу. Прослежу, чтобы ты оказалась у кафедры.

Интересно: он догадался, кто я? Мы не говорили об этом вслух, и тем не менее...

– Нет, – протестует Бэй. – Тогда Невио узнает, что ты здесь. Это слишком опасно.

– Ты тоже рискуешь, – отвечаю я. – Но мы обе должны выполнить свой долг.

Майра сказала, что я пойму, когда придет время, и я чувствую, что оно наступает. Интересно, а Бэй тоже это чувствует?

Сестренка прикрывает рот ладонью, ее глаза полны слез. Конечно, чувствует, ведь мы близнецы.

Она знает, что я могу погибнуть здесь, Наверху, а я знаю, что она может погибнуть там, Внизу.

Наши миссии взаимосвязаны. Если жизни тех, кого я люблю, будут зависеть от моих слов, я стану просить за Атлантию всей душой и вложу в молитву всю силу своего голоса. И люди Наверху услышат в этом голосе мою любовь и боль от разлуки

с Бэй и Тру. И тогда появится надежда, что жители Атлантии услышат в голосе Бэй, хоть она и не сирена, ее любовь к Фэну и ко мне.

Ради спасения нашего города мы должны покинуть тех, кого любим.

Ради спасения нашего города мы должны полюбить друг друга больше, чем самих себя.

Именно так – теперь я это понимаю – Майра любила мою маму. И точно так же Бэй любит меня.

Она поднялась сюда, чтобы спасти меня. А теперь мы обе постараемся закончить то, что начали наша мама и тетя: мы постараемся спасти сирен и всю Атлантию.

Я притягиваю к себе сестру, она крепко обхватывает меня руками.

– По крайней мере, на этот раз ты знаешь, почему я ухожу, – говорит Бэй.

Я улыбаюсь и одновременно готова расплакаться. Я действительно знаю, почему она уходит, но почему-то легче от этого не становится.

Глава 28

Мы с Фэном рискуем выйти из кладовой, чтобы проводить Бэй, Тру и Чиро. Огороженный задний двор храма выходит на людную улицу. Большой город быстро поглощает три фигурки, а мы еще на минуту задерживаемся во дворе. В кладовой нам придется снова прятаться и ждать, что совершенно не соответствует нашим характерам. Болезнь уже в буквальном смысле слова взяла Фэна за горло, но все равно видно, какой он энергичный и неутомимый. Я бы с удовольствием посмотрела, как этот парень выступал на заплывах, когда еще был в форме. Думаю, он был стремительным и безрассудным.

Интересно, как бы Фэн оценил мои выступления на дорожках.

Я стою и все время поглядываю на солнце, просто не могу ничего с собой поделать. В этот час оно раскаленное и ярко-белое, на него трудно смотреть, но так прекрасно ощущать, что оно есть. Я не перестаю удивляться тому, как это странно и удивительно – видеть в небе солнце и чувствовать его тепло на щеках.

– О чем ты думаешь? – интересуется Фэн.

– Я счастлива, что вижу солнце, – отвечаю я.

– Не смотри прямо на него, – предупреждает Фэн. – Оно может тебя ослепить.

И в эту самую секунду я чувствую, как у меня сжимается сердце и что-то давит на виски, но причиной тому не только грусть. Лицо Фэна – последнее, что я вижу перед тем, как весь мир для меня погружается во мрак.

Я ничего не вижу, но я еще здесь, и солнце еще горячее.

– Держись, Рио, – говорит Фэн.

Я чувствую, как он аккуратно поддерживает меня под локоть, чтобы я не упала. От Фэна пахнет потом и землей. Эх, вот бы вместо него сейчас рядом со мной был Тру.

– Ты можешь идти? – спрашивает Фэн.

– Да.

– Держись, Рио, – повторяет он.

Голос его доносится словно бы откуда-то издалека. Я чувствую, как Фэн ведет меня за собой, а потом жар от солнца исчезает, и я ступаю на знакомую поверхность каменного пола в храме.

– Иди вперед, – говорит Фэн, – я тебе помогу.

Я по звуку определяю, что пол стал деревянным, как в комнате, где мы прятались, затем слышу, как закрывается дверь, а потом вообще проваливаюсь в небытие.

– Рио, – тормозит меня Фэн, но его голос не из тех, что способны вернуть назад.

Постепенно где-то на краю накрывшей меня темноты начинает появляться свет, и вскоре я вижу уже всю кладовую целиком – шкаф, пыльные книги на полках.

– Долго я была в отключке? – спрашиваю я Фэна, который сидит рядом и держит меня за руку.

– Прилично. Сейчас уже перевалило за полдень, – отвечает он и отпускает мою руку. – Похоже, мир Наверху не очень-то подходит тебе.

– И тебе тоже.

Фэн начинает кашлять. Теперь моя очередь успокаивающе гладить его по спине.

– Как жаль, что ты не Бэй, – говорит Фэн между приступами кашля.

– Как жаль, что ты не Тру, – в тон ему отвечаю я.

Это смешит Фэна, и он еще сильнее заходится от кашля.

– Ты способна переубедить жителей верхнего мира? – спрашивает он осипшим голосом. – Ты сможешь это сделать?

Я хорошо помню, что сказала Майра на прощание: «Единственный шанс победить – поверить в свои силы».

– Да, – отвечаю я, – смогу.

Мы слышим, как кто-то подходит к двери в кладовую. Может, это вернулся Чиро? Не слишком ли рано?

Я поворачиваюсь к двери и вижу, что Фэн запер ее, в точности как велел нам перед уходом Верховный Жрец. Дверная ручка шевелится. У этого человека есть ключ. Это может быть Чиро, но тогда почему он нас не окликнет?

Мы с Фэном, не говоря друг другу ни слова, идем к шкафу. Я первой залезаю внутрь, Фэн следует за мной. Он закрывает шкаф, запирает его изнутри, и мы прячемся за тяжелыми мантиями. Даже если наши враги сумеют открыть шкаф, он достаточно вместительный и темный, так что нас могут и не заметить.

– У меня нет ключа от шкафа в этой комнате, – говорит кто-то.

У этого человека акцент, как у Чиро, но это совершенно точно не он. Дверь в кладовую открывается. Я задерживаю дыхание.

– Но возможно, – продолжает незнакомец, – для ваших целей подойдет сама кладовая.

– Да, подойдет, – отвечает второй человек, и я цепенею от ужаса.

Это Невио.

Фэн кладет руку мне на плечо. Если он боится, что я сейчас опять отключусь, то ошибается. На самом деле я все прекрасно осознаю и отлично себя чувствую, лучше, чем за все время, проведенное Наверху. Это потому, что я слышу другие звуки. Тихий шорох. Жалобный писк.

Летучие мыши здесь, в храме.

Должно быть, Невио взял их с собой Наверх. Но почему? Неужели этот тип добрее, чем я думала? Убил всех сирен, но сжалился над вторым чудом Атлантии?

– Здесь хватит места, пока мы не найдем для них постоянное помещение, – говорит Невио сильным красивым голосом: сейчас он звучит даже еще более впечатляюще, чем в нашем мире Внизу. – Благодарю вас за то, что позволили им пожить здесь. Храм более других мест напоминает мышам дом. Человек, который за ними ухаживает, поднимется со следующим транспортом. Он будет следить за тем, чтобы летучие мыши всегда были сыты и содержались в чистоте. А пока, в качестве временного пристанища, эта комната вполне для них подходит.

– А вы уверены, что эти создания не погибнут вдали от Атлантии? – спрашивает второй мужчина. – Я знаю, что сирены, например, не способны выжить в нашем мире.

Интересно, этот человек – член здешнего Совета?

– Видите ли, эти мыши в отличие от сирен появились на свет не в Атлантии, а здесь, в мире Наверху, – приятным голосом отвечает Невио. – Когда-то давным-давно они умудрились спрятаться в транспорте и тайком проделать весь путь Вниз.

– Так, выходит, они не чудо? – удивляется незнакомец.

– Конечно же нет, – улыбается Верховный Жрец. – Эти мыши – самые обычные существа, которые созданы для жизни Наверху. Но долгое время они были лишены этой возможности, так же как и я, и остальные члены Совета нашего мира.

Одна из мышей издает жалобный писк.

– В действительности, – продолжает Невио, – эти летучие мыши очень хорошо приспособлены для здешней жизни. Еще до того как мы принесли вам в дар сирен, мы отправили нескольких особей вашим ученым, чтобы те могли их исследовать. Ваши ученые не сомневаются: эти маленькие животные способны выжить и даже будут великолепно размножаться здесь, Наверху. Хотя у них при этом сохранится, как бы это назвать... скажем так: склонность летать над водой по ночам.

– Но мы не можем допустить этого, – возражает член Совета, стараясь придать своему голосу побольше солидности. – Ваших мышей следует держать в клетках. Мы не можем позволить, чтобы

существа, которые когда-то жили Внизу, свободно летали у нас, Наверху.

– Совершенно с вами согласен, – говорит Невио.

Его голос стал более резким, или это мне только кажется? Но я рада слышать, что члены здешнего Совета намерены контролировать Невио и его приятелей.

Хотя, естественно, у самого Верховного Жреца могут быть другие планы.

Как только эти двое уходят из кладовой, я бросаюсь вперед и распахиваю дверцы шкафа. Фэн шипит, чтобы я вернулась, но я должна немедленно увидеть летучих мышей. Бедняжки дрожат в своих клетках, но Невио прав – вид у них вполне здоровый, глаза блестят, дыхание нормальное. А дрожат они из-за того, что их посадили в клетки.

– Летучие мыши не должны сидеть взаперти, – говорю я. – Особенно по ночам. Ночь – это время, когда они свободно летают там, где им вздумается.

– Как ты думаешь, зачем Невио их спас? – спрашивает Фэн.

– Понятия не имею.

Я наклоняюсь к клетке, и несколько летучих мышей с писком подбираются ближе ко мне. Я, конечно, знаю, что это не так, но, глядя со стороны, можно подумать, что они меня узнали.

– Однако ни секунды не сомневаюсь, что он преследует какие-то корыстные цели и меньше всего беспокоится за животных.

– Невио – мерзкий тип, это верно, – соглашается со мной Фэн.

Могу ли я ему доверять? Могу ли рассказать ему о том, что Невио – сирениус?

Тру бы рассказал. Он бы доверился Фэну.

Так я и делаю.

У Фэна от удивления округляются глаза, но удивление очень быстро проходит.

– Я должен был догадаться, – говорит он. – Это же все объясняет.

– Да, – киваю я. – Сама не верю, что так долго не могла понять, кто он на самом деле.

– Но если Невио – сирениус, то как он собирается выжить здесь, Наверху?

– Не знаю. Он не такой, как все остальные. Возможно, мир Наверху никак на него не действует.

– Вот кто самый страшный кошмар для здешних людей, – заявляет Фэн. – Ты должна рассказать им правду про Невио, когда будешь говорить в храме сегодня вечером.

– Но если я это сделаю, они решат, что были правы: сиренам

нельзя доверять и все они должны умереть. Так я никогда не смогу убедить людей этого мира спасти Атлантию.

– Ты права, – соглашается Фэн. – Я об этом не подумал.

Он наклоняется, чтобы лучше рассмотреть летучих мышей, а они злобно зыркают на него в ответ. Это веселит Фэна, он вообще смешливый парень.

– А вот ты им, похоже, нравишься, – говорит Фэн.

Летучие мыши действительно не только не возражают против того, что я положила руку на их клетку, но даже успокаиваются.

– Просто они меня немного знают, – поясняю я. – Раньше я чистила деревья у храма, на которых они любили сидеть. Но на этих деревьях больше нет листьев. Все осыпались.

– Правда? – удивляется мой собеседник. – А что еще изменилось?

Я слышу в его голосе тоску по дому.

– Атлантия разрушается, – отвечаю я.

А потом я понимаю, что у нас даже не было времени рассказать Фэну и Бэй о трагедии на Нижнем рынке.

– Нижний рынок затопило, – говорю я. – Появилась брешь.

– Не может быть, – ужасается Фэн. – Сколько людей погибло?

– Сотни. И летучие мыши тоже начали умирать.

Я чувствую, что мне стало легче дышать. Кажется, эти создания действуют на меня успокаивающе.

– И что же конкретно ты намерена сделать сегодня вечером? – спрашивает Фэн. – Как собираешься обойти Невию? Что скажешь людям?

– Я не знаю.

– Мы должны что-то придумать. – Фэн начинает заметно волноваться. – От тебя зависит жизнь Бэй. И жизнь Тру тоже.

– Бэй рассказала тебе? О том, кто я?

– Она сказала, что у тебя есть секрет и только ты можешь о нем рассказать, – отвечает Фэн. – Но думаю, я догадался.

Фэн – умный парень. Я могу понять, почему он привлек внимание Бэй и занял место в ее сердце.

– Ты сирена, – тихо говорит он.

– Да.

Тут Фэн наклоняется вперед и снова начинает кашлять, на этот раз громче, чем раньше. Нас могут услышать. Он должен остановиться. Я убираю руку с клетки с летучими мышами и кладу ее на спину Фэна. Он перестает кашлять, и дыхание у него становится ровнее.

– Все, теперь буду надевать маску, – говорит он. – Обещаю. Просто... ненавижу ее надевать. У меня в ней вечно такое чувство, будто я тону.

– Очень хорошо тебя понимаю, – киваю я.

Фэн внимательно смотрит на меня:

– Верю, что понимаешь.

Он надевает кислородную маску, и мы опять устраиваемся в шкаф, закрываем дверцы и ждем.

Спустя какое-то время Фэн тихо говорит:

– Я слышал, что была другая цивилизация, которая существовала так же долго, как наша. И приблизительно в то же время, что и у нас, у них произошел свой Великий Раздел. Одни остались на земле, а другие ушли на небо. Может, те, кто там, на небе, теперь наблюдают за нами. Вдруг они выжидают, когда у нас тут все закончится, а потом спустятся и заберут себе, что осталось.

– Люди, живущие на небесах? Очень похоже на богов.

– Я не верю в богов.

– Бэй верит.

– Знаю, – говорит Фэн. – А ты?

– Трудно сказать.

И тут мы слышим, как кто-то снова открывает дверь в кладовую. А потом Невио спрашивает:

– У вас есть ключ от шкафа?

Мы с Фэном в ужасе замираем.

– Да, – отвечает второй голос. – Кажется, вот этот. Был у него в кармане.

Это говорит не тот человек, который приходил сюда с Невио раньше, но я узнаю акцент и понимаю, что и он тоже из мира Наверху.

– Замечательно, – говорит Верховный Жрец.

Я слышу, как они возятся с замком шкафа. Мы с Фэном задерживаем перед собой мантии и вжимаемся в заднюю стенку, но я боюсь, что этого недостаточно. Заметят они нас или нет?

– Это только временное решение проблемы, – предупреждает незнакомый голос.

Невио смеется в ответ. Судя по звуку, он стоит дальше от шкафа. Одна из летучих мышей взвизгивает. Я слышу, как открывается клетка. Что он там делает?

– Знаю, – говорит Невио. – Единственное, что от вас требуется, – это дать мне достаточно времени, чтобы я смог говорить. А потом мы пришьем сюда кого-нибудь, кто от него избавится.

– И куда же мы его денем? – спрашивает второй человек.

– Утопим в океане, – отвечает ему Невио. – По-моему, самый подходящий для него вариант. Кажется, этот тип был просто очарован его мерзостями.

Спутник Невио, хмыкнув, замечает:

– Все прошло очень гладко.

– Да, – соглашается Невио. – Но мне хотелось бы знать, что он делал там, у воды?

– На этот счет можете не беспокоиться, – заверяет его собеседник. – Все обстояло именно так, как вы и сказали. Он и впрямь был очарован океаном. Постоянно бродил по берегу, собирал ракушки и любовался на волны.

Ключ поворачивается в замке, и дверцы шкафа открываются.

Я задерживаю дыхание. Фэн притих, насколько он на это способен, а я возношу молитвы маме и богам, чтобы он не начал кашлять прямо в эту минуту.

А потом я перестаю молиться и стараюсь не закричать, потому что в шкаф вталкивают какое-то обмякшее тяжелое тело. Это тело мертвого человека, оно оказывается прямо перед нами. Затем дверцы шкафа закрываются, их снова запирают. Труп лежит чуть ли не на мне, и я точно знаю, кто это. Я видела его лицо в тот момент, когда открывали шкаф.

Чиро.

– И эту тварь тоже заодно с ним утопим, – говорит Невио.

Дверца шкафа снова открывается, и внутрь забрасывают что-то еще. Еще одно тело, в этот раз маленькое, но такое же бездыханное, как и труп Чиро.

Летучая мышь.

До чего же здесь темно. Едва услышав, что Невио и его спутник покинули кладовую, я как можно быстрее карабкаюсь к дверце шкафа, нащупываю внутренний замок, поворачиваю его и распахиваю дверцу. Летучие мыши дружно таращат на меня испуганные глаза.

– Мне так жаль, – говорю я им и Чиро. – Простите меня, пожалуйста.

Я должна была рассказать Верховному Жрецу верхнего мира о том, кто такой Невио. Я должна была довериться Чиро, но я этого не сделала, и теперь он мертв. А ведь он столько сделал, чтобы помочь нам.

Это я виновата в его смерти.

– Рио, – говорит Фэн. – Успокойся, все нормально.

Я трясую головой:

– И это ты называешь нормально?

Я смотрю на Чиро, на его спутанные волосы и несчастное мертвое лицо. Потом я кладу ладонь ему на грудь, но он не дышит, и сердце его не бьется. Ран я вроде бы не вижу, но жизни в нем больше нет, а тело его безвольное и нелепое,

как у сломанной куклы. Они убили его, как и нашу маму. Интересно, на этот раз Невио сам выступил в роли отравителя или он снова нашел исполнителя?

– Все нормально, – повторяет Фэн и стягивает маску, чтобы можно было говорить глаза в глаза. – Я имею в виду, что Тру и Бэй отправились Вниз. Ты слышала, что говорил Невио? Он не знает, что Верховный Жрец делал на берегу. Наверняка Чиро успел помочь Бэй и Тру пробраться на транспорт. Понимаешь? Невио не видел их. Он видел только одного Чиро. Так что у нас пока еще есть шанс. Ты не должна отказываться от своего плана.

Чиро мертв.

Сирены мертвы.

Майра мертва, и моя мама тоже.

Мы все умрем.

Как может Фэн спокойно рассуждать и говорить, что все нормально?

А потом я вспоминаю: он ведь тоже умирает. Он умирает уже не один месяц.

Но Бэй и Тру – они должны жить. Я все должна сделать для этого. И если уж на то пошло, я тоже очень хочу жить.

Майра сказала, что я пойму, когда придет время.

И это время пришло.

Я должна войти в храм и заговорить.

Я закрываю Чиро глаза. Фэн хочет помочь мне, но я отказываюсь: я должна сделать это сама. Вставая, я дотрагиваюсь до клетки с летучими мышами.

– Ты прав, – говорю я Фэну.

Он тоже встает.

– Я пойду с тобой. Ты не должна оставаться одна.

– А я и не буду одна.

Я чувствую, что Бэй будет со мной. И мама тоже. И ее сестра, наша тетя.

А еще я хочу, чтобы Фэн кое-что сделал.

– Пожалуйста, – прошу я его, – отпусти их. Так будет лучше.

Выражение его лица меняется, мне даже сначала кажется, что он вот-вот сломается.

– Не могу, – говорит он.

Я понимаю: Фэн подумал, будто я имею в виду Бэй и Тру. Я тоже не собираюсь их отпускать.

– Летучих мышей, – уточняю я и показываю на клетку. – Ты можешь найти способ выпустить их на свободу?

Фэн кивает. Я чувствую огромное облегчение. Летучие мыши не созданы для того, чтобы сидеть в клетке. Им нужна свобода.

Мой голос будет звучать лучше, если они окажутся на воле.

– Спасибо, – говорю я Фэну. – До встречи.

А потом, перед тем как выскользнуть из кладовой в коридор храма, я на прощание легонько прикасаюсь к его плечу. Пусть я не Бэй, а он не Тру, но мы при этом прекрасно понимаем друг друга. И я сделаю все, что смогу, чтобы спасти то, что еще можно спасти.

Глава 29

Вдоль стен коридора стоят жрецы и стражники. Их много, а я одна. Но я помню, что делала в таких случаях Майра, в шлюзах и на маленьком острове.

– Вы не видите меня, – говорю я, пока иду между ними по коридору.

Коридор узкий, наши мантии почти касаются друг друга, их лица так близко, что я могу различить цвет глаз каждого.

Но они меня не видят.

Это такое странное ощущение, когда ты идешь среди людей из мира Наверху, а они смотрят мимо тебя или сквозь тебя. Нечто похожее я испытывала, когда я говорила Внизу, не используя свой настоящий голос.

Храм полон прихожан. Невио стоит за кафедрой. Где же сирены? Чиро сказал, что Совет планирует выставить их тела в храме на всеобщее обозрение. А потом я вижу в боковых приделах черные ящики, и сердце у меня сжимается от дурного предчувствия. Вчера вечером этих ящиков там не было.

Пересчитываю ящики. Двадцать семь.

Я отхожу в сторону и надеваю на голову капюшон своей коричневой мантии. Народу в храме много, люди стоят и в приделах, и в нефе. Если я буду держаться подальше от центрального придела и двигаться медленно, меня могут и не заметить. Мне не хочется снова использовать свой настоящий голос, но я должна увидеть тела сирен. Я должна знать наверняка.

– Люди мира Наверху, – говорит Невио, – мы рады снова оказаться среди вас и благодарны вам за то, что вы нас приняли. Мы так долго ждали этого момента.

Его голос звучит просто идеально. Интонации знакомые, успокаивающие, правильные – отлично выверенная комбинация принуждения и приказа. Даже сейчас, зная, кто Невио на самом деле, я не могу определить, когда он говорит правду. Очень часто небольшие порции правды примешиваются в его словах ко лжи.

Наконец я подхожу к ближайшему ящику. Он приподнят над полом, но все равно установлен достаточно низко, чтобы можно было заглянуть внутрь.

В ящике лежит сирена.

В момент смерти она кричала.

На это тяжело смотреть.

Невио продолжает говорить. Заметил он меня или нет? Думаю, вряд ли. Двигаюсь дальше с низко опущенной головой.

Люди, не глядя, позволяют мне пройти мимо них. Неужели одной-единственной моей команды оказалось достаточно, чтобы они подчинялись ей все это время?

Или их внимание удерживает голос Невио?

– Сирен больше нет, – говорит он. – Наконец наступил день, когда люди из мира Наверху могут больше не бояться никаких порождений мира Внизу.

И только в самом конце нефа лежит она. Мне сначала кажется странным, что ящик с телом Майры решили убрать в самый дальний угол, ведь там ее увидит меньше людей. Но потом я понимаю, почему члены Совета так сделали.

Потому что Майра лежит умиротворенная.

Она прекрасна, как может быть прекрасно море или солнце. Мне больно на нее смотреть и в то же время трудно оторвать от нее взгляд. Я прикасаюсь к краешку ее мантии и ухожу в центральный придел. Пришло время, чтобы меня увидели. Пришло время быть услышанной.

– Мы знали, что этот день настанет. – Невио разводит руки в стороны, его голос перетекает через кафедру в придел. – Пришло время миру Наверху раз и навсегда избавиться от мира Внизу. Это ваше время.

Я выхожу в центральный проход. Верховный Жрец поднимает голову, мы встречаемся взглядами, и боги смотрят на нас со всех сторон. Я понимаю, что Невио начал верить в собственную ложь. Теперь он не сомневается, что только его слова и могут быть правдой.

Люди оборачиваются, чтобы посмотреть, что привлекло внимание оратора. Знает ли он, кто я? Вспомнил ли, глядя на меня, что я тоже поднялась Наверх?

– Кто это? – перешептываются прихожане.

Я откидываю назад капюшон. Люди расступаются, давая мне дорогу. Я иду по мраморному полу, и мои шаги звучат точь-в-точь как мамыны, когда она почти в полной тишине направлялась на кафедру читать проповедь. Чаша с водой все еще стоит на алтаре, и солнечный свет проникает в окна.

– Меня зовут Рио Конуи, – говорю я и на секунду замолкаю, потому что больше ничего не могу сказать.

Под сводами этого храма звучали ложь и правда, а сейчас настало мое время.

В глазах Невио ненависть, он узнал меня. Теперь он вспомнил, что я тоже поднялась на поверхность, и наверняка понял, кто заставил его забыть об этом. Майра. Она была сильнее его тогда, на острове, да и раньше тоже не один раз оказывалась могущественнее, чем Верховный Жрец.

В моем сердце нет страха.

Я знаю, как это сделать. Майра показала мне все, шаг за шагом, начиная с первого дня на Нижнем рынке и заканчивая последним на острове. Я прошла хорошую школу.

Я поворачиваюсь спиной к Невио и лицом к людям из мира Наверху. Я говорю, я прошу:

– Слушайте.

Я чувствую, как вся сила сирены звучит в этом единственном слове, я вкладываю в него все, что берегла долгие годы.

Пусть все будет именно так. Я хочу, чтобы эти люди меня слушали, но я хочу говорить с ними не как сирена, а как человек. Как одна из них. И тогда, возможно, они поймут.

Я хочу быть услышанной.

Сейчас я могу открыто использовать свой настоящий голос, он все еще сильный. Я такой же человек, как и все эти люди в храме, и я ничего им не приказываю. Это было бы неправильно. И это бы не сработало. Жители верхнего мира должны сами захотеть спасти нас.

Я знаю, о чем сейчас говорит Бэй Внизу. И она тоже наверняка чувствует меня. Мы действуем в одном направлении. Мы единое целое, как вода, что омывает нашу планету.

Мой голос разносится под сводами храма, а в голове у меня звучат другие голоса: Майры, Бэй и нашей мамы Океании. Они говорят со мной, живые и мертвые. Им всем нужно одно чудо – спасение Атлантии.

– Люди Атлантии нуждаются в вас, – говорю я. – А мы нужны вам. Мы можем помочь друг другу.

Боги-горгульи смотрят на нас сверху вниз. Всю свою жизнь я видела их двойников. Мне знакомы их острые зубы и взгляд каменных глаз. Я почти вижу глазами Бэй то, что она видит сейчас в храме Атлантии.

– Боги людей из мира Наверху похожи на существ из мира Внизу. Обитателям нижнего мира они напоминают животных из верхнего. Но это одни и те же боги. Сотворили мы их или открыли, не важно: они одинаковые. И мы тоже одинаковые. Все мы люди: и те, кто живет Наверху, и те, кто живет Внизу. И сирены тоже люди. Они несколько иные, но если мы даже чем-то отличаемся друг от друга, это не должно нести нам смерть.

В храме воцаряется тишина. Даже Невио умолк и слушает. Но он пренебрежительно улыбается. Небось решил, что я допустила ошибку. Он знает, что всю свою силу я вложила лишь в одно-единственное слово: «Слушайте!» Я попросила присутствующих слушать меня, и они действительно слушают, включая и Невио. Но он думает, что, как только я закончу, сила

этого слова иссякнет. Тогда он сможет продолжить свою речь и покончит со мной и со всем, что я сказала. Потому что Верховный Жрец без колебаний использует свой голос против этих людей. Он намерен приказывать им.

«Не думай о Невио. Думай о маме, тете и сестре. Думай о парне, которого любит Бэй. Думай о парне, которого любишь ты сама».

– Это будет самым трудным в нашей жизни, – говорю я. – Полюбить людей из другого мира так же, как мы любим тех, кто живет среди нас. Для меня это легко, потому что моя сестра там, Внизу. Ее нет здесь, рядом со мной.

И когда я произношу эти слова, то понимаю: это горькая правда, Бэй больше нет со мной.

А вдруг она умерла? Что случилось там, Внизу?

Подумав о Бэй, я запинаюсь, и мой голос теряет силу.

Воспользовавшись этим, Невио делает свой ход.

– Нет, на самом деле порядок мироустройства иной, – говорит он и наклоняется вперед. – Привилегии мира Внизу закончились. Сейчас наступило ваше время. И не забывайте: нижний мир породил сирен, страшных тварей-мутантов. А эта девчонка – одна из них.

– Сирены – тоже люди, – возражаю я. – Такие же, как и все остальные, не лучше и не хуже. Невио прекрасно знает об этом. Он ведь и сам сирениус.

Прихожане начинают переговариваться, кто-то плачет.

Не очень приятно рассказывать им об этом. Но сейчас пришло время всем узнать правду.

На секунду лицо Невио искажается от потрясения, но потом он снова улыбается.

– Эта девчонка пришла из мира Внизу, – говорит он. – И она заблуждается в силу собственного невежества. Вообще мир Внизу – это сплошное невежество. Но вы, люди верхнего мира, не такие. Вы готовы стать свободными. Свободными от того, чтобы поддерживать тех, кто Внизу. Вы свободны от прошлого. Пришло время двигаться вперед, освободиться от оков Атлантии, которые тянут вас назад.

Невио обладает такой силой, что даже я в определенный момент готова ему подчиниться. Какой-то голос внутри меня убеждает: то, что этот человек говорит, – правда, чистая правда.

Но я быстро понимаю, что это чужой голос. Его навязали мне, откуда-то извне поместили в мое сознание. Когда Майра в последний раз говорила на острове, я испытывала совершенно иные ощущения. Все воспринималось естественно. Казалось, что она поет знакомую мне песню, и эта песня – частичка меня

самой.

Некоторые прихожане начинают потихоньку проталкиваться к выходу из храма. Куда они собираются уйти?

Другие упали на колени и принялись молиться. Кому? Кто их услышит?

Я вижу Фэна. Он в маске. Пытается прорваться ко мне.

Появляются стражи порядка. Они идут за мной. В суматохе кто-то скидывает чашу с водой с алтаря.

Стеклянная чаша разбивается. На секунду в храме воцаряется тишина.

Мы с Невио одновременно набираем в грудь побольше воздуха, чтобы заговорить, но не успеваем. Внезапно раздается страшный крик, полный боли и отчаяния; он эхом разносится вдоль придела с витражами из цветного стекла. Человек, который кричал, замолкает, а потом говорит:

– Эта девчонка считает, что мы сможем спасти всех. Сумеем преодолеть все, что мешало нам в прошлом, и стать счастливыми. Хотел бы я, чтобы так оно и было. Но это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Так и есть: это слишком хорошо, чтобы быть правдой, – кивает Невио.

До этого момента я чувствовала себя сильной, но теперь мое тело начинает проигрывать битву с этим миром. На меня накатывает слабость, темнота приглашает меня уйти в нее и отдохнуть.

Невио замечает это. Его глаза торжествующе блестят, а голос по-прежнему силен. Как, интересно, это ему удастся?

В поисках помощи я поднимаю глаза вверх, на богов, и наталкиваюсь на чей-то живой и внимательный взгляд.

Это одна из летучих мышей, привезенных из Атлантии. Фэн выпустил их из клетки. Я вижу, как они друг за другом садятся на богов этого мира, как когда-то садились на богов мира Внизу. И ко мне возвращаются силы. Возвращаются только оттого, что я вижу летучих мышей.

Мне становится легче, когда они рядом, эти существа из мира Внизу. А их явно успокаивает мое присутствие. Мы поддерживаем друг друга.

«Так вот как собирался выживать Невио. Он забирает энергию жизни у летучих мышей. Он использует их, чтобы остаться в этом мире».

Я не стану этого делать.

На алтаре в этом храме всегда была вода из мира Внизу. Ее нельзя убить. Воде нельзя причинить боль.

Я оборачиваюсь и смотрю туда, где лежит тело Майры.

Она была самой могущественной сиреной из всех, кого я только знала.

И, клянусь, я слышу, как тетя говорит мне: «Нет, Рио, это не так. Самая могущественная – ты».

Я выхожу к тому месту перед кафедрой, где разбилась чаша с водой, и кладу ладони на мокрый пол. Я слышу, как люди затаили дыхание. И тогда я показываю им свои мокрые ладони.

– Не надо бояться прикоснуться к миру Внизу, – говорю я. – Неужели вы не чувствуете тоску по тому, что там, на глубине? Неужели вам не хочется узнать, как там все устроено?

Кое-кто из прихожан кивает, их немного, но в моем сердце зарождается надежда.

– Атлантия, – продолжаю я, – не похожа ни на один другой город. Ваши предки участвовали в ее строительстве. Вы помогали поддерживать в ней жизнь. Неужели вам не хочется увидеть Атлантию?

А потом я рассказываю присутствующим о нашем городе: о храме и разноцветных домах, о площадях и прудах желаний. Я рассказываю им о деревьях с металлических листьями и о том, как дышит Атлантия, о песнях сирен и морских садах, о плавательных дорожках, богах и гондолах. Наконец я рассказываю о Нижнем рынке и о том, как его затопило.

– Жители Атлантии такие же люди, как и вы, – продолжаю я, и голос у меня срывается, потому что я думаю о Тру, о Бэй и обо всех остальных, кто там остался.

Я чувствую прилив сил, но понимаю, что это не продлится долго. Вода не сможет помогать мне бесконечно.

– Нам надо торопиться. Если мы не спасем Атлантию, она погибнет. Вместе со всеми своими жителями. Прошу вас, помогите им.

Кто-то говорит:

– Нам придется поверить, что все оставшиеся сирены будут использовать свою силу лишь во благо.

– А нам придется поверить вам, – отвечаю я. – Мы – люди. Мы не хуже и не лучше вас. Я верю, что боги создали нас разными, чтобы мы учились друг у друга и менялись в лучшую сторону.

И тут я вдруг понимаю: третье чудо – это Майра и то, что она сделала. И дело тут не только в том, что она пожертвовала собой, продемонстрировав свою недюжинную силу тогда на острове. Настоящее чудо заключается в другом: моя тетя годами сохраняла голоса в ракушках и отправляла их на поверхность.

– Вам же приходилось слышать нас, правда? – обращаюсь я к аудитории.

– Да, – подтверждает один из прихожан. – Мы вас слышали.

И тут вдруг раздается звук сотен маленьких крыльев. Летучие мыши, которые до этого сидели на фигурах богов, срываются с «насестов» и кружат над нами.

Люди в храме взирают на это маленькое чудо, открыв рты от изумления.

Когда мыши пролетают мимо окон в храме, их голубые крылья так же прекрасны, как сам океан.

Я плачу, но при этом, как никогда, чувствую свою силу.

Фэн идет ко мне через толпу прихожан. Я благодарно улыбаюсь ему: он сделал все, как я и просила. Он отпустил этих удивительных созданий на волю.

А потом одна из летучих мышей опускается все ниже, все ближе и наконец садится мне на плечо.

Затем ее примеру следует другая.

И еще одна.

Они парят мимо Невио и садятся на меня. У них острые когти, и мне чуть-чуть больно, но я знаю, что так они чувствуют себя хоть немного дома. Я ведь тоже из Атлантии, и поэтому им со мной хорошо.

Летучие мыши – настоящее чудо, и я стою посреди храма, словно в мантии из чудес.

Невио продолжает говорить, но люди его больше не слушают. Все смотрят только на меня. Что они решат? От их решения зависит, будет жить Атлантия или погибнет.

А что происходит сейчас Внизу? Слушают ли жители Атлантии Бэй? Готовы ли они принять правду? Способны ли они понять, что им тоже предстоит измениться?

– Спасибо, – говорю я летучим мышам. – Вы свободны, все хорошо.

Я не собираюсь пользоваться своим голосом, пускай люди сами решат, как им поступить.

И я не собираюсь забирать жизнь у летучих мышей ради того, чтобы остаться в этом мире.

Только что они сидели на мне, а теперь вспорхнули, и я чувствую, что вместе с ними меня покидает и сила. У меня подкашиваются колени.

Стражи порядка окружают меня со всех сторон. Голос Невио звенит в ушах. Я зажимаю уши ладонями, плотно, как будто они – морские раковины. Я слышу собственное дыхание, ровное, как дыхание моей сестры.

Глава 30

– Вот видишь, – говорит Майра. – Я была права. Ты единственная, кто оказался способен на это.

– Благодаря своему голосу, – отвечаю я.

– Не только, – возражает тетя. – Ты еще и сама сделала много всего, что не имеет никакого отношения к твоему голосу. Ты научилась быть сильной на дорожках и поэтому смогла доплыть к большому острову. Ты годами ухаживала за летучими мышами, и теперь они летят к тебе, не дожидаясь, когда ты их позовешь. У тебя хватило смелости заговорить в мире Наверху, и, когда ты заговорила, обитатели его почувствовали, что могут верить тебе. Они знают, что ты говоришь правду.

Я открываю глаза.

Я не сомневаюсь, что голос, который я слышала, – голос Майры: может, она ухитрилась как-то его сохранить; но теперь это уже не важно.

Я вижу, что надо мной склонился Фэн. Я знаю, что тихие звуки, которые меня окружают, издают летучие мыши.

Внезапно все фрагменты мозаики складываются воедино, и я понимаю, где нахожусь.

Я в транспорте, который идет Вниз. Мне не надо это объяснять. Я чувствую, как постепенно исчезает мир Наверху, место, где я произнесла единственное, самое главное слово своей жизни. Солнце теперь навсегда осталось в прошлом, зато вода постепенно становится даже ближе, чем раньше.

– Мы возвращаемся, Рио, и нам пришлось взять тебя с собой, – объясняет Фэн. – Ты ведь не смогла бы, подобно Невио, забирать жизнь у летучих мышей. Чтобы спасти тебя, мы собрали всю морскую воду в храме, но этого оказалось мало. Прихожане бегали к берегу, набирали воду и приносили ее для тебя.

Теперь я это чувствую. Меня буквально заливали морской водой, и на моей коже морская соль. Когда в годовщину Великого Раздела в храме Атлантии я выбрала жизнь Внизу, меня просто окропили морской водой, а теперь я вся пропитана ею.

Мы с Фэном не одни. Жрецы и члены Совета верхнего мира сидят, разбившись на группы, и о чем-то разговаривают. Летучие мыши примостились на подлокотниках кресел или летают по транспорту. Глядя на все это, я понимаю, что нам позволили уйти Вниз вовсе не для того, чтобы умереть.

– У нас получилось, – говорю я.

– Да, – кивает Фэн. – Но только пока.

Мир Наверху не даст нам умереть. Пока.

Мы погружаемся, и я чувствую, как ко мне возвращаются силы.

– Тебе не нужно было опускаться Вниз, – обращаюсь я к Фэну. – Ты же знаешь, как вредны перепады давления для твоих легких.

– Это правда, – отвечает он. – Но я должен увидеть Бэй. Я должен узнать, что с ней и чем там вообще все закончилось.

А мне кажется, что я уже знаю это. Я думаю, что моей сестре удалось достучаться до жителей Атлантии и она смогла им помочь. Я чувствую, что те, кто прятался, наконец-то набрались смелости открыться. Я думаю, что все обитатели мира Внизу, сирены и обычные люди, разом вознесли молитвы богам и те даровали им шанс измениться. Я уверена: это произошло именно в тот момент, когда летучие мыши решили сесть мне на плечи. Я вспоминаю, как одна из мышей расправила тогда крылья, и крылья ее были голубыми, как мантии сирен.

– Они сами прилетели за нами на транспорт. – Фэн кивает в сторону летучих мышей. – Не все, правда. Некоторые сели на деревья и остались там, Наверху, но часть залетела сюда. Мы решили – пусть живут, где хотят.

Один из жрецов в коричневой мантии подходит к нам.

– Извините за беспокойство, – говорит он, – но не могла бы ты... не могли бы вы... рассказать нам о мире Внизу еще раз?

Жрец совсем молодой, и голос у него звучит искренне, как будто он всю жизнь мечтал узнать об Атлантии. Может, у него были брат или сестра, которые в свое время не мешали ему мечтать о другом мире, так же как Бэй не мешала мне грезить о мире Наверху?

– Это прекрасный мир, но он погибает, – отвечаю я.

И я снова повторяю жрецу все то, о чем говорила в храме Наверху: о подводном городе и о людях, которые живут в Атлантии.

А он слушает меня и плачет. В какой-то момент это меня даже пугает. А вдруг я непроизвольно, сама того не желая, манипулирую его чувствами? Но нет, я абсолютно точно не пыталась принуждать этого человека к чему-либо. Я просто хотела рассказать ему правду.

И тут я внезапно замечаю кое-что еще.

Голос сирены исчез, его больше нет. Но в то же время мой голос звучит красиво и сильно, он не фальшивый, но мой естественный.

– Ты думаешь, у нас получится жить вместе? – спрашивает жрец.

– Да, – отвечаю я.

Он кивает и возвращается на свое место. Я слышу, как он передает мои слова своим собратьям-жрецам.

И я думаю: «Это хорошо, пусть теперь они сами убеждают друг друга».

– Но куда подевался твой голос сирены? – недоумевает Фэн. – Как ты думаешь, что с ним случилось?

– Я думаю, что отдала его миру Наверху.

– Непохоже, что ты об этом жалеешь, – замечает он.

– А я и не жалею, – отвечаю я.

Потому что я – сильная. Я родилась с голосом сирены. Это мой дар, который я сама решила принести в жертву своему городу, но я остаюсь сильной, поскольку владею той силой, которую обрела сама.

Я могу говорить. И я буду говорить.

Я думаю, что Майра знала, как все произойдет. Наверняка она это понимала, но не говорила мне, потому что боялась: а вдруг я откажусь потратить свой голос? Я верю, что в конце нашей истории тетя полюбила меня по-настоящему, хотя наш город Майра, конечно же, любила еще больше. Она хотела, чтобы жизнь в Атлантии не прекращалась. И она была права.

И стоит ли жалеть об утраченном голосе, если моя жертва поможет сохранить Атлантию?!

Двери транспорта плавно открываются. Снаружи нас ждут толпы людей. И город, город дышит.

Жители Атлантии. Почувствуют ли они солнце на моей коже, заметят ли они звезды в моих глазах?

В этот раз найти сестренку совсем не трудно. Толпа людей остается позади, и только она одна стоит прямо передо мной и смотрит мне в глаза.

– Бэй, – говорю, – я вернулась.

На острове сирен тишина.

Соленый холодный воздух в это время года окрашивает небо в нежные розовые и голубые тона. Когда я снимаю туфли и босиком иду по берегу, песок у меня под ногами уже не такой теплый и дружелюбный: каждая песчинка холодная и словно бы сама по себе.

Бэй ждет меня на острове. Она обнимает меня и крепко прижимает к себе. Волны не переставая накатывают на берег. Я слышу, как сердце любимой сестренки бьется возле моей груди, я закрываю глаза и просто слушаю.

Когда мы отпускаем друг друга, я сажусь на песок, и Бэй устраивается рядом со мной.

Почти все транспорты приходят на главный остров, но, когда я бываю Наверху, я люблю встречаться с Бэй здесь. Несмотря на то, что именно тут умерла Майра.

Кому-то это может показаться странным, но только не нам с Бэй. Это место даже не сравнить с храмом, оно как мостик между двумя мирами – верхним и нижним. Летучие мыши, которые остались Наверху, так и не вернулись в храм. Они обосновались в пещерах на берегу океана. А в сумерках мыши порой садятся на поросшие серебристым лишайником ветки деревьев, и тогда я вижу их прозрачные голубые крылья.

И этот остров – он для нас все равно как святая земля.

Каждая ракушка, которую тут подберешь, может хранить голос Майры. Каждый камешек под ногами мог быть камешком, на который ступала она. Любое дуновение ветра или шелест волны может оказаться посланием от нее. Но в то же время это может быть просто ветер, просто волны, ракушки или камешки на берегу. В этом вся прелесть.

Мне здесь хорошо. Если бы я могла, построила бы здесь из древесины прибитых к берегу деревьев дом для всех нас: для Фэна с Бэй и для меня с Тру. А на крыше я бы посадила фигурку бога с трезубцем, такого, как когда-то подарила мне Элинор. Летучие мыши прилетали бы к нашему дому и отдыхали, сидя на этом трезубце.

Мне жаль, что я не могу жить Наверху.

А вот Бэй, наоборот, хотела бы жить Внизу. Но ни она, ни я пока не имеем возможности поселиться там, где нам хочется. И мы не можем быть вместе. Бэй нужно быть рядом с Фэном Наверху: там ему легче дышать и там теперь местные врачи помогут ему вылечить от страшной болезни. А для меня пока

лучше оставаться Внизу. Я по-прежнему еще не могу жить в их мире достаточно долго. Пока, увы, все исчисляется отнюдь не месяцами или годами, но всего лишь днями. Однако каждый новый подъем на поверхность я переношу все легче и легче.

И конечно, Тру тоже живет в Атлантии. Мы работаем в команде по восстановлению Нижнего рынка. Мы восстанавливаем свой родной город с помощью огня и металла. Вчера мы плыли рядом по дорожке, и, когда наши тела прикоснулись друг к другу в воде, я вспомнила, как мы вместе поднимались на поверхность. Когда мы вышли на берег, Тру поцеловал меня прямо при всех, не обращая ни малейшего внимания на одобрительные возгласы одних и возмущенный свист других.

– Рио, почему ты выбрала именно меня? – спросил он.

– Я очень долго прислушивалась, – ответила я. – И поняла, что ничей больше голос в мире не звучит так надежно, как твой.

Пока я росла, я часто чувствовала себя в капкане собственного голоса и толстых стен Атлантии, тяготилась опекой родных. Как же давно все это было.

Сейчас я сижу на берегу океана рядом с сестрой. Она положила руку мне на плечо. Мы вдыхаем воздух мира Наверху, а «небо» мира Внизу плещется у наших ног. И я знаю, что теперь я свободна.

Я сильная, и я стала такой не только под влиянием извне, но еще и благодаря тому, что есть внутри меня. Я сама создала себя.

– Бэй, – обращаюсь я к сестре и вижу, как меняется выражение ее лица. Однако она не столько удивлена, сколько рада. Ветер касается ее волос, щекочет песком ее кожу.

– Рио, – говорит она, – твой голос.

Я улыбаюсь. Бэй тоже это услышала.

Ко мне возвращается голос сирены.

Я думала, что он ушел навсегда, но затем, много недель спустя, я вдруг почувствовала его снова. Это случилось в тот день, когда в храме собрались и запели дети-сирены, чей дар родители прежде скрывали от окружающих. Мне кажется правильным, что мой голос вернулся именно в этот момент. Я отдала его, и он вернулся ко мне, чтобы я им снова поделилась. Это заставило меня вспомнить о маме. Верховная Жрица Океания отдала все ради спасения других, она хотела защитить и научить их. И это, как ни странно, не сделало ее слабее. Наоборот, мама от этого стала только сильнее.

Мне казалось, что я последняя сирена в Атлантии, но теперь я первая. Кто-то должен учить молодых сирен, которые наконец-

то могут жить спокойно и ни от кого не прятаться. Кто-то должен рассказать им истории, которые были скрыты в стенах Атлантии.

– Мне сейчас пришло в голову: а ведь мы с тобой повторяем историю Океании и Майры, – говорю я Бэй. – Две сестры, которые любят друг друга, но вынуждены жить порознь.

– Я бы очень хотела быть похожей на них, – с чувством отвечает Бэй.

И я тоже. Они были преданы друг другу. Ни одна из них не пыталась уничтожить другую, хотя у каждой была такая возможность, как в старой истории о сестрах-сиренах.

Наши мама и тетя присутствуют в каждой, самой мельчайшей частичке этого мира, и поэтому так легко увидеть их в собственной душе. Я думаю, что они наблюдают за нами. И наверняка продолжают любить нас.

Бэй обнимает меня, и я чувствую на коже ее слезы. Нет, мы не погибшие сирены с водорослями в волосах и монетами в пустых глазницах. Мы люди, мы живые, и мы нашли друг друга.

Мы сестры, и мы не утонули.